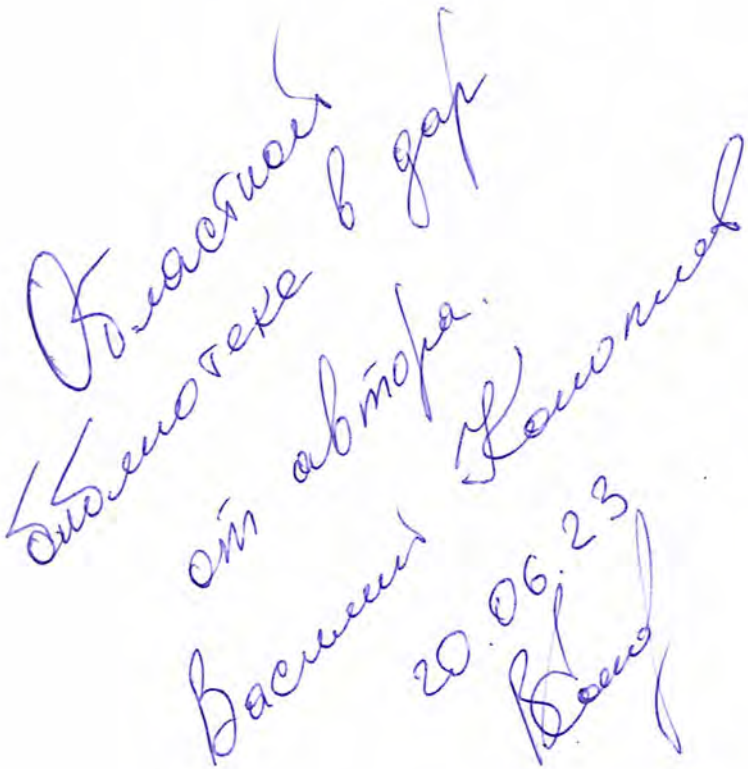
Василий
КОНОПЛЕВ

ТАК НЕ БЫВАЕТ

РОМАН

Благодарю
библиотеке в дар
от автора.
Василий Кононов
20.06.23

Издательство
«Северный Казахстан»

Василий
КОНОПЛЕВ

ТАК НЕ БЫВАЕТ

РОМАН

Петропавловск
2023

УДК 821 (574)-3
ББК 84 (5Каз-Рус)-4
К64

Коноплев В. Г.
К64 ТАК НЕ БЫВАЕТ. Роман./В. Г. Коноплев – г. Петропавловск, «Северный Казахстан», 2023. – 344 стр.

ISBN 978-601-7958-47-3

569268

«Так в жизни не бывает!» – говорят обычно, услышав невероятную историю. А вдруг она всё-таки не придумана, и что делать, если человеку так на роду написано? Читателю предстоит вместе с литературными героями пройти по их удивительному жизненному пути, окунуться в необычную атмосферу многолетней давности и стать свидетелем увлекательных событий в судьбе страны и персонажей романа.

УДК 821 (574)-3
ББК 84 (5Каз-Рус)-4

ISBN 978-601-7958-47-3

© Коноплев В. Г., 2023
© Издательство «Северный Казахстан», 2023

ТАК НЕ БЫВАЕТ

АЛЕКСЕЙ. 1979 ГОД

С двадцать пятого августа у Алексея Пожарского начиналась новая жизнь. Накануне он, выпускник областного пединститута, приехал по распределению в районный центр Явленку[1] работать в школе учителем русского языка и литературы. Пожилая секретарша в приёмной директора приняла от него заявление, после заполнения анкет она подробно объяснила, как пройти в райвоенкомат для постановки на воинский учёт. Когда же секретарша хлопнула ладошкой по папке с собранными документами, Лёшка подумал: «Ну вот и всё, попал! Завели на меня личное дело!».

– Да, мил человек, – как будто прочитала его мысли секретарша, – начинается ваш трудовой стаж. Пойдёмте к директору.

Седовласый старик в потёртом кителе с орденом Красной Звезды неловко привстал и протянул руку навстречу Алексею через стол.

– Ну вот и хорошо! С прибытием! Меня зовут Степан Нестерович Гроздов, а вас, молодой человек?

– Алексей Пожарский... Егорович, – Лёша пожал крепкую мозолистую руку директора.

– Ничего-ничего! Привыкайте. Теперь вы на всю жизнь для коллег и учеников будете Алексеем Егоровичем.

Жестом директор предложил присесть напротив него, а сам стал просматривать оставленную секретаршей папку с документами.

– Вот оно как, красный диплом! Отличник, значит! Это хорошо! Ну, я думаю, всё у вас получится. Семейное положение: холост. Это дело поправимое. Коллектив у нас

[1] Явленка – село в Северо-Казахстанской области.

женский. Мужиков всего трое. Трудовик, военрук и я. Так что держи ухо востро! Бабы у нас, то есть сельчанки, народ – ух! Ядрёный! Да ты не смущайся! Дело молодое! – директор подмигнул, без обиняков переходя на ты. – Ну да ладно, не о том речь. Я смотрю, ты к нам прямо с чемоданом. И правильно. Мы подготовили тебе жилище. Добротный дом, крестовой! Там баб Маша живёт. Одна. Пенсия у неё небольшая. Вот она и пускает на подселение. Порядок и чистота у неё идеальные. Ну, пойдём. Я тебя сам отведу к ней. Познакомлю, так сказать.

Степан Нестерович как-то неуклюже стал выбираться из-за стола. Опираясь на тросточку и прихрамывая, он вышел на середину кабинета. И тогда Алексей увидел, что у директора был только один левый башмак, а из-под правой штанины выглядывал алюминиевый костыль с резиновой накладкой.

Жила баб Маша неподалёку от школы. Когда мужчины подошли к её дому, она, как будто ждала, уже стояла на крылечке:

– Вот и Стёпушка пожаловал. Здравствуйте, гости дорогие. Милости прошу в дом.

Пройдя широкую веранду, Алексей оказался в просторных хоромах. Слева у окна расположился стол, напротив – печь с чугунной плитой. Одна дверь напротив входа вела, видимо, в большую комнату, другая справа – в комнату поменьше. А вместительная прихожая служила одновременно и кухней, и столовой. Обычно летом баб Маша готовила на лёгкой плите во дворе, но по случаю прихода гостей протопила печь в доме. Знакомый с детства запах свежевыпеченного хлеба принял Алёшку в свои объятия.

– Вот здесь, – женщина указала на дверной проём справа от входа, – будет ваша комнатка, не смущайтесь, проходите.

– Это, баб Маша, и будет наш новый учитель литературы Алексей Егорович, – представил директор молодого педагога.

– Ага, вместо Грудинихи, значит? – осведомилась хозяйка. – Оно и понятно, если Грудиниха ушла в декрет, вернётся не скоро. Пока пятерых не родит. Я их всех, Грудининых, знаю. У мамки её детей-то семеро, а у бабки – одиннадцать было.

– Ну ты, Алексей Егорович, баб Машу не переслушаешь, ты давай, чемоданчик свой в спаленке пристрой, пиджак скидывай и выходи к нам.

За шторками скрывалась большущая «спаленка». В общаге, где прожил Лёшка студентом четыре года, на такой площади поместилось бы кроватей пять. А здесь стол, койка, шифоньер и книжный шкаф, расставленные вдоль стен, открывали центр комнаты, как будто для танцев. «Здесь теперь и предстоит мне жить!» – с восхищением подумал Лёха.

Когда квартирант опять появился в кухне, директор сидел во главе стола, хлебосольно накрытого хозяйкой, и разливал по стопкам водку, по-доброму прозванную в народе «коленвал».

Вообще-то, Алексей к спиртному был равнодушен. И на студенческих капустниках ни водку, ни «бормотуху» не употреблял. Приходил со своей бутылкой сухого вина, и одного стакана ему хватало на весь вечер. За что сначала его наградили обидной кличкой «Аристократ» с добавкой «хре́нов», а потом, с чьей-то лёгкой руки, за ним закрепилось более благородное прозвище «Князь Пожарский».

Однако рассказывать о своих алкогольных пристрастиях «старикам», так для себя он окрестил баб Машу и директора, Алёша не стал.

– Присаживайся! – пригласил его Степан Нестерович. – Да и ты, Мария Ивановна, давай к нам, хватит хлопотать, на столе всё есть: и выпить, и закусить.

Было видно, директору не терпелось.

– Да что ты, Стёпушка, лошадей-то гонишь? – попыталась оправдаться баб Маша. – Вон у Алексея Егоровича тарелка пустая. Я вот щей томлёных налью.

– Это правда, щи у баб Маши – за уши не оттащишь! Мне тоже наливай! Да что ж это будут за щи без водочки? Ну, давайте! С приездом, как говорится, в наши края, за знакомство и на здоровье!

Директор опрокинул стопку, смачно сглотнул, закрыл глаза от удовольствия, наслаждаясь процессом:

– Хорошо пошла! Вот что значит – добрый человек к нам приехал, баб Маша! Отличник!

Мария Ивановна только слегка пригубила, Алексей тоже не стал пить до дна.

– Э-э! Так не пойдёт! Оставлять на дне – плохая примета! – Степан Нестерович всё замечал. – Ты, Егорыч, на женскую рюмку не гляди. Ты же мужик!

– Вы уж допейте и закусите! С дороги-то оно ничего, хорошо! – поддержала директора баб Маша. – Да и Степан не отстанет. Он у нас такой!

Алексей опустошил свою стопку.

– Вот и молодец! Теперь давай щец отведай!

Щи были настоявшиеся, со сметанкой, доесть их, правда, Алексей не успел: директор налил уже повторно.

После третьей Степан Нестерович запел:

Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!
Из многих тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину – огонь! Огонь!

Пел директор самозабвенно, хмуря брови, периодически закрывая глаза.

– Он всегда её поёт, когда выпьет, – баб Маша стала поправлять посуду на столе, – сейчас начнёт рассказывать про то, как воевал.

Она вздохнула, промокнула фартуком слезинку на своей щеке, взяла со стола суповые тарелки и отошла к мойке.

Степан Нестерович допел припев и заговорил спокойным голосом:

– Мария Ивановна не любит вспоминать о военной године. Оно и понятно. На фронте погибли и муж её, и сыновья. С младшим из них, Федькой, мы в одном полку служили. Меня летом сорок второго после учёбы направили в артиллерийскую школу. Я же в учительском институте обучался, вот военный комиссариат и отобрал нас на ускоренные курсы. А когда прибыли на передовую, то оказались мы в одном полку с земляком Фёдором Дайкаловым. Ну как с земляком? Он из Явленки, я из областного центра. А там, на передовой, это почти что родственники. Федька сызмальства к радиоделу пристрастился. И на фронт его взяли связистом. Вот он и таскал катушки с проводами между батареями. А в свободные минутки заглядывал ко мне во взвод. Он мне всё про мамку, это значит, про Марию Ивановну, и про отца рассказывал. Гордился он им очень. Ты что? Григория Дайкалова все знали. Плотник был знатный. Вот этот дом самолично срубил. Да ещё сколько в селе под конёк возвёл и не счесть! Ну а повоевать-то нам с Фёдором довелось всего в одном бою. Поставили нашу часть в самый раз там, где немцы готовили прорыв. Видел я, что Федька где ползком, где перебежкой мотался между окопами, пытался восстановить повреждённые провода, отчаянный парень. Связь – это ж первое дело для командиров. В общем, когда фашист пошёл танковой

атакой, нам по телефону из штаба было категорически запрещено открывать огонь. Ну, чтобы себя не обнаружить и начать бить в упор. Да какой там. В общем, подожгли мы несколько передовых танков, а те, что шли за ними, повернули назад. Радоваться бы! Но тут фрицы стали бить прицельно по обнаруженным огневым точкам из закрытых своих позиций. Очнулся я в медсанбате. Ну сестричка и рассказала, что командир дивизиона погиб. «А связист Дайкалов? – спрашиваю её. А она: «Прямое попадание, все, кто был в штабной землянке, все погибли!».

На этих словах Мария Ивановна, уголком косынки прикрыв глаза, скрылась в большой комнате.

– Давай, помянем Фёдора и всех Дайкаловых, не вернувшихся с войны, и моих отца и брата, – не дожидаясь Алексея, директор опрокинул стопку и, не закусывая, сразу обратился к молодому собеседнику: – У тебя-то в семье кто воевал?

– Дед по отцу. Он десять лет назад умер. Только на пенсию пошёл.

– Да, мне вот тоже недолго до пенсии. А потом вы, молодые, нам на смену.

Степан Нестерович разлил остатки водки.

– Давай, как говорится, чтобы не последняя, – он опять выпил. – Ты отдыхай, а завтра с утра в школу. Представлю тебя коллективу. Августовский педсовет, так сказать. Баб Маша, я пошёл.

Опираясь на трость, Степан Нестерович поднялся и уверенно пошёл на выход.

– Может, мне вас проводить? – догнав его уже на крыльце, предложил вслед уходящему директору Лёха.

– Не надо! – подняв руку вверх, остановил его Степан Нестерович.

– Ему недалеко, – пояснила подоспевшая баб Маша, – у Стёпы квартира при школе.

Она присела на ступеньки, глядя вслед прихрамывающему ветерану, продолжила:

– Сейчас у него лёгкий протез, вон как с тросточкой смело шкандыбает, а когда приехал к нам после госпиталя без ноги, скакал на двух костылях. Он тогда специально заглянул в Явленку, чтобы рассказать, как погиб Феденька. Они с ним так и договорились: кто выживет, расскажет родственникам, как было.

Алексей присел рядом с Марией Ивановной. Вместе они наблюдали, как встречные приветствовали Степана Нестеровича, а бегущие мальчишки приостанавливались перед ним и, поздоровавшись с директором, продолжали мчаться куда-то по своим пацановским делам.

– Крепкий он, – восхитился Лёшка, – практически один выпил пол-литра и хоть бы хны!

Баб Маша вздохнула.

– Молодой был – только по сто грамм наркомовских принимал. А потом уже стал двойную норму выпивать, говорит, мол, мы как на передовой. Однако в одиночку, сам с собой, никогда не пьёт. Ему поговорить надо. Он ведь у меня жил долго. Как приехал тогда из города к нам, так и остался. Да его почти сразу и директором назначили. А когда уж новую школу построили, съехал от меня. Там с одной стороны комната сторожа, а с другой – директорское жильё. Но меня Стёпа не забывает. То зимой ребятишек пришлёт, они мне двор почистят, то дров подкинет, то уголька.

СТЕПАН

Летом сорокового года родители уговорили Степана поступить в учительский институт. Стало известно, что учёба в старших классах школы и в вузах с первого сентября станет платной. Степан с отличием окончил семилетку и уже год отучился в восьмом классе. Институт проводил экспериментальный набор студентов с неполным средним образованием – в школах не хватало учителей. И вполне логично, по убеждению отца, было оплачивать не просто среднее образование сына, а сразу и профессиональную подготовку[2].

После первой же сессии приятной неожиданностью для Гроздовых стало решение ректората освободить Степана от платы за учёбу, более того, за отлично сданные экзамены ему была назначена стипендия. В общем, из иждивенца шестнадцатилетний Стёпка с января сорок первого года превратился в кормильца. В семье Гроздовых было трое детей: шестнадцатилетний Степан, на год младше Антон и сестрёнка Верочка – десятилетняя белокурая девчушка. Жили они в бараке, как и большинство семей сотрудников элеватора, где работали мать с отцом.

Мамка всё время твердила: «Учитесь, дети! Не хочу, чтобы вы всю жизнь только лопатой командовали». Степана и не надо было уговаривать. Учился он и в школе, и в институте с удовольствием, как говорится, с огоньком. Знаний из учебников и лекций ему не хватало, поэтому он часто засиживался в читальных залах городских библиотек. Институт только-только организовался, у него пока не было не только книжного фонда, но даже и собственных

---

[2] С 1 сентября 1940 года в СССР установили обязательную плату за обучение в 8–10 классах средних школ. Также платным было обучение в техникумах и вузах.

аудиторий. Занятия проводились в школьных кабинетах, где договорятся, в третью смену. Так что с главой семьи Степан порой виделся только в выходные дни. Отец ещё с работы не успевал прийти, а сын убегал на лекции и возвращался домой зачастую после полуночи, когда батька уже спал, а мать поднималась только покормить Стёпку, чтобы тот не громыхал посудой.

Став студентом, Степан сильно изменился. Крепкий и рослый от природы, он быстро проскочил подростковую неуклюжесть, и теперь статный парень выглядел солидно. К нему с уважением относились не только сверстники, но и преподаватели. Родители гордились своим старшим сыном. А вот младший был полной противоположностью брату. Учёба для Антошки была непосильным бременем. С удовольствием он посещал только уроки немецкого языка, легко он ему давался. Остальные предметы мальчишка не воспринимал. Закончит ли он семилетку, одному Богу известно. Ведь уже успел побывать второгодником, дважды отсидел в пятом классе. И несмотря на это, мальчишкой он был добросердечным, общительным, дружелюбным. Но когда речь заходила о выполнении домашнего задания, глаза его грустнели, и он придумывал всякие отмазки. Да лучше лишний раз принести воды домой или наколоть дров, он никогда не отказывал в этом соседям, за что его все любили и привечали: то чаем напоят, то лакомством угостят, которым он, кстати, всегда делился с младшей сестрёнкой.

Верочку любили и баловали в семье. «Солнышко» с нежностью окликал её отец. И правда, когда она, оживлённая, появлялась после школы с портфелем в руках, в комнатах становилось светлее и радостней. Очаровательная детская улыбка, трогательные лучики весёлых глаз неудержимо пленяли и вызывали умиление.

Каждый выходной отец придумывал для ребятишек какое-нибудь интересное дело. Зимой строили снежный городок и большую горку, на которой каталась детвора со всей округи. Летом, прихватив немудрёный перекус, который мама называла «тормозок», совершали пешие походы то на речку искупаться и порыбачить, то в лес по грибы и ягоды.

А вот в начале лета 1941 года Гроздовым было не до походов. У Стёпки – летняя сессия, у Антохи – экзамены за седьмой класс.

В воскресенье двадцать второго июня Степан с утра готовился к экзамену. Пообедали все вместе. В три часа (по московскому времени это в двенадцать) из радиотарелки объявили, что ожидается важное правительственное сообщение. Мать выбежала во двор, чтобы позвать мужа, он что-то мастерил вместе Антоном. Через пятнадцать минут сообщили, что у микрофона народный комиссар иностранных дел СССР товарищ Молотов.

Тревога мелкой дрожью отозвалась в груди. «Ну, не война же!» – подумал растерянно Степан.

Нарком долго рассказывал о том, что без предъявления претензий Германия совершила разбойничье нападение, атаковала наши границы, есть погибшие и раненые, их более двухсот. Чувствовалось волнение в голосе Молотова. Он, слегка заикаясь, вспомнил, что нападение Наполеона на Россию привело к его краху, потому что народ поднялся против зазнавшегося врага всем отечеством. И через пять-шесть минут речи, наконец, прозвучали самые страшные слова: «Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу».

Значит, это не конфликт на границе, это – Война.

– Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами, – закончил своё выступление Молотов.

Мама растерянно посмотрела на папу и неожиданно зарыдала, уткнувшись ему в грудь, как будто знала больше, чем услышали все. А Степан вдруг осознал, что в речи наркома впервые немцы были названы фашистами.

В понедельник стало известно, что объявлена мобилизация военнообязанных 1905–1918 годов рождения.

Нестер Гроздов родился в пятом году, призвали его в июле сорок первого. А уже в сентябре пришла похоронка. Мать молча сидела за столом, глядя на листок с извещением. «В бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 7 сентября 1941 года».

Антон, узнав о смерти отца, выскочил за дверь, потому что всегда прятался, когда плакал. У Степана почему-то глаза были сухими. Он до боли в пальцах сжал кулаки. Отчаяние от бессилия и невозможности что-либо изменить в случившемся вызывали жгучую ненависть к фашистам, не к конкретному человеку, а ко всем. Тогда же он решил для себя, если встретит на фронте немца (а на фронт он обязательно попадёт, несмотря на то, что ему ещё семнадцать лет), возьмёт за грудки, в глаза вражеские посмотрит и спросит: «За что? За что убили отца? Что он плохого сделал?».

Мама после похоронки сильно изменилась: поседела, постарела, стала молчаливой и с головы не снимала чёрный платок.

Вместе семья Гроздовых собиралась теперь очень редко. Антон устроился разнорабочим на элеватор. И они с мамой работали в разные смены. Степан хотел бросить учёбу, но мать попросила не делать этого. Тем более что ему как успешному студенту тоже выдавали карточки, правда, не на продукты, а на трёхразовое питание в заводской столовой. Домашним хозяйством фактически занималась одна Верочка: десятилетняя девчонка топила печь, мыла

полы, отоваривала карточки, готовила немудрёную пищу, при этом усердно училась в школе.

Осенью в учительском институте сменился почти весь преподавательский состав. Местные педагоги ушли на фронт, их сменили эвакуированные из Минска, Москвы и Ленинграда. Степану среди них запомнилась преподавательница географии Александра Фёдоровна Павлова. Статная дама лет сорока. Её низкий грудной голос завораживал. Говорила она негромко, спокойно. Занятия по её предмету всегда проходили увлекательно и необычно: то это было путешествие по морям и рекам планеты, то исследование глубин океанов и недр земных. Всё в приезжей даме было необычным и не похожим на других педагогов. Каштановые волосы, всегда чистые и пышные, заколоты были таким образом, что волной поднимались над высоким лбом. Длинная юбка и приталенный пиджак придавали стройной фигуре некую строгость и притягательность одновременно. Все парни на курсе Степана были в неё тайно влюблены так же, как и в Любовь Орлову, Марину Ладынину, Валентину Серову. Только киноартистки все улыбчивые, а глаза преподавателя Павловой всегда были грустными, никто не видел её смеющейся. Всю зиму и весну сорок второго года она читала лекции и проводила семинары, а экзамены летом принимал другой преподаватель. А случилось вот что.

Среди студентов второго курса, на котором учился Степан, были два неугомонных паренька, Санька Петров и Пашка Игнатов. Вечные непоседы, они устраивали на переменах всяческие развлечения и гонки друг за другом. В тот злопамятный день один из них был дежурным. В перерыве внутри пары, которую вела Александра Фёдоровна, Сашка должен был отмыть классную доску. Он, прихватив, ведро и тряпку, принялся за работу. Павел в это время намочил другую тряпку и, слегка её отжав, запустил в до-

569268

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
Не подлежит списанию

ску со всей силы. Было среди учащихся такое баловство: нужно кинуть мокрую тряпку так, чтобы она прилипла к доске и висела на ней какое-то время. Устраивали даже соревнования, чья тряпка продержится дольше. В общем, развлекались так и второкурсники. С возгласом: «Три тщательнее!» – Пашка осуществил подобный трюк. Пролетев над головой Саньки, бедная тряпка расплющилась на доске, неимоверно разбрызгав лишнюю влагу вокруг себя, в том числе и в лицо дежурного. Обидно! Осознав свою оплошность, Игнатов кинулся в конец класса, зачем-то вскочил на сидение парты последнего ряда и замер в ожидании ответной реакции друга. Петров, не торопясь, изо всех сил отжал тряпку, слепил из неё твёрдый колобок и, как снежок, запустил его в Пашку, который, увернувшись, ловко спрыгнул с парты. И в тот же момент за его спиной раздался грохот бьющегося стекла. Все, кто был в классе, замерли в изумлении. В кабинет заглянул заместитель декана, он в это время проходил мимо.

Более ужасной ситуации невозможно было придумать. Это занятие проводилось в кабинете истории. На задней стене в ряд были размещены портреты членов Политбюро ЦК ВКП (б). В самом центре должен был висеть портрет Сталина. На его месте торчал из стенки только неприкаянный гвоздь. Изломанная рамка, накрытая тряпкой, лежала на столешнице парты.

– Кто? – сурово спросил замдекана. Взглянув на понурившего голову Петрова, так же кратко приказал: – Пойдём!

Больше Сашку Петрова никто никогда не видел. Не появилась на занятиях ни в тот день, ни на следующий и Александра Фёдоровна Павлова. Лишь спустя много лет Степан узнал, почему из-за этой шалости безвинно пострадала преподавательница.

Закончились два года учёбы летом сорок второго года. Восемнадцатый день рождения Степана Гроздова совпал

с вручением диплома, и он, не задумываясь, сразу пошёл на призывной пункт проситься на фронт. Но на передовой оказался только в сорок третьем в звании младшего лейтенанта после окончания артиллерийских курсов.

Степан стал противотанкистом, или, как сами пушкари признавались, «бойцом одного сражения». Стрелять из короткоствольной гаубицы, находясь в закрытой позиции, и вести огонь по невидимому противнику, конечно, безопаснее, но не для этого Степан рвался на передовую. Он по-прежнему жаждал встретиться с фашистами лицом к лицу.

Все пушкари во взводе были намного старше нового командира и опытнее как в делах житейских, так и в ратных. На два орудийных расчета младший лейтенант Гроздов был единственным из необстрелянных. Остальные прибыли кто из другой части, кто из госпиталя. Дело в том, что истребительно-противотанковый дивизион, к которому молодой взводный теперь был приписан, лишь накануне прибыл в район боевых действий после переформирования. Такова судьба противотанковых частей – их хватает на один бой.

Днём, получив задание от командира батареи окопаться и замаскироваться, Степан велел личному составу построится на поверку. После переклички объявил:

– Всем отдыхать, а как стемнеет, будем выдвигаться на огневую позицию. Разойтись, командирам орудий остаться.

Два старших сержанта, крепкие бывалые мужики, присели рядом со взводным у карты, расстеленной прямо на траве. Первым орудием командовал Дмитрий Нечаев, наводчиком у него был брат-близнец Яков. Опытные бойцы, уже третий год на фронте. Второй боевой расчёт состоял под началом Ивана Дубцова, широкоплечего сибиряка. Степан годился своим подчинённым в сыновья, однако

старшинство командира по званию опытные бойцы принимали спокойно, с уважением.

– По донесению разведки, в нашем направлении со стороны противника готовится прорыв бронетехники. На два орудия нам отведена линия фронта в двести метров, – Гроздов на карте указал участок между оврагом и лесом, – вот здесь. Место открытое. Для каждого орудия нужно подготовить четыре окопа с возможностью перекатывать пушку после трёх-четырёх выстрелов. Наша задача – расположить склад с боезапасом так, чтобы доступ к снарядам был на минимальном расстоянии от любой огневой позиции. Задача ясна?

Степан взглянул на сержантов, те кивнули в ответ.

– Разрешите обратиться, товарищ младший лейтенант, – с прокуренной хрипотцой проговорил старший сержант Нечаев.

– Разрешаю.

– У вас на рукаве отсутствует нашивка артиллериста-истребителя. Ребята сразу обратили внимание. Наверно, в хозчасти не нашлось. У нас ефрейтор Дронов сам изготавливает не хуже заводских. С латунными стволами. Если вы не против, можем исправить эту ситуацию. Давайте пришьём. А то как же в бой идти? Без нашивки. Как-то не по-нашему.

Степан смутился, однако возражать не стал. Снял гимнастёрку и передал её бойцам. Справедливости ради он мог бы сказать, что старшина обещал ему выдать нарукавный знак, когда привезут со склада дивизии, но промолчал.

Как стемнело, выдвинулись на линию укрепления, определённую штабом. Каждый нёс с собой охапку нарезанных веток. Прежде чем подкатить орудия, подготовили по четыре площадки для каждой пушки на расстоянии метров двадцать друг от друга, очистили и уплотнили между ними

дорожки. Насыпной бруствер утыкали ветвями, соорудив тем самым зелёную ограду вдоль всей позиции взвода.

Никто не возмущался, когда необстрелянный ещё девятнадцатилетний офицер потребовал каждому расчету обкатать свою «сорокапятку» по всем огневым точкам. Пыхтели, но толкали в темноте орудия с места на место, вырубая на пути торчащие корни и закапывая глубокие ямки. Всё как по Суворову: «Больше пота в ученье, меньше крови в бою». А потом до рассвета таскали бойцы ящики со снарядами, распределяя их между огневыми точками.

Противотанкистов за глаза называли «смертниками». После того как в сорок втором году были организованы истребительные артиллерийские подразделения, тогда рядовым и сержантам назначили двойной оклад содержания, среди гаубичников родились поговорки: «оклад двойной – тройная смерть» и «длинный ствол – короткая жизнь». И это было не из зависти. На истребителей танков смотрели с уважением, как на гвардейцев. Но если в гвардии знак отличия красовался на груди, сверкая красным знаменем, то у артиллеристов тёмный ромб с пушками крест-накрест на левом рукаве гимнастёрки смотрелся как «чёрная метка».

Чуть забрезжило, в расположении взвода появился связист Фёдор Дайкалов с катушками проводов за плечами и с полевым телефоном на боку. Поприветствовав, протянул Степану телефонную трубку:

– Командир дивизиона на связи.

Гроздов услышал хриплый голос командира:

– Держись, младший лейтенант! В твоём направлении началось движение. Ты готов?

– Так точно, товарищ капитан!

– Не дай себя обнаружить! Подпускай поближе! Я верю в тебя, Гроздов!

Связь прервалась. Дайкалов забрал трубку и пожал руку Степану:

– Удачи тебе, земляк!

– Тебе тоже! – ответил Гроздов.

Они обнялись.

Степан прильнул к биноклю и, пытаясь оценить расстояние до цели, ждал. Он понимал, что если подбить две передовые машины с расстояния в пятьсот метров, то два других «панциря» домчатся до линии огня уже через пару минут, не говоря уже об идущих следом. Их придётся бить в упор. А нужно ещё время на смену позиции. Ведь если её не менять, возможно, встречать противника будет уже некому.

Наводчики держали танки на прицеле, командиры орудий смотрели на взводного. Внутри Степана всё сжалось до окаменения, когда он взмахнул рукой и крикнул:

– Огонь!

Справа и слева раздалось по хлопку. Через пару секунд хлопки повторились. Теперь всё зависело от командиров орудий. Как и предполагалось, два передовых танка остановились: один задымился, другой развернуло из-за разорванной гусеницы. Близнецы с расчётом уже перегоняли «сорокопятку» на новое место, когда вздыбилась земля на месте их первой огневой точки. «Молодцы! – про себя одобрил их маневр Гроздов. – Успели!». А вот орудие богатыря Дубцова продолжало выпускать снаряды по идущим на них танкам.

– Менять позицию! – неистово заорал взводный.

Услышали бойцы или сами догадались, выдернув из земли сошки, они стали вытаскивать пушку из орудийного окопа. И в это время землёй от взрывной волны засыпало весь расчет. Когда осела пыль, Степан увидел, что Дубцов с бойцами уже подтягивал орудие на новое место.

Бинокль был не нужен. Танки были близко. Зловещий лязг траков и гул двигателей своей мощью перекрывали звук орудийных выстрелов. Но это неважно! Важно, что нечаевская «сорокопятка» глухо выстукивала смертельный ритм. Все четыре авангардных «панциря» уже замерли. И вдруг неожиданность. Остановились идущие за ними другие немецкие танки. Они изрыгнули из стволов огонь, и не успел долететь до Гроздова звук выстрелов, как затряслась земля от взрывов и на месте, откуда вели огонь артиллеристы, образовались ямы. Но орудий там уже не было. Они ответили совсем с другой позиции, и задымились очередных два танка. Выкинув в воздух клубы чёрного дыма, оставшиеся на ходу самоходные железяки с крестами попятились, продолжая беспорядочно отстреливаться, видимо, не понимая, откуда русские ведут огонь и сколько их ожидает орудий.

Младший лейтенант в бинокль наблюдал, как танкисты вермахта, выскочив из подбитых бронемашин, спотыкаясь и оглядываясь, убегали с поля боя, бросив подбитую технику. «Этих за грудки не возьмёшь! Их просто не догонишь. Да и о чём с ними, удирающими, говорить?» – подумал Степан.

С момента, когда в пределах видимости появились танки и до окончания боя прошло, пожалуй, не более получаса. Гроздов лёг навзничь и устремил свой взгляд в рассветное небо. «Быть может, и сестричка Вера сейчас смотрит так же. Хорошо, что они с мамой далеко. Пусть лучше слушают свист птиц, чем осколков». И в этот миг действительно раздался свист, но это был звук летящих мин. Фашисты били издалека по координатам расположения взвода.

Очнулся Гроздов в медсанбате с раздробленной ниже колена ногой и мелкими осколочными ранениями по всему телу. На фронт он больше не попал. Война для него закончилась вместе с первым боем. Ещё несколько месяцев его переводили из одного госпиталя в другой, латая

раны. Ногу, несмотря на возмущение Степана, пришлось ампутировать.

Больно было? Да! Больно! Но он терпел. Пытался привыкнуть к костылям. До крови истирал подмышки. И опять терпел. Тревожно было на сердце, но не за себя, за родных. Уже более полугода он не получал ответа на письма – ни от мамы, ни от брата, ни от сестрёнки. Такое ощущение, что дома его никто не ждал.

Ранним весенним утром сорок четвёртого Степан Гроздов растерянно стоял в родном дворе перед бараком, в котором прошло его детство и из которого он уходил на фронт. В квартиру заходить не стал. Соседи, узнавшие его, сказали, что там теперь живёт семья эвакуированных. На вопрос, куда переселили Гроздовых, как-то путано и смущённо объяснили: брат Антон на фронте, младшую Верочку увезли в какой-то детский дом. А про мать лучше бы и не уточнял. Прозвучало страшно оскорбительное слово – «воровка». Сидит в тюрьме.

Вот так встретила малая родина солдата-инвалида: ни кола, ни двора, ни родных – ничего! И осознал вдруг Степан, что в этом необъятном мире ему некуда податься. За полтора года общения с военными людьми в условиях казарм, фронтовой неприхотливости и госпиталей у него ни разу не возникало вопроса: а где он сегодня заночует?

И теперь на ум Степану пришла только одна мысль: пойти в военкомат. Что он там найдёт? О чём спросит? Неважно! Военные помогут.

Городской военкомат находился на краю города. Дежурный после проверки документов пропустил молодого офицера на костылях на территорию военкомата. Гроздов в окошечко передал удостоверение личности, выданное ему ещё в воинской части. Прождал, сидя на лавочке, с полчаса.

– Товарищ младший лейтенант, пройдите в кабинет военного комиссара, – пригласил его дежурный офицер.

– Разрешите войти? – как положено по уставу обратился Степан, открыв дверь военкома.

Навстречу ему поднялся бравый майор, протянул левую руку, рукав правой был заправлен за ремень:

– Проходи, проходи!

– Разрешите доложить? Младший лейтенант Гроздов прибыл в родной город после госпиталя.

– Вот и хорошо! Присаживайся. Когда прибыл?

– Да, можно сказать, прямо с вокзала.

– И правильно! Значит, домой не заходил?

– Лучше бы не заходил, товарищ майор!

– А что так?

– Нет дома! В квартире живут эвакуированные, брат на фронте, сестрёнка в каком-то интернате.

Про мать Степан не стал говорить.

На столе военкома лежала раскрытая папка, полистав её, майор встал, жестом предупредив, чтобы младший офицер сидел:

– Знаешь, товарищ Гроздов, отчаиваться не надо. Ты вон, смотрю, ловко управляешься с костылями, молодец. А про родных спросишь в горисполкоме. Там же получишь пособие и узнаешь, куда тебя временно квартируют. При Советской власти не пропадёшь. А сейчас, товарищ младший лейтенант, встань! Смирно!

Майор вышел из-за стола, держа в руке листок бумаги, торжественно зачитал:

– За умелое руководство и отличную организацию действия подчинённых в бою, за нанесение противнику значительного урона и за проявленную при этом личную отвагу наградить младшего лейтенанта Гроздова Степана Нестеровича орденом Красной Звезды.

Степан до хруста в пальцах сжал рукоятки костылей. От неожиданности глаза его наполнились влагой.

– Дежурный! – громко выкрикнул майор. – Ну-ка, подсоби!

И передал вошедшему офицеру орден. А сам продолжил:

– Видимо, пока тебя по госпиталям возили, награда никак не успевала за тобой. Тогда и прислали орден с удостоверением к нам, в военкомат. Достоин! Носи с честью!

Через минуту гимнастёрку Степана украсил краснозвёздный орден.

– Поздравляю! – военком приобнял Гроздова.

– Спасибо, товарищ майор! Служу Советскому Союзу!

– Вижу по глазам, спросить что-то хочешь?

– Так точно, товарищ майор, можно ли узнать, в какой части служит мой брат, Гроздов Антон Нестерович?

– А вот мы дежурного попросим уточнить, – и передал тому папку со стола, – а ты присаживайся пока, как говорится, в ногах правды нет! Давай-ка обмоем награду.

На столе появилась фляжка с винтовой крышкой, затем пара алюминиевых кружек. Майор плеснул в них спирту, вынул из верхнего ящика стола тарелку с нарезанными пластиками хлебом и салом, поднял кружку:

– Давай, за Победу! – предложил военком.

– За Победу! – поддержал его Степан.

Выпили. Закусили.

– А не подскажете, товарищ майор, как нынче можно добраться до Явленки?

– А тебе зачем?

– Служил в нашем дивизионе земляк, Фёдор Дайкалов, погиб в том же бою, когда и меня ранило. А мы с ним договорились, кто в живых останется, близким сообщит, как погиб тот, кому не повезло. Жребий выпал мне сообщать. Мать его в Явленке живёт.

– Понятно! До Явленки километров сто. Знаешь, давай поступим так. Завтра с утра будет оказия, по районным

центрам развозят корреспонденцию, я договорюсь, тебя до Явленки подбросят.

– Вот спасибо!

– А ты как думал, своих не бросаем! – и без перехода обратился к вошедшему дежурному: – Ну, что там?

Майор взял переданный ему листок, взглянул на него и положил перед Степаном. Это было извещение: «Антон Нестерович Гроздов – пропал без вести».

КОЛЛЕГИ

Свой первый трудовой день Алексей Пожарский запомнил надолго. С утра перед педсоветом директор представил молодого специалиста коллективу:

– Алексей Егорович Пожарский, учитель русского языка и литературы, прибыл к нам по распределению после окончания пединститута.

Педагоги одобрительно загудели, стали оценивающе обсуждать нового коллегу:

– Молоденький!

– А хорошенький какой!

– Щёки у него пылают от смущения или это природный румянец?

– Наконец-то, свежего мужичка прислали!

– Холостой?

– Долго не продержится у нас. Сбежит.

– А мы его оженим, и никуда он не денется!

– Ну всё! Языки почесали и успокоились, – прервал говорливых учительниц Степан Нестерович. – У нас августовский педсовет. Для подведения итогов прошлого учебного года и о планах на предстоящий год слово пре-

доставляется заместителю директора по учебной работе Анне Петровне Снитко.

Выступление завуча Алексей слушал без внимания, не вникая в цифры успеваемости и проценты качества знаний учащихся. Тем более что параллельно с официальной речью по рядам распространялись всевозможные анкеты. В одну из них – о кружках и факультативах – напротив своей фамилии Пожарский вписал: театральный.

После педсовета Алексей сделался объектом особого внимания.

Первой подошла к нему стройная, в спортивном костюме, учительница:

– Алексей Егорович, волейболисты нам нужны, теннисисты тоже, а шахматы – это не спорт, забудьте. Тренировки по вторникам и пятницам, после уроков буду ждать, красавчик. Меня зовут Марина Юрьевна.

Алексей вспомнил, что указал в анкете виды спорта, которыми увлекается: волейбол, настольный теннис и шахматы. Марину Юрьевну оттеснила пышнотелая фигура и затараторила:

– Вы написали, что хотели бы из «чёрной кассы» получить уже в сентябре, я понимаю, что вам как молодому специалисту для устройства на новом месте хочется побыстрее заиметь солидную сумму, но полная зарплата у всех только через месяц, поэтому перепишем вас на октябрь.

– Хорошо, Татьяна Михайловна, запишите на октябрь, – перебил её бравый худощавый капитан, видимо, военрук, и, оттесняя говорливую активистку, взял Пожарского под локоть и полушёпотом продолжил так, чтобы слышал только Алексей: – В час дня заседание мужского клуба. Милости просим в оружейную комнату в конце правого крыла на втором этаже.

– Алексей Егорович, зайдите в кабинет завуча, – громко обратилась стройная девушка в пионерском галстуке.

Когда Пожарский, постучавшись, вошёл в небольшой кабинет, там сидели двое, кроме завуча, ещё и полная дама в очках с толстой коричневой роговой оправой.

Анна Петровна жестом пригласила сесть:

– Познакомьтесь, Алексей Егорович, ваша коллега, руководитель методического объединения учителей русского языка и литературы Наталья Ивановна Полянская.

Не глядя в глаза, Наталья Ивановна кивнула головой.

Завуч продолжила:

– Тут такое дело, уважаемый Алексей Егорович, в учебном плане не предусмотрено такого кружка – театральный. Есть драматический, им уже много лет успешно руководит Наталья Ивановна.

Полянская опять кивнула, пряча взгляд за стёклами очков, и неожиданно предложила:

– Быть может, вам, коллега, выбрать что-нибудь иное, связанное с литературой, языком, в общем, филологического профиля?

– Я ни в коем случае не претендую на драматический кружок, – Пожарский сначала посмотрел на руководителя МО, а затем перевёл взгляд на завуча, – но хотел бы создать в школе настоящий детский театр.

Наконец-то Алексей увидел серо-зелёные глаза Полянской. Они сверкнули за стёклами очков, в удивлении вперившись в молодого человека:

– Ну, прям сразу-таки и «театр»!? – проиронизировала руководитель МО и с нескрываемым раздражением выпалила уже завучу: – Понятно! Юношеские амбиции. Ничего! Скоро это пройдёт. И всё же, Анна Петровна, я бы настойчиво вас просила закрепить за мной драматический кружок.

– Ну, это само собой, Наталья Ивановна, – завуч была несколько растеряна, но, отдать ей должное, спокойна.

Алексей не стал парировать выпад Полянской и обратился к Анне Петровне:

– За три-четыре месяца я поставлю настоящий спектакль, который увидят все жители Явленки. Поверьте, опыт у меня есть. Более того, я имею профессиональную подготовку. Вот, пожалуйста, – он протянул завучу «корочки».

Анна Петровна раскрыла их и прочитала:

– Настоящий диплом свидетельствует о том, что Пожарский Алексей Егорович прошёл двухгодичную профессиональную подготовку в театральной студии при областном драматическом театре и ему присвоена квалификация «Режиссёр народного театрального коллектива».

Брови Полянской появились над очками. Пару раз безмолвно открыв и закрыв рот, расстроенная Наталья Ивановна встала и молча удалилась из кабинета.

– Это многое меняет, Алексей Егорович, – заключила завуч и предложила, – а давайте-ка мы пройдём к директору.

Объяснив Гроздову суть дела и положив на директорский стол театральный диплом Пожарского, Анна Петровна взяла выжидательную паузу. Степан Нестерович, помолчав с минуту, почесал затылок:

– А что? Неожиданно! Театр в сельской школе! Захочешь, а не придумаешь такого! Не будем резать крылья талантам, как считаете, Анна Петровна? Изыщем резервы?

– У нас всегда остаются часы кружковой работы, невостребованные в географии, биологии, да и по другим предметам. С вашего разрешения я подумаю, как их передать на благое дело.

– Разрешаю. Подумайте. Но и Полянскую не обижайте.

– Само собой, Степан Нестерович! Ну я пошла.

– Хорошо! А мы с молодым дарованием задержимся.

Дверь за Анной Петровной затворилась. Гроздов плутовски взглянул на новоявленного режиссёра:

– Удивил! Какие ещё секреты припрятал? – директор протянул Алексею диплом. – Ладно, ладно! Вопрос риторический. К тебе капитан уже подходил? Ну, тогда вперёд.

МУШКЕТЁРЫ

Алексей был немало удивлён, когда после директора шагнул за порог оружейки. Вместо ожидаемого запаха машинного масла, комната была наполнена духом солёного сала с чесноком. Металлическая крышка стола, прикрытая импровизированной скатертью из газет, была заставлена посудой и снедью: гранёные стаканы, разномастные тарелки, наполненные пупырчатыми огурчиками, мясистыми помидорами, зелёным лучком, пушистым укропом и крупным отварным картофелем, а в центре этого изобилия, нарезанное прямоугольными пластиками, благоухало ароматное белое сало. Время было обеденное, поэтому от вида такого аппетитного натюрморта Алексей, почувствовав прилив слюны во рту, непроизвольно сглотнул её. Домашняя еда, оно и понятно, в магазинах нынче не разживёшься, казённый прилавок обеспечивал только водкой и хлебом.

– Ну, все в сборе, – капитан, уже освободившийся от кителя, широким жестом окинув стол, пригласил собравшихся, – приступим!

Четвёртый из присутствующих, круглолицый пузатый трудовик, уже наполнял стаканы живительным напитком «коленвала».

Расселись вокруг стола на металлических, с фанерными сиденьями, стульях.

– И по традиции начнёт заседание мужского клуба Степан Нестерович, – капитан передал директору стакан.

– Ну что ж, друзья мои! С открытием сезона. И с расширенным составом. Вот и пополнился наш клуб трёх мушкетёров – четвёртым. Молодой человек, правда, не из Гаскони. Да и мы не из Парижа. Товарища капитана судьба военная помотала по гарнизонам. Так завертела, что закинула к нам, в Северный Казахстан. Теперь Анатолий Петрович Ржавин, или по-нашему Арамис, преподаёт начальную военную подготовку в Явленской школе. Мы только рады такому обстоятельству. Знаний у Анатолия Петровича воз и маленькая тележка. Такого эрудита поискать – не найдёшь. Что говорить! У него в доме вместо обывательской мебели все стены уставлены книжными стеллажами. Там тысячи книг. Ну вот кто из нас может похвастаться, что имеет двести томов из серии «Всемирная литература»? И все до единого тома им прочитаны! А вот у Олега Ивановича Тищенко, нашего мастера «золотые руки», страсть к журналам: «Моделист-конструктор», «Техника – молодёжи», «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Юный техник», а ещё про радиоконструирование, электротехнику – и только ему ведомо, про что ещё. С мальчишками он собирает и деревянные табуретки, и транзисторные приёмопередатчики. Действующие радиоуправляемые модели Тищенко постоянно демонстрируются на ВДНХ. На наш мушкетёрский манер он у нас Портос. Ну вот я и представил гордость нашей школы! Теперь о вновь прибывшем. Алексей Егорович Пожарский, кроме того, что с отличием окончил филфак, успел ещё освоить профессию режиссёра и будет у нас руководить школьным театром, который сам и соберёт.

– О! Таланты нам нужны! – вставил реплику капитан.

– Быть может, молодой человек и мечтал остаться в большом городе, – продолжил директор, – но судьба привела его к нам. Надеюсь, он об этом не пожалеет.

Степан Нестерович поднял повыше свой стакан:

– Давайте выпьем за то, чтобы задуманное воплощалось в жизнь. Несмотря ни на что, не обижаться на судьбу...

– Другой не будет! – дуэтом подхватили его тост друзья.

Алексей тоже придвинул свой стакан к трём, пригубил и поставил его на стол. Старожилы заметили это, переглянулись, кивнули друг другу и опрокинули содержимое, выпив залпом до дна. Каждый крякнул и потянулся к закуске.

– А соль где? – спросил трудовик, ища, куда бы обмакнуть огурец.

– Жена моя Галка мне всё время талдычит, что соль – это белая смерть, – военрук выставил на стол солонку.

– Значит, молодая ещё она у тебя, не ведает, что и старая кобыла до соли лакома, – подтрунил над ней трудовик, макая в соль и смачно закусывая запашистым хрустящим огурцом.

– Да я ей тоже говорю, мол, без хлеба не сытно, без соли не сладко, а она всё своё твердит: белая смерть.

– А вот дед Мирка на этот счёт так приговаривает: ешь солёное, пей горькое, долго проживёшь, а помрёшь, так не сгниёшь, – поддержал обмен поговорками директор.

Все рассмеялись и одобрили народную мудрость.

Алексей слушал старших товарищей и наслаждался их прибаутками, не забывая закусывать и про себя размышлять: «Вот ведь попал! Эти три мушкетёра, получается, нарекли меня Дартаньяном! Директор, надо понимать, Атос, стройный военрук, ясное дело, – Арамис, а полноватый трудовик – Портос».

– А о чём будет ваш первый спектакль, Алексей Егорович? – спросил трудовик.

– Я давно мечтал инсценировать «Капитанскую дочку» Пушкина.

Старожилы одобрительно закивали головами.

– «Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем Бог послал, по-солдатски. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал меня, говоря, что надобно привыкать к службе», – цитируя по памяти пушкинскую повесть, капитан Ржавин наполнял стаканы друзьям. – А я гляжу, наш Дартаньян пока слабоват и к службе ещё не готов.

Алексей был удивлён тому, насколько точно Анатолий Петрович знал текст «Капитанской дочки», а вот оправдываться, что он, мол, не любитель крепких напитков, не стал. Наоборот, первым потянулся к своему стакану:

– Я понял и ваш намёк, и оценил вашу, Анатолий Петрович, иронию и, если вы не возражаете, предлагаю в ответ такое присловье: можно отказаться от первой рюмки, но не от второй...

Алексей выдержал паузу, дав возможность присутствующим оценить сказанное.

– Наш человек! – подтолкнув локтём капитана, одобрил трудовик-Портос.

Арамис жестом руки и кивком головы подтвердил своё согласие и устремил взгляд на тостующего.

– Призна́юсь, встрече и знакомству с вами я очень рад. Оказаться в одной компании со столь достойнейшими и умнейшими мужами для меня высокая честь. Приложу все свои силы, чтобы оправдать ваше доверие. Извините за высокопарность: поднимем бокалы, содвинем их снова за процветание клуба мужского, – Алексей призывно поднял стакан вверх.

– Хорошо сказал!

– Молодец!

– Поддерживаю!

Гранёные «фужеры» звякнули, нетерпеливо встретившись над столом.

Несколько официальная обстановка во время представления собравшихся после опустошения «бокалов» заметно смягчилась.

– А что мы пропустили из событий в стране и в мире за лето? – обратился Степан Нестерович к Тищенко.

– Двадцать седьмого июня при входе в городской парк культуры и отдыха в Петропавловске установили бронзовый бюст космонавта, дважды героя Советского Союза Владимира Шаталова.

– А я был на церемонии открытия памятника, – обрадованно воскликнул Пожарский.

– О как! – удивился Ржавский.

– Ну, правда, наблюдал издалека. Там народу собралось – не протолкнуться, хотя и среда была. Мы с другом моим Володькой Льняновым возвращались из института после распределения: мне досталось направление в Явленку, а ему в какую-то городскую школу. Это потому что у него тесть – шишка партийная. В общем, решили мы обмыть это событие, то есть пивка в парке попить. А туда и подойти невозможно. Ну, пробрались мы в толпе насколько можно поближе. А тут как раз белое полотнище с бюста сдёргивают. Нам видны были только три головы: бронзовая и живая Шаталова, а рядом ещё и первого секретаря обкома Демиденко[5].

– Повезло тебе. Исторический, можно сказать, момент, – порадовался за молодого человека Степан Нестерович.

– А обмыть распределение-то удалось? – не удержался Портос.

---

[5] Василий Петрович Демиденко (1930–1998) – партийный деятель, первый секретарь Северо-Казахстанского обкома партии в 1965–1981 годах. Герой Социалистического Труда.

– Конечно! – развеселился Алексей. – Там по случаю события на каждом углу стояла пивная точка.

– Хорошее дело... – хотел было развить тему трудовик, но директор напомнил:

– Ты, Олег Иванович, не отвлекайся. Рассказывай, что ещё произошло за лето.

– Одиннадцатого августа приговор в отношении Антонины Гинзбург[4] приведён в исполнение.

– Это та самая Тонька-пулемётчица, которую приговорили к расстрелу? О ней в «Правде» писали в мае? – спросил капитан.

– Да, – подтвердил трудовик. – Что интересно, «Русская служба Би-би-си» решила напомнить о том, что у них, в Великобритании, смертная казнь отменена.

– А у нас подобные расстрелы как эхо войны, – философски заключил директор. – Не должна такая мразь с нами по одной земле ходить! Сколько людей она положила в могилу?

– Из доказанных на суде – сто шестьдесят восемь.

– Вот мразь какая! И ведь не на фронте. Мирных, невооружённых граждан расстреливала! – Степан Нестерович сжал кулаки, затем расслабился и обратился к Портосу. – Что ещё есть у тебя?

– Ну, о том, что команда «Пахтакора»[5] погибла в авиакатастрофе, сообщали и в газетах, и по телевизору, а вот о других трагедиях вы вряд ли знаете. Летом произошло ещё пять крушений самолётов. О них официально не сооб-

---

[4] Антонина Макаровна Макарова, в замужестве Гинзбург (1920–1979) – военная преступница, палач. Во время Великой Отечественной войны на оккупированной территории расстреливала советских пленных и мирных граждан.

[5] 11 августа 1979 года в воздухе столкнулись два самолёта. Погибли 178 человек. На борту одного из лайнеров находилась ташкентская футбольная команда «Пахтакор».

щалось. Зачем будоражить мозги и без того расстроенному населению – неожиданно заключил Олег Иванович.

– И сколько погибших? – спросил капитан.

– Всего... триста... четырнадцать, – прерываясь после каждого слова, произнёс Портос.

Возникла пауза в общении. Она несколько затянулась. Ошарашенный услышанным, Алексей переводил взгляд с одного «мушкетёра» на другого.

– Алексей Егорович, должен вас предупредить, что никогда услышанное здесь, в мужском клубе, не выходило за его пределы и не касалось ничьих ушей, – директор-Атос сказал это с некоторым напряжением. – Я очень надеюсь на понимание и ваше благоразумие.

Три пары глаз изучающе зондировали молодого человека, станет ли он преданным Дартаньяном или окажется «чужим среди своих».

И что должен был сказать Алексей? Что товарищи из органов уже не раз проверяли его на «вшивость» в студенческие годы, предлагая сотрудничать. Что «сексотом» он не был, а тех, кто стал таковым, презирал.

– Я понял, Степан Нестерович! Если поверите на слово, я не трепло!

– Поверю! А ты, Олег Иванович, не напрягал бы так, с лёту, парня! У тебя что, других вестей нет?

– Есть! – трудовик перестроился. – Совершенно свежие. В Нью-Йорке в течение трёх дней не выпускали из аэропорта наш Ил-62. Всё это время пассажиры жили в самолёте.

– Ого! – удивился Арамис.

– Да! – продолжил Портос. – И всё из-за балерины Большого театра Людмилы Власовой[6]. Американская сторона

---

[6] Людмила Иосифовна Власова (1942) – артистка балета, солистка Большого театра.

требовала доказательств, что она по своей воле, а не по принуждению, покидает Соединённые Штаты.

– И чем же она так ценна для них? – не унимался Арамис.

– Наши СМИ умалчивают, а вот «Голос Америки» объясняет, что её муж, Александр Годунов[7], во время гастролей попросил политическое убежище.

– Это уже модно стало у молодого поколения бежать на Запад, – ворчливо заметил директор-Атос.

– Всё это – зависть и жажда наживы! – подытожил Арамис. – Ну чего не хватало этому Годунову? Танцевал главные партии на сцене Большого. Если не ошибаюсь, ему в прошлом году присвоили звание Заслуженного артиста, а пацану всего двадцать восемь лет. Объехал полмира. Может, слава и пример его однокурсника Михаила Барышникова[8] не давали покоя? Пять лет назад тот тоже стал «невозвращенцем» во время гастролей в Канаде.

– А вот в новогоднюю ночь показывали музыкальную картину «31 июня», – вспомнил Портос, – по-моему, там и снимались Годунов и Власова. Теперь этому фильму, я думаю, «хана».

Алексей слушал всё это, в прямом смысле разинув рот, и пытался вспомнить, как встречал прошлый Новый год, это было дома, в деревне Бугровка. Да, точно, как раз в полночь шёл странный фильм про какие-то рыцарские времена. Там много пели и танцевали. Кино не впечатлило. В связи с тем, что с Москвой разница в три часа, в ожидании кремлёвских курантов он от безделья щёлкал переключатель каналов. А на следующий день, уже первого января вечером показывали телефильм «Обыкновенное чудо»,

---

[7] Александр Борисович Годунов (1949–1995) – артист балета. Заслуженный артист РСФСР. «Невозвращенец» с 1979 года.

[8] Михаил Николаевич Барышников (1948) – артист балета. «Невозвращенец» в СССР с 1974 года.

вот эта кинокартина с Мироновым[9] и Леоновым[10] хорошо запомнилась. «А бабочка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк!».

А Портос тем временем продолжал проявлять чудеса памяти:

– Помнится мне, в конце фильма герой Годунова произнёс: «Прощайте, больше я здесь не нужен!». Накаркал, значит, сам себе, гадёныш.

– Интересная прослеживается закономерность, – поддержал товарища Арамис. – Ещё до революции антрепренёр Сергей Дягилев[11] создал группу «Русский балет»[12] в Париже. Его прославили легендарные балетмейстеры Вацлав Нежинский[13] и Леонид Мясин[14]. Никто в Россию из них не вернулся. Про Мясина говорили: «У него нет ни души, ни сердца, единственное, что его интересует, – это деньги!». Мясин был настолько богат, что выкупил у берегов Италии острова. А помогал ему их благоустроить сам Ле Корбюзье[15], знаменитый французский архитектор.

– А ты в курсе, – прервал рассказ военрука трудовик, – что этот Лео Мясси́н, как его звали на французский манер, в марте этого года умер?

---

[9] Андрей Александрович Миронов (1941–1987) – актёр театра и кино. Народный артист РСФСР.

[10] Евгений Павлович Леонов (1926–1994) – актёр театра и кино. Народный артист СССР.

[11] Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) – организатор «Русских сезонов» в Европе.

[12] «Русский балет» – балетная антреприза в рамках «Русских сезонов» в Европе.

[13] Вацлав Фомич Нежинский (1889–1950) – танцовщик, хореограф, ведущий участник «Русского балета».

[14] Леонид Фёдорович Мясин (1896–1979) – танцовщик, хореограф, главный балетмейстер «Русского балета».

[15] Ле Корбузье (1887–1965) – знаменитый французский архитектор, художник, дизайнер.

– Да ты что? Нет, не знал! Ну, в общем-то, славно пожил артист, дотянув до восьмидесяти с лишним лет.

– Как сообщает «Радио Свобода»[16], эти острова после смерти Мясина выкупил другой русский танцор-миллионер Рудольф Нуриев[17]. Он из Советского Союза переметнулся на Запад ещё в шестьдесят первом году, – подтвердил Портос умозаключение друга.

– Что и требовалось доказать! – сделал вывод Степан Нестерович. – Годунову захотелось ласки «жёлтого дьявола». Анатолий Петрович прав, зависть и гордыня обуяли молодого артиста, а это смертные грехи.

– Да ну её к лешему, эту избалованную, изнеженную творческую интеллигенцию, – поддержал своего шефа Анатолий Петрович. – С жиру бесятся! А сало русское едят!

– Вот именно! – подхватил мысль товарища Олег Иванович. – Где родился, там и сгодился! Не обижайся на судьбу...

– Другой не будет, – хором одобрили мушкетёры, подняв стаканы.

НАЧАЛО

Уроки. Звонки. Переменки. Проверка тетрадок. Оценки. Одно и то же изо дня в день.

К этому Алексей был готов. Даже в рутине будней он пытался находить удовольствие. Ему нравилось, что с его помощью ученики приобретали знания, становились более грамотными.

---

[16] «Радио Свобода» – американская радиовещательная программа.

[17] Рудольф Хаметович Нуриев (1938–1993) – артист балета. «Невозвращенец» с 1961 года.

К концу первой учебной недели состоялась встреча с желающими записаться в театральную студию, так он решил пока назвать будущий школьный театр.

Собралось человек двадцать. Девушки и юноши старших классов. Сорок дерзких глаз смотрели на него изучающе. Надо было как-то вдохновить ребят, сделать их своими сподвижниками.

– Тех, кто продержится до конца, до премьерного спектакля, ждут удивительные ощущения счастья. Всё у нас будет по-настоящему. Будем учиться двигаться по сцене, узнаем, как наложить грим, научимся играть так, чтобы в зале зритель поверил, что мы не знакомые им Саша, Миша, Наташа, а герои тех давних времен, которых вы будете изображать. А для постановки я предлагаю взять повесть Александра Сергеевича Пушкина «Капитанская дочка».

У одних ребят в глазах загорелось любопытство, у других – некоторое разочарование.

И Алексей распушился. Он пообещал, что после каждой репетиции или во время её, или перед началом будет раскрываться некая тайна, о которой никто, ну, по крайней мере, в Явленке, до сих пор не знал. И всё это начнётся сегодня!

– А позвольте вопрос? – поднял руку из последних рядов рослый паренёк.

– Конечно. Пожалуйста.

– Ну, персонажей там по сюжету наберётся с десяток, а нас тут вдвое больше. Кто-то получит роль, а что остальные будут делать? Вон у Натальи Ивановны в драмкружке постоянно человек пять заняты.

– Вопрос своевременный, – поддержал Алексей. – Как вас зовут?

– Андрей Стройнов.

– Ну так вот, дорогой мой Андрей. У нас будет по два как минимум актёра на роль. Но играть одновременно на сцене будут все. Сегодня в основном составе, завтра в массовке.

– Это что ж, учить придётся слова сразу двух ролей? – хрипло пробурчал кто-то из мальчишек.

– Димка, ты балбес! У массовки слов нет! – ответила за учителя румянолицая, светловолосая девчушка со вздёрнутым носиком.

– А, ну тогда нормалёк! – хихикнул вместе с другими сомневающийся лопоухий парнишка.

– Меня зовут Ольга Кузнецова, – курносая представилась учителю сама и тут же обратилась с вопросом, – а правда, Алексей Егорович, что вы играли на настоящей театральной сцене?

– Правда, – ответил Пожарский, – но лишь в эпизодах. А в составе народного студенческого театра и в главных ролях. Да мы и к вам в Явленку приезжали. Зимой выступали в районном клубе. Показывали спектакль «Попытка не пытка!»[18].

– Я помню. А кого вы там играли? – не унималась девчина с русой косой.

– Диму Ручейкова – абитуриента театрального училища, который пытался доказать профессору, что умеет перевоплощаться.

– Так это вы переодевались в женщину репетиторшу?

– Это я!

Аудитория восхищённо загудела, мол, видели-видели эту постановку.

– Однако давайте вернёмся к нашим овечкам. Итак, действие «Капитанской дочки» у нас начнётся с приезда Петра Гринёва в Белогорскую крепость. Всю предыдущую

---

[18] «Попытка не пытка!» – пьеса А. И. Кузнецова. Написана в 1973 году.

историю героя зритель узнает из диалогов. А первая картина будет представлять из себя плац с марширующими солдатами и с жителями крепости. Это большая массовая сцена. Таких массовых сцен у нас будет три. Ещё одна во время казни капитана Миронова и третья – во время казни самого Пугачёва. Все остальные сцены – это сюжетные конфликты: Гринёв-Швабрин, Гринёв-Пугачёв, любовный треугольник Гринёв-Маша-Швабрин. А, как говорится, за кадром всё время будет звучать голос рассказчика, озвучивающего записки Петра Андреевича Гринёва.

Было заметно, как загораются интересом глаза тех, кто поначалу сомневался. И вот теперь Пожарский решил окончательно привязать их к себе, к театру, к общему делу.

– Быть может, самые любопытные знают, что Пушкин для своей повести написал не четырнадцать глав.

Алексей подольше, театрально интригующе, тянул паузу, озорно посматривая на мальчишек и девчонок.

– Александр Сергеевич не стал публиковать пятнадцатую. И в рукописи подписал «Пропущенная глава». А мы с вами оживим её и включи́м в инсценировку. Она увлекательна и выглядит вполне современно. Летом восстание крестьян происходит и в имении Гринёва-отца. Именно туда Петр Андреевич отправил Машу Миронову с Савельичем после освобождения из швабринского плена. Взбунтовавшиеся деревенские крестьяне заперли своих господ в амбаре. Подоспевший Гринёв-сын в одиночку приходит на помощь своим родителям, но, оплошав, тоже оказывается в заточении. Внезапно появляется Швабрин с пугачёвцами. Он требует выдать ему Марью Ивановну. Происходит схватка. Отец Гринёва стреляет в Швабрина, однако промахивается. Взбешённый Швабрин приказывает повесить всех Гринёвых. Но! За это время Савельич успевает сообщить майору Зурину об опасности, и тот

с отрядом гусар поспевает вовремя, избавляя Гринёвых от виселицы и арестовывая Швабрина.

Алексей Егорович смотрел на притихших и зачарованно слушающих школьников. «Всё! – решил он про себя. – Они мои! Надо работать!».

– Ну как, уважаемые? Репетировать будем?

– Будем! Ага! Давайте! – загалдели собравшиеся.

– А вы точно каждый раз станете нам рассказывать что-нибудь такое же обалденное? – высказал общий интерес лопоухий.

– Зуб даю! – серьёзно, но с лукавым прищуром, поклялся Пожарский.

Это вызвало общее веселье.

– А можно я буду играть майора Зурина? – решил застолбить себе роль неугомонный парнишка с хрипловатым голосом и с оттопыренными ушами.

– Можно, – пообещал Алексей.

– Тогда запишите напротив майора Зурина мою фамилию – Орешин, – и довольный собой ушастый, кучерявый паренёк залихватски закрутил под носом несуществующие усы.

СОСЕД

В выходной день Алексей решил проявить инициативу и помочь баб Маше по хозяйству, хотя и в огороде, и в подсобных сараях у старушки всё было в порядке. Вооружившись метлой, Пожарский принялся подметать двор и территорию за воротами. Площадь в целом немалая. Намахался он порядочно. Присел на крыльцо передохнуть. Облокотился на верхнюю ступеньку. Подставил лицо под

лучи тёплого осеннего солнца, веки сами собой сомкнулись. Приятная дрёма овладела им на мгновение. И он увидел вдруг, что в деревне Гринёвых крестьяне установили перекладину и приготовились казнить своих господ. Первыми подвели к свисающим петлям Машу Миронову и молодого барина Петра. А смотрел на всё происходящее беспомощный Петруша Гринёв глазами Алексея Пожарского и осознавал, что это не театральная сцена и не постановка спектакля. Взглянул он на бедную девушку и узнал в ней Олю Кузнецову, только не розовощёкую и задорную, а бледную и испуганную. Ничем ей Алексей помочь не может, руки у него связаны за спиной. А тут подходит к ним сам Пугачёв и удивляется: «Ёк-макарёк!».

Алексей открыл глаза. Перед ним стоял древний дедок с клюкой и всплёскивал свободной рукой:

– Говорил я Машке: не пляши с метёлкой. Ну вот! Доигралась, ёк-макарёк! К ней на крыльцо ведьмак свалился! Ну и как, не больно сидеть на палке-то, когда летаешь?

Пожарский понял, что вопрос обращён к нему и ведьмак – это он. Черенок метлы лежал у Лёшки между ног.

– Зашибся небось? Глаза вон как выпучил! – продолжал ворчать старичок. – И чо ты нашёл в Машке-то? Старовата она для тебя. Она, вековуха, и для меня давнепрошлая зазноба. Да я-то привык уже к ней, седоголовой. А ты откель взялся, суматошный? С небес аль с преисподней?

– Я квартирант. Живу у баб Маши. Вот двор подмёл. Учитель я, вообще-то.

– Да ты что, милок? Земной, значит? Оно и хорошо! Рано ей ещё и к ангелам, и к демонам. Ты давай-ка вот Марусе лукошко передай с грибами. Пусть пожарит. Люблю я жареные груздочки под водочку. Короче, я за чекушкой, а ты на кухню. Буду скоро, ёк-макарёк!

И дедок живо засеменил через двор к воротам, постукивая своим посохом.

Алексей заметил у крыльца небольшую плетёную корзинку с грибами. Отставил в сторону метлу. Усмехнулся. И поднялся в дом.

– Баб Маша, тут какой-то странный старичок с палкой принёс грибы. Просил пожарить. Если честно, я-то думал, что грузди только солят.

– А-а! Это сосед. Дед Мирка. Болтун заполошный! Нет, он человек хороший, добрый. Бобыль. Я иногда ему что-нибудь готовлю. Ну так, порой посидим, повечеряем вместе.

– Он сказал, что пошёл за чекушкой. Скоро вернётся.

– Понятно! Тогда я быстренько сварганю что-нибудь на стол. Заодно попробуешь груздков, жареных с лучком да на маслице.

– А сколько ему лет?

– Он и сам не знает. Но дедом Миркой его величали ещё до войны.

Алексей, помогая накрывать баб Маше стол и расставляя рюмки, думал: «Ну и сильны же явленские мужики, даже такие древние, как дед Мирка, пьют по любому поводу».

БУДНИ

Пышногрудая профсоюзная активистка Татьяна Михайловна заглянула на перемене в кабинет к Пожарскому:

– Алексей Егорович, разыгрываем дефицит. Тяните!

И она приоткрыла крышку коробки, в которой, по-видимому, и находились карточки розыгрыша.

– Ой, какой вы везунчик! – обрадовалась Татьяна Михайловна, когда Алексей показал ей картонный номерок. – После часу дня в кабинете домоводства можете забрать выигрыш. Я побежала дальше.

Алексей перевернул карточку с номером и прочитал: «Бюстгальтер!». Посмотрел по сторонам, не видел ли кто ещё эту надпись, и почувствовал, что уши его запылали. «Вот уж действительно, лифчик-счастливчик! Одним словом, розыгрыш!».

После своих уроков Пожарский пошёл к военруку-Арамису посоветоваться. Что делать в такой ситуации? Принять за шутку? Не обращать внимания? Или?..

Анатолий Петрович разулыбался:

– Да ты не переживай! Тебе ещё повезло! Вот я в прошлом году вытянул венгерский гарнитур. Денег на него у меня не было, да он мне и не нужен. А отказываться нельзя! Учителям нашим тоже не по карману. Хорошо, выручил Степан Нестерович. Позвонил в администрацию, мол, не нужна ли там кому венгерская мебель. Слава богу, желающие нашлись. А у тебя наши бабы с руками оторвут эти чепчики для близнецов. Только свистни!

– Спасибо, успокоил, товарищ капитан! Вот сейчас прям выйду в коридор и объявлю: кому нужен мой лифчик?

– Зачем объявлять? Да он и не твой. Татьяна Михайловна у нас открытая дамочка, она наверняка уже всем разнесла, что холостому молодому учителю выпало женское счастье. Тебе предложений по обмену отбоя не будет. Ты только не прогадай! Торгуйся за титишники.

И действительно, стоило Пожарскому выйти из кабинета начальной военной подготовки, а к нему уже подлетела физручка Марина Юрьевна, как всегда, в спортивном костюме:

– Алексей Егорович, почему не появляетесь в спортзале? Напоминаю, что тренировки для учителей по вторникам и пятницам, – громко и задорно, чтобы все слышали, объявила учительница физкультуры, а затем тихо и доверительно продолжила, – у меня мужские итальянские туфли, меняться будем?

Она настолько близко прильнула к Алексею, что тот отчётливо внял запах женского пота.

– Простите, не понял?!

– Ну что ты краснеешь, как помидор на грядке? Талонами меняемся? Я тебе обувь, ты мне – нижнее бельё.

– А-а! Да! Конечно! Пожалуйста! – и Пожарский протянул свою карточку.

– Ну вот! А ты боялся! – Марина Юрьевна шаловливо щёлкнула Алексея обменянной карточкой по носу и громко объявила: – Жду на тренировке!

И спортивной походкой, слегка виляя упругими ягодицами, удалилась.

«Уф! Освободился!» – с облегчением подумал молодой человек, а к нему уже летела навстречу задорная пионервожатая Настя.

– Я уже всё! – попытался опередить её предложение Алексей.

– Что всё? – не поняла Анастасия.

– Отдал бюстгальтер.

– Чей?

– Мой.

– Кому?

– Марине Юрьевне.

– Зачем?

– В обмен на туфли.

– А-а! Вы про дефицит? Не! Мне бюстгальтер не нужен.

И Пожарский взглянул на грудь пионервожатой, вернее, на её отсутствие. «Блин! Неловко как-то получилось!».

– Да вы не переживайте из-за этого, Алексей Егорович.

«Из-за чего не переживать? Из-за её груди или из-за обуви?» – мелькнула мысль в голове парня.

– Я совсем по другому поводу, – красногалстучная Настя даже не смутилась.

– Да? Ну тогда извините!

– Вас приглашает в приёмную секретарь по очень важному вопросу.

Пожилая секретарша Ульяна Станиславовна встретила Пожарского строго:

– Что ж вы, Алексей Егорович, подводите нас? Вы в военкомате были? Существуют точно отведённые сроки для постановки на воинский учёт. Нехорошо, молодой человек!

– Ульяна Станиславовна, я совсем забыл. Извините, что подвёл вас!

– Да я-то тут причём? Вы школу не подводите! Я ж вас в первый день направляла в военкомат, помните?

– Да, конечно! Я сегодня же, прямо сейчас туда явлюсь.

– Приписное свидетельство с собой не забудьте взять и паспорт.

В военкомате, как и следовало ожидать, встретили Пожарского с претензиями, мол, это что такое? Недовольная сотрудница смотрела на него уничижительно, с раздражением, как будто он мешал ей работать, с брезгливым прищуром она начала отчитывать:

– В приписном свидетельстве чёрными буквами впечатано: в военкомат явиться в трёхдневный срок при изменении места жительства. За нарушение штраф десять рублей. Ты что, читать не умеешь?

На несколько хамоватую речь брюзгливой служащей Пожарский отвечать не стал. Она протянула бланк анкеты. Алексей, чувствуя свою вину, молча принял выданную бумагу для заполнения. У стены стояли конторки, сохранившиеся с Бог знает каких времён. Самое удивительное, что на конторке лежала перьевая ручка и в круглой выемке стояла чернильница-непроливашка. Алексей уже и забыл, когда последний раз писал жидкими чернилами, наверное, в начальных классах. Он попробовал на испорченном бланке, как получится. Что удивительно, рука сама вспомнила, и он каллиграфически, с нажимом, стал

заполнять анкету. В это время в помещение зашёл офицер и обратился к ворчливой дамочке:

– Если появится для постановки на учёт призывник... этот-на... Пожарский, направьте его ко мне-на.

– Так вот он, нарушитель, анкету заполняет, товарищ военком, – ответила ворчунья.

Пожарский обернулся.

– Очень хорошо! Алексей Егорович? – офицер, улыбаясь, взглянул на Пожарского. – Как управитесь с формальностями, сразу ко мне-на.

И ушёл.

Растерянный Алексей долго никак не мог сосредоточиться на анкете. «К чему бы это всё?». Закончив, передал бумагу строгой сотруднице.

– Уже заполнили? – доброжелательно приняла документ совершенно изменившаяся мадама. – Очень хорошо! Я уже поставила отметку в приписном свидетельстве. Вот! Возьмите! Александр Данилович ждёт вас.

– Вельми понеже! – не смог не поёрничать в ответ Алексей и порадовался округлившимся в удивлении глазкам ворчуньи. – Весьма вами благодарен!

Удивлённая сотрудница военкомата вряд ли вспомнила реплику Пуговкина[19] из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», но, улыбнувшись, кивнула в ответ.

Секретарша военкома, услышав фамилию молодого человека, сама сопроводила Алексея в кабинет начальника.

– Проходите, проходите, Алексей Егорович! – не поднимаясь из-за тяжёлого стола, пригласил капитан. – На учёт встали? Очень хорошо-на! Не удивляйтесь! Я вас помню! По спектаклю! Вы приезжали к нам зимой. Смеялся от души! К-к-к-к! – то ли захихикал, то ли закашлял военком.

---

[19] Михаил Иванович Пуговкин (1923–2008) – комедийный актёр театра и кино. Народный артист СССР.

– Понятно! А я, если честно, подумал, не в армию ли меня призывают.

– Это успеется! Это гражданский долг! Никуда вы от него не денетесь-на! А пока для государства важнее, чтобы вы-на, как говорится, на ниве просвещения-на... так сказать, у молодого поколения... так сказать, гражданскую и нравственную позицию... советский дух... укрепляли-на.

– Спасибо! Будем стараться! А как насчет штрафа? – не забыл Алексей и про меркантильную сторону проблемы.

– А что у вас десять рублей лишние? Ну давайте их мне-на! – капитан протянул руку.

Алексей от неожиданности открыл рот и задержал дыхание.

– Шутка юмора! – осклабился военком и снова захихикал или закашлял: – К-к-к-к-к!

Пожарский облегчённо выдохнул.

– Этот вопрос мы решим так! Вы оставите объяснительную-на. Вот листок, ручка-на, – военком придвинул к краю стола чернильницу и перьевую ручку.

Алексей оглянулся, стульев поблизости не оказалось. Согнувшись, навис над столом, приготовился.

– Пишите в правом углу. Военному комиссару Явленского района капитану Снитко А. Д. от Пожарского А. Е. По центру – объяснительная. По факту нарушения срока постановки на учёт имею доложить следующее. Задержка произошла из-за поиска места проживания и прописки. Подпись-на. Дата-на.

Забрав объяснительную и взглянув на неё мельком, капитан подытожил:

– Очень хорошо! – и вдруг неожиданно продолжил: – Когда не служившему Алексею выдали военный билет, он уж описался, собственно, поэтому ему и выдали военный билет-на.

Капитан самозабвенно, как-то с придыханием, опять захихикал, как будто закашлял:

– К-к-к-к-к! Шутка юмора! Анекдот, так сказать, к месту-на. А вы где остановились?

– В доме Марии Ивановны Дайкаловой.

– А-а, у баб Маши! Очень хорошо-на!

И тут капитан приглушённо заговорил совершенно о другом:

– Должен вас предупредить, Алексей Егорович. Школьный трудовик Тищенко слушает западные радиостанции-на. Зря, я вам скажу... зря перестали глушить вражеские голоса-на. И капитан Ржавин, военрук в школе, тоже... ещё тот гусь-на. Вы не в курсе? В шестьдесят восьмом он подал рапорт на увольнение-на. Сразу после событий в Чехословакии[20]. А ему должны были дать майора-на. Не захотел. Странно? Вот! То-то и оно-на!

Алексей не улавливал связи между воинским учётом и учителями школы. Зато военком нить мысли не терял:

– Ржавин из армии сбежал-на... Тищенко и вовсе не служил, белобилетник-на. А воинская служба в Советском Союзе – это что? Правильно! Почётный долг-на, священная обязанность, так сказать, каждого гражданина. Так что будьте готовы! Как только понадобитесь... сразу в ряды Советской Армии. Договорились-на?

Алексей растерянно кивнул.

– Очень хорошо! Будь начеку! – капитан протянул на прощание руку. – Дёрни за чеку! К-к-к-к-к!

Военный комиссар так и не привстал из-за стола.

Озадаченный после странного посещения военкомата, Алексей отправился опять в школу, надо было отчитаться

---

[20] В 1968 году, 21 августа, войска Варшавского договора были введены в Чехословакию с целью ликвидации реформ и завоеваний «Пражской весны». Фактически произошла оккупация Чехословакии с заменой власти.

перед секретаршей. На школьном крыльце встретился с завучем Анной Петровной Снитко. «Как же я сразу не догадался. Снитко. У военкома такая же фамилия. Родственники, наверное».

ПРИЯТНЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ

Через пару недель Анна Петровна попросила сдать учебно-календарные планы по предметам и кружковой работе. Алексей внутренне возмутился: ну, по русскому языку и литературе понятно, есть государственная программа и строгое расписание, а в театральной студии он жил не по регламенту, проводя в ней всё свободное время. Каждый день репетиции по два-три часа. А ещё конструирование костюмов, инвентаря, декораций, учил ребят гримироваться, обучал технике сценической речи. Какие тут учебные планы? По какой программе? Однако возмущаться вслух не стал. Заполнил тетрадку с условным графиком занятий на полгода и понёс к завучу.

Когда он зашёл к Анне Петровне, кроме неё, в кабинете находился мужчина с броской характерной внешностью: кудрявая, с проседью, пышная шевелюра; пёстрый шёлковый платок до подбородка вместо галстука; такого же цвета платочек, торчащий из нагрудного кармана.

– Вот, пожалуйста, Яков Моисеевич, – обратилась к нему Анна Петровна, – вы хотели познакомиться с нашим режиссёром, это он и есть, Алексей Егорович Пожарский.

– Помню-помню! Здравствуйте! Я директор районного Дома культуры, Яков Моисеевич Горин. Ваш студенческий театр представлял у нас на зимних каникулах изящную комедию из московской жизни. Было весело!

– Если не возражаете, я пойду на уроки, а вы можете здесь пообщаться, – и Анна Петровна удалилась.

– Уважаемый Алексей Егорович, я к вам с предложением, – доверительный голос и обаятельная улыбка Горина обволакивали и притягивали. – В школе нет ни сцены, ни специальных помещений для репетиций. Мы давно уже столковались с уважаемым директором Гроздовым, что все свои праздники дети и учителя будут проводить в моём клубе. И в конечном счёте вы со своим спектаклем... Не удивляйтесь, городок наш небольшой, поэтому все про всё быстро узнают. Так вот, вы всё равно пришли бы ко мне договариваться о времени выступления. Так?

Алексей кивнул.

– А зачем специально приходить и договариваться? Я уже сам здесь. А не составить ли нам совместный график репетиций и представлений заранее? Как вы на это смотрите?

– О большей удаче я и не мечтал!

– Вот и замечательно, дорогой Алексей Егорович! Но мои предложения на этом не заканчиваются.

Добродушный прищур и проникающий прямо в душу взгляд не позволяли сомневаться, что далее последует не менее интересное.

– Мы взаимовыгодны друг другу! Вам нужны масштабы для постановок, а мне требуется поднимать статус районного клуба. И я принимаю вас к себе на работу режиссёром! У вас ведь есть специальное театральное образование?

– Серьёзное и неожиданное предложение, – Пожарский был несколько растерян, – однако...

– Не спешите говорить «нет», – улыбка не исчезала с лица Якова Моисеевича, – Вы не узнали ещё о всех прелестях вашей будущей жизни. Бóльшую зарплату, чем в школе, я вам предложить, конечно, не смогу. Работники культуры имеют самые низкие ставки на селе. Так что трудитесь на

здоровье в школе. Учите ребятишек доброму и вечному. Занимайтесь с ними благородным лицедейством, а за это я вам ещё и доплачивать буду. Принять вас на полную ставку не могу, это всё-таки будет работа по совместительству, а вот на полставки – за милую душу. И для вас ничего не изменится. Как репетировали со своими школьниками, так и продолжайте это делать, только периодически появляйтесь у меня в клубе. Согласны?

– Да я бы и так, без оплаты приходил.

– Э, нет, уважаемый! Каждый труд должен быть справедливо оплачен, в противном случае он превращается в эксплуатацию. А это не по-советски!

Горин улыбнулся ещё шире, так что не ответить ему тем же было невозможно.

– А теперь о нашем с вами секрете. Вторую половину ставки режиссёра я отдам очень красивой и талантливой представительнице слабого, но прекрасного пола.

Алексей поджал губы.

– Это вас, многоуважаемый князь Пожарский, ни к чему не обяжет. Она станет вам просто необходимым помощником. Только подумайте, вы ведёте уроки, а она занимается костюмами. Вы предлагаете идею оформления сцены, а она с нашим художником это воплощает в жизнь. Ведь ей никто ни в чём не откажет. Пусть только кто-нибудь попробует. Она – жена директора клуба.

Левый глаз Якова Моисеевича плутовски подмигнул.

– Вы должны её помнить. Она училась на курс старше вас на музыкальном отделении. Сашенька Маевская. У неё чудесный голос, и она руководит в клубе вокальной группой. Но... сами понимаете, зарплата невелика. Я думаю, вы подружитесь.

И Алексей вспомнил жгучую брюнетку, которая в составе концертной агитбригады ездила каждое лето по стройотрядам вместе со студенческим театром. Точно, её

так и объявляли перед сольным выступлением: Сашенька Маевская. «Ну что ж, – решил Пожарский, – мир тесен. А за Сашеньку просто радостно! Молодец! Удачно вышла замуж!».

ПОЧЕМУ?

Сентябрь прошёл в непрерывных занятиях в театральной студии. Не могло этому помешать и традиционное участие школьников в сельхозработах. Почти каждый день с утра подгоняли автобусы и учеников средних и старших классов вывозили на картофельные плантации. Куда девались тонны выкопанной картошки, было загадкой. Сельчане кормились с урожаев, снятых с собственных огородов, да и многие из горожан заготавливали так называемый «второй хлеб» на дачных участках и на сотках, выделяемых для посадки картофеля. «Закрома родины пополнились миллионами тонн нового урожая», – сообщала пресса. Где они находились, эти «закрома»? Государственная тайна.

Несмотря на неизбежные трудности и монотонность работы, мальчишки и девчонки в этой уборочной эпопее проявляли юношеский задор, находя во всём походную романтику. Поездка в автобусе сопровождалась пением популярных песен, а обеденный перерыв превращался в весёлые посиделки с играми и развлечениями. По кругу шла гитара. Тогда-то и узнали явленские школьники о студенческом фольклоре в исполнении молодого учителя Пожарского. Алексей напевал неизвестные для учащихся куплеты, то наполненные иронией, шутками и намёками на взрослую жизнь, а то лирические и задушевные, об искренней любви и преданности.

А после вынужденных сельхозработ у ребят находились силы и на репетиции, на которых Алексей наслаждался любимой работой. Ребята увлечённо осваивали всё предложенное им и трудились без устали. Порой всем составом сидели в зале и ждали, пока шёл разбор мизансцены всего лишь двух героев. Поначалу режиссёр гордился собой, думая, что все его юные актёры вникают в азы сценического действа. Но благодаря лопоухому Митьке Орешину, тому, что первым выбрал себе роль Зурина, однажды многое разъяснилось.

– Алексей Егорович, а нельзя ли ваши чудесные тайны раскрывать до начала репетиции, я тогда, если не занят на сцене, с вашего разрешения мог бы домой смотаться. Надо воды натаскать, мамка на завтра стирку решила затеять.

Все посмеялись над хриплым Митяем, но по глазам ребят Алексей понял, они его поддерживают.

«Так вот почему все сидят допоздна! Ждут интересных рассказов. Ну что ж, сам привязал их к себе сообщениями о малоизвестном».

– Хорошо! Я согласен. Итак, не кажется ли вам, дорогие мои, странным, что и Пётр Гринёв, и Маша Миронова были единственными детьми в своих семьях? Не задумывались? А давайте поразмышляем на эту тему. В восемнадцатом веке почти все семьи были многодетными. Женщины рожали почти каждый год. В роду должны были быть наследники. Но... очень часто дети умирали. К примеру, у Петра Первого было одиннадцать детей. Не знали? И ни одного наследника по мужской линии. Старшего сына от первой жены, обвинённого в государственной измене, он заточил в крепости, где тот и скончался. Другие умирали младенцами или в раннем детстве. Из дочерей лишь Анна дожила до двадцати лет и Елизавета, ставшая затем императрицей, она единственная умерла в зрелом возрасте пятидесяти двух лет. В общем, выживали в дворянских семьях немногие.

Нередко случалось и так, что наследовать имение и титул было некому. Так произошло в семье полководца Суворова, после внуков некому оказалось передавать княжеский титул, полученный фельдмаршалом за военные победы. Он, кстати, был не просто современником тех событий, что описываются в «Капитанской дочке», Суворов, будучи генералом, доставил пойманного Пугачёва в Симбирск, отбиваясь от неразбитых ещё повстанцев.

– А я летом в областном центре смотрел новый фильм «Емельян Пугачёв»[21], там про Суворова даже не упоминается, – высказал своё сомнение Андрей Стройнов.

– Это и понятно, зачем показывать, как один национальный герой везёт другого в клетке на казнь. Но если бы ты, Андрей, смотрел фильм повнимательнее, то заметил бы, что в нескольких эпизодах на экране появляется офицер, удивительно похожий на Александра Васильевича Суворова. Так режиссёр попытался восстановить историческую правду. Однако вернёмся к нашим овечкам, то есть к многодетным семьям. Общеизвестно, что у Александра Сергеевича Пушкина была старшая сестра Ольга и младший брат Лев. А ведь мать поэта, кроме них, ещё пятерых родила. Но их, как говорится, Бог прибрал. У самого Пушкина жена за шесть лет совместной жизни пять раз была «брюхатой». Так сам Александр Сергеевич называл интересное положение своей жены – красавицы Натальи. И в семьях наших героев скорее всего детей тоже могло быть немало, но выжили только Пётр и Марья. В те времена повсеместно свирепствовали детские эпидемии кори, скарлатины, коклюша. К ним следует добавить и другие заразные инфекционные болезни: оспа, дифтерия, чахотка. Причиной тому было в первую очередь отсутствие

[21] «Емельян Пугачёв» – двухсерийный фильм 1979 года. Режиссёр А.Салтыков.

должной гигиены и прививок. Кстати, рожали в те времена только в домашних условиях. И помогали роженице либо родственники, либо повивальные бабки. В деревнях их окликали по-простецки – повитухами. Слышали, наверное, о таких? А вот почему именно это слово появилось? Не догадываетесь? После того как ребёнка заворачивали в пелёнки, именно баба повитуха первой обвязывала, то есть «обвивала», «повивала» дитятю лентой, чтобы тот не распеленался. Вот и всё. Ну, конечно, повитуху в народе ещё называли «пупорезкой», «приемницей», «знахаркой». В общем, акушерок тогда не было, и младенческая смертность, как и детская, была ужасающей. Это касательно общей статистики в те далёкие времена. А у меня есть по этому поводу и своя версия. Дело в том, что история семейства Гринёвых и Мироновых вымышлена. Их имена и судьбы придумал и изложил в виде дневника героя сам Пушкин. А чтобы придать повествованию достоверность, Александр Сергеевич при публикации даже не упоминал свою фамилию как автора. Этот приём он уже использовал в своём творчестве. Так появились пять рассказов, объединённых одним названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Писатель сам определял, сколько детей будет в семье его персонажей и зачастую, чтобы не отвлекаться на братьев и сестёр и не тормозить сюжет, оставлял только одного ребёнка. Пример тому есть почти в каждом произведении Пушкина. Это и заглавные герои в первой же поэме «Руслан и Людмила», затем в повести «Дубровский» – Маша Троекурова и Владимир Дубровский, в «Барышне и крестьянке» – Лиза Муромская и Алексей Берестов, по одной дочери было и у станционного смотрителя Вырина, и у мельника в «Русалке», и у Гаврилы Гавриловича в «Метели», и единственным наследником барона был сын Альбер в «Скупом рыцаре», и Евгений

в семействе Онегиных, и Владимир у Ленских. Таков авторский выбор.

– А сёстры Ларины? – не удержалась с вопросом розовощёкая Оля Кузнецова.

– Молодец! Правильное уточнение! – поддержал её Алексей Егорович. – Ларины, как исключение, лишь подтверждают правило. Пушкину нужны были обе сестры для противопоставления: одна – «кругла, лицом красна, как эта глупая луна на этом глупом небосклоне», другая – «умом и волею живой, и сердцем пламенным и нежным» одарена. А ещё младшая сестра – легкомысленная виновница дуэли (ну какая без неё интрига?), а старшая – авторская любимица. Неженатый ещё Пушкин изобразил в ней «лучшие черты русской женщины». Не я это заметил, а Белинский. И в заключение ещё одно доказательство, что жизнь – это не литература: после смерти Пушкина Наталья Николаевна родила ещё троих детей во втором браке.

НИЧЕГО СЕБЕ!

Традиционно в первое воскресенье октября вот уже пятнадцать лет в Советском Союзе отмечался День учителя. Накануне, обычно в пятницу, в областном центре собирали педагогов на торжественное собрание, вручали грамоты и благодарности.

Степана Нестеровича предупредили, что он включён в делегацию от Явленского района. После обеда за ним в школу заехала машина первого секретаря райкома партии.

– Это к добру! – заметил капитан Ржавин, провожая директора. – Вечером собираем мужской клуб и ждём вас, как говорится, на щите!

Отменив репетицию в этот день, Пожарский решил заглянуть, наконец-то, в спортзал – надо же как-то время скоротать, да и неудобно уже перед Мариной Юрьевной, ходит за ним целый месяц, уговаривает.

Появление Алексея Егоровича на тренировке вызвало бурное одобрение молодых учительниц, они играли в волейбол. Быстро переодевшись, Алексей влился в одну из команд, с удовольствием выполнял подачи, ставил блоки у сетки, отбивал мяч на приёме, в общем, отдавался игре с азартом, как в студенческие годы. А кроме этого, старался ещё и повеселить компанию шутками перед подачей: «Налетай, подешевело!», «Руки... мыли? Руки мой перед игрой!», «Мяч летит на парашюте, пусть летит, а мы пошутим!», «Мяч подам я очень метко, ты держи его под сеткой!».

После тренировки девчата благодарили Пожарского за то, что он внёс разнообразие в игру и повеселил их всех.

Марина Юрьевна попросила его помочь установить стол для пинг-понга, чтобы проверить уровень теннисного мастерства Пожарского.

– Ну-ну! – захихикали, уходя, девчонки. – Алексей Егорович, не подведите.

Алексей неплохо владел ракеткой, но учительница физкультуры неустанно гоняла его, запуская теннисный шарик из угла в угол стола. В общем, из всех сыгранных партий Марина Юрьевна не проиграла ни одной.

Лёшка не ожидал такого фиаско, расстроенный, пошёл переодеваться. Когда стягивал через голову мокрую футболку, вдруг почувствовал, как чьи-то руки хищно обхватили его из-за спины.

– Не знаю, почему, но потный, разгорячённый торс мужчины меня сильно возбуждает, – это была Марина Юрьевна.

Алексей попытался развернуться. У него ничего не получилось, полуснятая, влажная от пота футболка висела на руках, как наручники.

Марина с жаром дышала ему в ухо:

– Неужели ты не замечаешь, как я хочу тебя?

– Стоп, стоп, стоп, стоп! – ничего другого в этот момент парню на ум не приходило.

А пылкая «пантера» губами уже впилась ему в шею поцелуем. Лопатками он ощущал прильнувшие мягкие груди. Самое неожиданное для Лёшки было то, что он уже почувствовал в своём паху предательское шевеление. В этот момент физиология сама управляла кровяными потоками, забирая кровь от мозгов и направляя её вниз.

И вдруг в самую напряжённую минуту за пределами раздевалки прозвучало его имя:

– Алексей Егорович! – звонкий голос капитана Ржавина спасительно размножился эхом в пустом спортзале.

Из горла неудовлетворённой «пантеры» вырвался приглушённый рык:

– Как не вовремя! Дура! Надо было на ключ закрыться!

Когда на пороге раздевалки появился бравый Арамис, Марина уже отпрянула от Алексея:

– Да здесь он, здесь, Анатолий Петрович! Капитан, как всегда, на передовой!

Оттесняя Ржавина в дверном проёме, Марина сделала рукой резкий выпад в направлении ширинки военрука. Тот сложенными ладонями успел прикрыть ценное место.

– Хорошая реакция! Не расслабляйся, служивый! – и амазонка исчезла за дверью.

Алексей, раскрасневшийся, растерянно стоял, вытянув руки с футболкой.

– Тебе помочь? – предложил Анатолий Петрович.

– А? Нет! Спасибо! – приходя в себя, отказался Лёшка.

Пока он переодевался, Ржавин наставительно поучал:

– Я скажу тебе так, дорогой Дартаньян, всё это – твоё личное дело. Марина – баба горячая, несколько озабоченная «миледи». Но имей в виду. Муж у неё – здоровенный громила. Правда, он то на вахте, то беспробудно пьян. Но многим её полюбовникам зубы по одному пересчитал. Его у нас, в Явленке, боятся. Дурак дураком, когда выпьет. Ты мальчик хрупкий, он тебя на раз переломит. Давай-ка лучше в оружейку поднимайся, Степан Нестерович приехал.

Стол уже был накрыт. Директор ещё не подошёл. Мушкетёры приготовились к встрече, прислушиваясь к стуку неритмичных шагов: широкий с перекатом с каблука на подошву, затем укороченный с опорой на костыль и с пристукиванием тросточкой. Дверь открылась. На пороге стоял бравый Степан Нестерович. На пиджаке, отливая серебром, сверкала новая награда. Да и сам Гроздов светился, как надраенная бляха. Было видно, что он доволен наградой и просто счастлив.

Арамис, Портос и Дартаньян акапельно исполнили поздравительный туш в честь награждённого, а затем ринулись обнимать и поздравлять дорогого Атоса.

– Ну ладно, ладно, друзья мои! Спасибо, конечно, за ваше внимание ко мне. Но вы не представляете, как хочется выпить!

– Давайте за стол, – предложил трудовик.

Расселись, налили, приготовили закуски.

– Позвольте начать мне, – взял инициативу в свои руки капитан. – Ещё в годы войны молодой офицер Степан Гроздов после тяжёлых ранений на фронте прибыл в Явленку. Славный воинский подвиг младшего лейтенанта был отмечен боевым орденом Красной Звезды. И вот спустя тридцать пять лет партия и Правительство вручили бессменному директору средней школы орден Трудовой Славы. И мы счастливы, что имеем возможность поздра-

вить нашего дорогого Степана Нестеровича с заслуженной наградой. Два коротких, один протяжный...

И все дружно подхватили:

– Ура! Ура! Ура-а-а!

Выпили, закусили.

– Спасибо, дорогие мои! – растрогался Гроздов. – Без сомнения, этой наградой отмечена вся наша школа. Что бы я смог сделать без вас! И вот теперь, после того как мы вместе обмыли орден, он стал настоящим. Я почему-то несколько дней назад, когда у меня в исполкоме запросили орденскую книжку, якобы для сверки, не догадался о новой награде.

Степан вынул из внутреннего кармана небольшое красное удостоверение и передал его Алексею.

– Зато вручение, я думаю, стало приятной неожиданностью, – предположил Тищенко.

– Это точно! Я даже разволновался, когда меня пригласили на сцену для награждения. Ну, думаю, грамоту, как обычно, вручат, а тут, на тебе, орден! Сам первый секретарь Василий Петрович Демиденко приколол его на грудь и руку пожал.

Алексей с интересом слушал директора и внимательно разглядывал орденскую книжку[22].

– Степан Нестерович, вы меня простите, пожалуйста, но я полюбопытствую. Вот на обложке изображён герб Советского Союза. Я несколько раз пересчитал, и получается, что вокруг колосьев шестнадцать ленточек. Каждая символизирует союзную республику, а их ведь пятнадцать.

– А! Молодец, Алексей Егорович! Наблюдательность – хорошая черта, а любознательность – похвальная! Это не ошибка, просто вы очень молодой человек. А часть истории

---

[22] Документ в виде книжечки в красном коленкоре, в который заносились названия наград и их серийные номера.

нашей для вас тихо умалчивается. Впрочем, лучше об этом может рассказать Анатолий Петрович.

– А я с удовольствием! – согласился военрук. – Но чуть позже, сначала предлагаю выпить!

Все поддержали своевременный призыв. Слово взял директор.

– Не будем забывать, что сегодня канун нашего профессионального праздника – Дня учителя! Все мы очень разные! Анатолий Петрович – военный человек, Олег Иванович – инженер, вот Алексей Егорович – кроме того, что педагог, ещё артист и режиссёр. Но всех нас объединяет учительская судьба. Я вижу, как вокруг каждого из вас собираются школьники, как вы увлекаете их своим любимым делом, как они тянутся к вам, верят в вас и любят. Да это ж самое важное – научить детей верить и любить. Всякие испытания могут вставать у нас и у них на пути, но главное – научиться и научить взаимопониманию, неважно, через какой учебный предмет. Вы занимаетесь благородным делом, с чем я вас и поздравляю! Дай бог здоровья и наставникам, и нашим подопечным – ученикам! Им – благоразумия, нам – терпения! А если даже что-то иногда идёт не так – грех обижаться на судьбу...

– Другой не будет! – продолжили мушкетёры хором и подняли стаканы.

После закусочной паузы капитан Ржавин, вытерев салфеткой губы, начал свой рассказ:

– Скажите, Алексей Егорович, случалось ли вам гулять по ВДНХ в Москве?

– Один раз был на экскурсии, организованной обкомом комсомола для студентов-отличников.

– Превосходно! А не запомнился ли вам фонтан на центральной аллее под названием «Дружба народов»?

– Конечно! В центре – хлебные снопы, а по периметру – золотые женские фигуры в национальных костюмах.

– Так! Всё верно! Каждая из них символизирует свою республику. А не было желания их посчитать?

– Нет! Вроде, и так понятно...

– Что их там шестнадцать! – Анатолий Петрович многозначительно опустил голову и одновременно приподнял брови.

Алексей в удивлении повторил его мимику, быстро соображая: «Слово «республика» женского рода, поэтому там изображены девушки, как сёстры, если шестнадцатая фигура символизирует Советский Союз (а это слово мужского рода), то должна бы, по логике, стоять фигура брата. Но её там точно нет!».

Ржавин тянул паузу, давая возможность Пожарскому прийти к какому-нибудь выводу, и кивал головой, как бы ожидая ответа. Алексей пожал плечами.

Старшие мушкетёры переглянулись, дружно вздохнули и развели руками.

– Итак! – капитан продолжал рулить. – Установили фонтан в 1954 году. Ну, вас тогда ещё, наверное, и в планах не было? А в то время в Советском Союзе было шестнадцать союзных республик. Кроме известных вам ныне, с сорокового года существовала ещё и Карело-Финская ССР.

Капитан открыл один из шкафов и достал металлическую коробочку, в ней оказались монеты. Пошурудив в них пальцами, он достал одну и передал Алексею. Это оказался «троячок» – три копейки 1954 года.

– Посчитай ленточки на гербе! – попросил Ржавин.

Их оказалось шестнадцать. Сколько раз видел Лёшка подобные старые монетки, когда играл в детстве в «чику»! И не догадался посчитать эти несчастные ленточки.

– В общем, в 1956 году Никита Сергеевич пошёл на уступки новому президенту Финляндии и расформировал союзную республику, понизив её статус и убрав из названия слово «Финская». Теперь это Карельская Автономная Рес-

публика в составе РСФСР. Но слово из песни не выкинешь. Многие документы, созданные в те годы, имеют печать и герб СССР с шестнадцатью ленточками, как у Степана Нестеровича на орденской книжке. Не стали разрушать и фонтан на ВДНХ. А вот Карело-Финский павильон упразднили навсегда, правда, там периодически устраивают всякие выставки, кстати, именно там демонстрировали модель первого искусственного спутника Земли.

Анатолий Петрович, блистая эрудицией, постоянно поглядывал в сторону директора, и тот одобрительно кивал головой.

Довольный собой, Ржавин наполнил стаканы «коленвалом» и предложил:

– Не будем, друзья, забывать о празднике. Предлагаю. За нашего главного учителя Степана Нестеровича Гроздова, за его свежую награду и за то, чтобы к ордену третьей степени поскорее добавились ордена второй и первой, и будет у нас, в Явленке, свой полный кавалер ордена Трудовой Славы.

ПО-ДОМАШНЕМУ

Выходные дни для Пожарского были дополнительными рабочими. Он приходил в школу по воскресеньям и проверял накопленные за неделю ученические тетрадки с домашними заданиями и диктантами. Благое время, тишина, никто не отвлекает. Он обычно брал с собой бутылку молока и батон на перекус. Но в воскресный день седьмого октября, после проверки тетрадей Алексей по просьбе баб Маши должен был явиться на обед.

Из хаты, возбуждая аппетит, на веранду проникали ароматные запахи обжаренного в масле лука. Рядом с входной дверью стоял посох с набалдашником. «Ёк-макарёк в гостях!» – решил Алексей.

– Ну вот явился именинник, – радостно приветствовал его дед Мирка, восседавший за обеденным столом, как хозяин.

– Здравствуйте! А почему именинник? – удивился Алексей. – Я в июне родился.

– Ну и что? Ты забыл, что ли? Сегодня день венценосного Стефания, наречённого в честь святого первомученика Степана, апостола Христова, – не унимался дед.

– Алёшенька, ты не слушай его поперечного, давай-ка к рукомойнику да за стол, – пыталась отвлечь квартиранта баб Маша.

Пока Пожарский мыл руки, дед Мирка всё не унимался.

– Как это не слушай? Ты, Мария, в мужицкие дела не встревай! Я специально зашёл в церковь к батюшке, спросил, у каких святых сегодня именины. Он достал месяцеслов и стал перечислять, много кого назвал, эх, полсела могут сегодня гулять! А я запомнил, что и Степан среди других есть. Вот! – вытащил он из кармана чекушку. – Не зря же я в сельпо деньги оставил?

– Так я же, дедушка, не Степан – Алексей.

– Как Алексей? Вот ёк-макарёк! Когда перекрестился?

– Да отроду им был.

– Погодь, ты ж директор?

– Нет! Учитель.

– Вот те на! Тебя что, разжаловали?

– Да угомонись ты, пень трухлявый! – опять вмешалась баб Маша.

– Как угомонись? Он у тебя живёт? Живёт! Ну? Значит, Степан!

– Да ты забыл? Стёпа уж давненько, как съехал. А это молодой учитель. В школе работает у Степана Нестеровича, деток учит. Алексеем Егоровичем величают.

– А-а! Это тот, что на метле прошлый раз прилетел?

– Ну да! Ой! На какой метле? Чертяка старый, что ты меня в грех вводишь? Окстись, непотребный! Сегодня День учителя, праздник у Алексея. Вот поздравить надо!

– Ну, а я что против? – обрадовался такому повороту событий дед. – Не зря всё-таки в сельпо заглянул!

– Так наливай! – уже начинала сердиться баб Маша. – Борщ стынет!

Это был первый праздник в жизни Алексея, который он отмечал уже третий день подряд: в пятницу – в мужском клубе, в субботу – ученики поздравляли во время уроков, а сегодня вот – в домашней обстановке.

Выпили, закусили.

– Хорошая у тебя работа. Всё время в тепле да под крышей. Дети вокруг. Это ж наше будущее. Что ни говори, а они нас переживут, – пустился в рассуждения дед Мирка.

– Ага! Тебя переживёшь! Уже, верно, три поколения народилось и ушло, а тебя господь всё не приберёт!

– А зачем я ему, пень трухлявый и чертяка старый, так ты меня называешь? Бог-то, он всё слышит.

– Обиделся, что ли? – удивилась баб Маша.

– Зачем обиделся? На обиженных воду возят, а я что, лошадь? – парировал дед Мирка.

– Причём тут лошадь? – не поняла хозяйка.

– Вот молодёжь, ёк-макарёк! Забыла, что ли? В ранешние времена таскали водицу с реки в бочках. А запрягали-то в телегу лошадку, да не рысистого скакуна и не здоровую породистую конягу, а каких-нибудь бракованных, увечных кобылок. Они-то, Богом обиженные, и возили воду. Отсюда и поговорка пошла про обиженных, на которых воду возят. Верно, учитель?

Алексей кивнул, хотя по этому поводу он знал из курса фольклористики другую версию: «на обиженных воду возят, а на добрых верхом ездят», – но не стал прерывать интересный диалог стариков.

– Вот сколько лет знаю тебя, дед Мирка, а всё удивляюсь, – рассудила баб Маша, – то дурачком прикидываешься, то не помнишь ничего, а то наговоришь с три короба, ну прям философ.

– Так это ж я всё для тебя стараюсь. А вдруг понравлюсь, обратишь на меня внимание, снизойдёшь к убогому, да и пойдешь за меня, – выдал дед Мирка восторженную тираду и подмигнул Алексею.

– Ну вот, каждый раз про одно и то же. До смертинки три пердинки, а туда же – в женихи!

Алексей не смог сдержаться и в голос рассмеялся. За столом его поддержали, и они втроём предались примиряющему смеху.

Чекушка закончилась быстро.

– А вот Алексей Егорович давеча зарплату первую получил, – погордилась за квартиранта баб Маша, – со мной не только рассчитался, но и авансом заплатил за проживание.

– Да ты что? Первая зарплата? – дед Мирка округлил глаза. – Ну, здесь одной чекушкой не обойдёшься. Твоя очередь, Лёха, в сельпо бежать.

– Да я к этому случаю приготовился, – Алексей поднялся из-за стола, – у меня в запасе имеется.

– Вот ёк-макарёк, – проворчал дед Мирка, когда Алексей скрылся в своей спальне, – знать бы, что у вас тут запасы имеются, не ходил бы в сельпо.

Но баб Маша его не слушала, занимаясь сменой посуды и выставляя новые закуски.

Алексей принёс обещанную чекушку, хотя в заначке была и поллитровка, но завтра у него у самого уроки с утра, да и старики – это ж не мушкетёры по состоянию здоровья.

ОЛЬГА

Своего отца Оля Кузнецова почти и не помнила. Ей ещё и четырёх не исполнилось, когда его не стало. Её родители, молодые педагоги, после пединститута оказались по распределению в Явленке. Трудились в школе. Летом, как и многие молодые учителя, отец подрабатывал воспитателем в пионерском лагере, который располагался на берегу реки. Беда случилась во время купания. Три мальчугана заплыли за ограждение, их потянуло течением к кустам, а там омуты. Первым бросился на спасение детей именно её отец. Подныривал под пацанов, выталкивал испуганных, бултыхающихся мальчишек ближе к берегу, а самого его вода так и не отпустила. Спасая чужих сыновей, молодой человек осиротил собственную дочь.

В памяти остался образ большого сильного человека: отец садил её на ладонь, поднимал высоко над головой, затем подкидывал, ловил в свои объятия, и долго они, так обнявшись, и кружились. Она всем тельцем прижималась к отцу и была счастлива. И потом, годы спустя, ей постоянно вспоминалась эта мужественная отцовская ласка.

Мама замуж больше не выходила, всю себя отдавала воспитанию дочери. Правда, из школы ушла – ей предложили место в районо. Оленька росла послушным, добрым ребёнком. Учёба давалась ей нельзя сказать, чтобы легко, зато усердие всё компенсировало. Всегда аккуратную, опрятную, дружелюбную, её любили и учителя, и одноклассники. На её розовощёком лице так прямо и читалось – отличница. Маленький рост не мешал ей быть активисткой в общественной жизни, её утвердили школьным комсомольским вожаком.

Из одноклассниц Оля сблизилась только с Настей Петровой. «Хочешь найти Петрову, ищи Кузнецову» – ходила

– У мамки белая и розовая пудра есть! И всё! – это Митька Орешин надтреснутым голосом оценил возможности гримёрки. – А здесь прям радуга цветная! Если мамка узнает, что я пудрюсь, домой не пустит!

Все посмеялись, но попробовали: как это – выглядеть смуглым.

Алексей Егорович после общего сбора в гримёрке попросил остаться только исполнителей главных ролей Марии Мироновой и Петра Гринёва.

– А что новой истории не расскажите? – как всегда за всех прохрипел Орешин.

– Грим для вас – это дело привычное и не удивительное, да? – Алексей сделал вид, что обиделся. – Чем же вас можно удивить ещё? А знаете ли вы, уважаемые школьники двадцатого века, что современники Пушкина знали о его произведениях намного меньше, чем вы?

– Это как? – не понял Орешин.

– Вот вы уже в шестом классе изучали повесть «Дубровский», а при жизни Пушкина это произведение не было опубликовано, так оно и пролежало в черновиках. И лишь через четыре года после смерти писателя читатели впервые узнали о благородном разбойнике Владимире Дубровском. Кстати, название повести придумали издатели, а не автор. Не знали при жизни поэта и его знаменитую ныне поэму «Медный всадник», не пропущенную в печать цензурой. По той же причине не увидела свет и самая известная теперь его сказка «О попе и его работнике Балде». Да и «Капитанскую дочку» мало кто успел прочитать. Пушкин опубликовал повесть в конце 1836 года в журнале «Современник», на который подписано было всего двести человек. Известно, что в начале января 1837 года даже не все экземпляры журнала были переплетены. А через три недели поэт погиб на дуэли. Это мы с вами сегодня знаем про историю арапа, которого царь женил, а современники

Пушкина об этом и не ведали. Так же, как и про «Каменного гостя». Да и «Скупого рыцаря» Александр Сергеевич опубликовал не под своим именем.

– Вот тебе на! – опять не удержался лопоухий Орешин. – «Ужасный век! Ужасные сердца!».

– В какой-то степени, Дима, именно так! На этом, дорогие мои, всем – до свидания! А мы вернёмся к нашим овечкам, то есть к репетиции любовной сцены главных героев.

– Спасибо, Алексей Егорович, значит, пока Олька будет учиться целоваться, я успею посмотреть «Очевидное-невероятное». Прошлый раз передача была про антропомаксимологию, – он артистично выдержал паузу, оценивая реакцию окружающих на его артикуляцию и мудрёное слово. – Я был очень удивлён резервными возможностями человека. Ожидаю от научно-популярной передачи новых впечатлений. О сколько там открытий новых!

Как всегда, подобной скороговоркой Орешину удалось всех повеселить перед уходом.

Начали репетицию.

Первая пара Ольга Кузнецова и Николай Фролов никак не могли настроиться на любовную сцену. Тогда их дублёры Настя Петрова и Андрей Стройнов попытались в момент прощания героев не изображать, а по-настоящему поцеловаться. Было видно, что опыт в этом у них уже был.

– Стоп! Не то! – остановил их Алексей Егорович. – Целоваться в жизни и на сцене – это не одно и то же. Здесь не физиология важна, а повышенная чувственность. Для героев это и первый поцелуй, и, возможно, последний в их жизни, прощальный. И само прикосновение губами зрители могут и не увидеть, но почувствовать.

– Это как? – не понял Андрей. – Покажите!

– Ну тогда все идите в зал, а Ольга, останься на подмостках.

Алексей взял девушку за обе руки, посмотрел в глаза, притянул её к себе, пылко прижал к груди и с жаром произнёс реплику Петра Гринёва: «Прощай, ангел мой, прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя моя молитва будет о тебе!».

После этого он отодвинул её от себя, она запрокинула голову назад, взглянув ему в глаза. Искра желания и страха сверкнула в этом взгляде. Затаив дыхание, они стояли так, глядя друг на друга, – и вдруг Алексей, обхватив её одной рукой и закрыв другой от зала, приблизился к её губам настолько, что почувствовал жар её дыхания. В этой позе они замерли. Пожарский почувствовал, что Ольга сначала напряглась, задрожала, а затем вся обмякла. «Она что, теряет сознание?» – мелькнула мысль у Алексея. Он вернул её в прежнюю позу. Ноги действительно под ней подкашивались. Она прикрыла лицо руками, а он, не оглядываясь, умчался в кулисы.

В затянувшейся тишине из зала вдруг раздался негромкий голос Насти:

– Вот это да! А ты, Андрей, так сможешь? А то обмусолишь всю меня губами: желание есть, а чувств нет!

– Ну, наконец-то! Анастасия всё правильно поняла, – поддержал Настю режиссёр, выглянув из-за кулисы, –давайте будем репетировать: «repetér» – «повторять».

ВЫЙТИ В ЛЮДИ!

Алексей соскучился по дому. На выходные он решил съездить в родную деревню – в Бугровку. У него была приготовлена приличная сумма денег, тех самых – из чёр-

ной кассы. Наконец-то он сможет сам помочь маме. Вот и вырос у неё сын, стал независимым, самостоятельным. Когда пять лет тому назад Пожарский уезжал поступать в институт, на нём был костюм с выпускного вечера, на плечах рюкзачок с картошкой, а в кармане семьдесят рублей на первые пару месяцев.

Батька был механизатором широкого профиля, мог управлять любым совхозным трактором или комбайном. Алёшка сызмальства любил запах солярки и шум работающего двигателя. Отец брал его помощником то на сенокос, то на уборочную. Папка в кабине посадит его на колени, сам на педали нажимает, а он, мальчуган, смело рулит. «В жизни пригодится», – говаривал отец для самооправдания, а дома вечером нравоучал: «Это, сын, не для тебя! Хватит с нас, что мы с мамкой на земле убиваемся. Вон учительница твоя говорит, что тебе дальше учиться нужно, ты – талант! Не загубить бы! В общем, сын, ты должен выйти в люди!». «Какой я талант? – думал Лёшка. – Ну, на баяне или гармошке могу любую мелодию подобрать, ну, стишки там к празднику зарифмовать, продекламировать их на праздничной сцене в чью-нибудь честь – и что? А вот заставить слушаться себя железного коня – это совсем другое! Папка-то это может!». Хотя пацаном он замечал, что отец постоянно упахивался и всегда был на работе. Чтобы днём он когда прилёг, такого и не припомнится. Если не на совхозном поле плугом пашет, то на домашнем огороде лопатой копает, если не в МТМ[24] занимается ремонтом техники, то у себя в сарайке что-нибудь мастерит. И врезалось в память его лицо: сухое, строгое, с морщинами в углублениях губ и с желваками, бегающими по щекам, они скрывали боль. Батька был язвенник. И не сказать, чтобы спиртным злоупотреблял (как все – по

[24] МТМ – машинно-тракторная мастерская.

праздникам), а на рези в животе порой жаловался. Видно было, терпел. А зря! В тот злополучный день он с утра, как обычно, глотнул облепихового масла (мамка настояла), взял с собой тормозок с перекусом и термос с травяным чаем. Никто и не думал, что живым отца в семье больше никто не увидит. Когда он, скрюченный болью, не смог управлять комбайном, его на полевой летучке отправили в больницу. Часа два его трясли до города, доставили уже в бессознательном состоянии. Потом врачи объясняли – перитонит. Стечение обстоятельств: и прободение язвы, и гнойный аппендикс. Спасти было невозможно.

До областного центра из Явленки Лёшка ехал в районном автобусе, размышляя, что мамка денег для себя так просто не возьмёт, и поэтому искал объяснение: надо обновить памятник на могиле отца. Старшие замужние сёстры с головой ушли в заботы о своих новых семьях. Им до сельского кладбища и дела нет. Жестяные памятник и надгробие уже проржавели, надо бы заменить их на гранитные, а деньги где взять. Вот, сын заработал. Убедительный аргумент.

Автобус шёл медленно, Алексею думалось легко. Мысли перескакивали с одной на другую. И эта другая мысль была об Ольге Кузнецовой. Вчера во время репетиции он так вошёл в образ в любовной сцене, что, казалось, голову потерял. Он был действительно влюблён, но не в Машу Миронову, а в десятиклассницу Ольгу. Когда она после мнимого поцелуя обмякла в его руках, его как молнией пронзило: «Да ведь она тоже по-настоящему любит!». Он гнал от себя эту мысль (она ведь школьница!), старался думать о чем-нибудь ином. Например, о друзьях. Если будет возможность, надо в городе заглянуть к своему товарищу по студенческому театру Владимиру Льнянову. Он уже был женат. Счастливчик! Жил он с молодой женой в отдельной

кооперативной квартире. У них появился малыш. Надо обязательно их проведать.

С автовокзала по телефону-автомату Лёшка позвонил Володьке, в трубку ответил незнакомый женский голос: «Сейчас посмотрю, он где-то здесь». Через паузу Вовкин голос: «Лёха, приезжай, ты где? Сегодня похороны. Брат Колька умер!».

Старший брат Володи, Николай, жил в небольшом городке сибирской тайги, как говорится, туда даже царь декабристов не ссылал. Беда случилась внезапно. Крепкий, краснощёкий парень Николай Льнянов в свои тридцать с небольшим лет выглядел настоящим русским богатырём. Широкоплечий, приземистый, мускулистый, всегда с приветливой улыбкой, он искренне наслаждался жизнью: жена, дети, как положено; привечал друзей и любил застолье; имел своё охотничье угодье, азартно рыбачил, забираясь на моторной лодке в небольшие горные речушки; кулями заготавливал кедровые шишки; выбираясь в отпуск на «большую землю», путешествовал по Европе – в общем, жил на широкую ногу, ни в чём не отказывал ни себе, ни своим родным. И вдруг... Стало трудно дышать. Замучила головная боль. Лёгкая операция, как обещали врачи, по удалению полипов в носу действительно помогла. Но через три года стало совсем плохо. Голову разрывало мучительной пыткой: терпеть мочи нет, легче сдохнуть! Обезболивающие не помогали. Только коньяк. Покупал его ящиками. Лёг на обследование в областную больницу. Предложили ординарную операцию под общим наркозом. Без всякого опасения согласился. И вдруг, уже второй «и вдруг»... Оказалось – это не полипы, а онкология. Хирург вскрыл носовую полость и ужаснулся. Метастазы уже ушли в мозг, а это профиль не отоларинголога. Третий «и вдруг» был летальным. От наркоза Николай так и не пришёл в себя. Бедная жена в безысходности не знала, что делать, а когда

родители Николая по телефону потребовали везти тело в Казахстан, где они жили, совсем растерялась. Хорошо, друзья Колькины оказались рядом. Всё устроили. И вот на девятый день после кончины покойного доставили в Петропавловск. Об этом подробно рассказывал Алексею Володька. Чувствовалось, ему просто хотелось выговориться.

– Вовик, чем я могу помочь, может, деньги нужны? – Алексей искренне желал принять участие в печальных событиях.

– Спасибо, Князь! Всё уже организовано и оплачено. Просто будь рядом. Для меня это важно!

Володька энергично распоряжался и в траурном мероприятии у дома, и на кладбище. Был сосредоточен и спокоен. Командовал, как ровнее установить надгробие и памятник с обязательной красной звездой. Друзья Николая подошли к Володьке и предложили помянуть покойного по сибирской традиции прямо у могилы. Налили в стакан водки, плеснув сперва на свежий надгробный холмик. Володя выпил, не закусывая. Алкоголь подействовал почти сразу. Пока подходили к автобусу, пока в него усаживались, Льнянов вдруг взахлёб разрыдался на плече у Пожарского. Алексей и не пытался его успокоить, пусть через слёзы выплеснет из души накопившуюся горечь.

– Как мне больно, Лёха! Как жаль брата! Всё! Закопали его! Теперь я у мамки и папки один. Они так любили Николая!

Пока ехали на поминальную трапезу, Володька как будто задремал: затих, упёршись лбом в стекло автобусного окна, и не реагировал ни на что. Алексей вспомнил похороны отца. После того как установили оградку, казалось, все присутствующие перестали плакать и горевать. Исполнив погребальную традицию, родственники успокоились и как будто просветлели, вздохнув. От кладбища до села шли пешком. Разговаривали о делах земных, не связанных со

смертью отца. Алёшка удивлялся: они что, забыли сразу, что папка умер? Это были в его жизни первые похороны. Деды ушли из жизни, когда он был совсем маленьким. А теперь он, девятиклассник, в одночасье стал единственным мужиком в семье, ответственным и за дом, и за мамку, и за себя. Именно тогда Алексей и дал себе обещание исполнить отцовский завет – выйти в люди!

КОНКУРЕНЦИЯ

Чем отличается драматический школьный кружок от театра? Вопрос, казалось бы, риторический, но требующий принципиального разъяснения. Выступление кружковцев, как правило, одноразовое. В театре же спектакли играют многократно.

К ноябрьским праздникам Наталья Ивановна Полянская традиционно готовила учеников к пафосному представлению: обычно это были короткие инсценировки на революционные темы, чтение стихов, исполнение бравурных песен. К ней в кружок записалось всего человек пять. Зато к Пожарскому – все двадцать. С верными ей девчонками она подготовила монтаж по воспоминаниям Леонида Ильича Брежнева[25] «Целина». В прошлом году они инсценировали первые две книги генсека «Малая Земля» и «Возрождение». В общем, перед каникулами в освобождённом от учебных столов классе состоялось выступление кружковцев. Собрались учителя, одноклассники, несколько родителей. Под музыку девочки озвучивали патетические слова партий-

[25] Леонид Ильич Брежнев (1906–1982) – Генеральный секретарь ЦК КПСС с 1964 по 1982 годы.

ного вождя. Выступление это было одноразовое. Но в лице администрации школы имело восторженную оценку. Что и говорить: налицо результат кружковой работы. «А когда хоть что-нибудь сможет показать молодой учитель Пожарский? И покажет ли вообще?» – высказывала свою претензию руководитель методического объединения. Надо отдать должное и завучу, и директору, никто из них не подгонял Алексея Егоровича. Терпеливо ожидали премьеры, предполагая увидеть «нечто потрясающее», так внушал им директор клуба Яков Моисеевич Горин.

Незаметно подошла к концу первая учебная четверть. На каникулах репетиции не прекращались. Чаще собирались в клубе. Директор Горин уже заказал афиши для спектакля, следил, чтобы все прожектора на сцене работали исправно, постоянно интересовался у режиссёра, нет ли каких проблем. Юные актёры подбирали одежду и обувь в костюмерной, и Сашенька Маевская, то есть Александра Леонидовна Горина, с увлечением помогала в этом Пожарскому. Особенно она была незаменима, когда примеряли женский гардероб. Устроив просмотр нарядов, режиссёр был требовательным, но объективным, и всё же, когда вышла на сцену под свет прожекторов и софитов Ольга Кузнецова в образе героини, сердцебиение у Алексея участилось: до чего ж она красивая! Маленькая, милая, стройная, нежная и трепетная. Ну как Гринёву не влюбиться в такую Машу Миронову? «Гринёву можно, а мне – нельзя! – внушал себе Алексей Егорович. – Жаль! Я учитель, я педагог. Она ученица, ребёнок ещё!».

Школьный трудовик Олег Иванович Тищенко предложил свою помощь в изготовлении реквизита для спектакля. Табуреты он делал с точёными ножками. Скамейки массивные, на вид тяжёлые, но в действительности лёгкие в переноске. Особенно Тищенко преуспел в изготовлении оружия. У него нашлись чертежи мушкетов восемнадца-

того века, он узнал, что их ещё называли «фузеями». К их изготовлению на уроках труда он подключил учеников. Можно сказать, вся мужская половина школы помогала Пожарскому создавать спектакль. И главное, Тищенко-Портос придумал стреляющий макет пушки для Белогорской крепости, благо, она там по сюжету была одна. В его представлении пушка должна выглядеть похожей на реальную, но не медная и не чугунная. Жестяная, усиленная с помощью папье-маше и раскрашенная. При выстреле орудие должно изрыгать пламя и дым, грохот нужно было, конечно, записать на магнитофонную плёнку. Алексей при создании спецэффектов даже не мог себе представить, что такое возможно. Специально для этого он выстроил мизансцену, когда осаждённые, ожидая приступа пугачёвцев, смотрят в зал и туда же палят из пушки. Эффект должен был быть грандиозным. Предполагалось, что выстрел произведёт сильное впечатление на публику. Специально воздействовать на зрителей режиссёр предполагал в трёх сценах. Первая – дуэльная: там в самый напряжённый момент схватки неожиданно раздавался вопль Савельича, выбегающего из зрительного зала, тогда-то Швабрин и втыкал шпагу в грудь Гринёва. Вторая – с пушкой. А третья, заключительная, – во время казни Пугачёва. Сцена постепенно должна заполняться любопытствующей говорливой толпой, все пялили глаза в зал, кидали реплики. Получается, что эшафот находился между зрителями и действующими лицами. Звучали прощальные слова Емельяна, и – удар топора. Затем вскрик народа. Постепенно, набирая мощь, звучала скребущая по сердцу музыка. Народ, перекрестившись, молча разбредался. Свет медленно затухал. Прижавшись друг к другу, на сцене оставались только Гринёв и Миронова. Последний прожектор, направленный на них, постепенно угасал.

Голос рассказчика подытоживал: «На этом заканчиваются записки Петра Андреевича Гринёва».

СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

В понедельник, только вернувшись с осенних каникул, все учащиеся на переменах и педагоги азартно обсуждали первую серию нового телефильма «Место встречи изменить нельзя»[26]. Пожарский не принимал участия в обмене мнениями. Телевизор стоял в большой комнате, и баб Маша не всегда включала его по вечерам. Алексей не страдал от этого, в тишине занимаясь своими делами. Главное, что он понял из отдельных реплик в школе, действие в картине происходит в Москве после войны, герои – сотрудники МУРа[27], в ролях Высоцкий, Конкин, Юрский, в титрах заявлены ещё Джигарханян, Куравлёв, Белявский, Евстигнеев. При таком составе актёров кино, конечно, должно быть интересным. А когда Алексей Егорович услышал имена персонажей – Жеглов и Шарапов, сразу сообразил: так это же по книге братьев Вайнеров[28] «Эра милосердия».

Года три назад Володька Льнянов принёс Пожарскому захватывающий детектив. Они постоянно обменивались книгами, потом, прочитав, делились впечатлениями. Увлечённо дискутировали и порой, не придя к общей точке зрения, расставались под утро, каждый убеждённый

---

[26] «Место встречи изменить нельзя» – советский мини-сериал режиссёра Станислава Говорухина.

[27] МУР – московский уголовный розыск.

[28] Братья Вайнеры – Аркадий Александрович (1931–2005) и Георгий Александрович (1938–2009) – писатели.

в своей правоте. Действие в романе разворачивается сразу после войны. Отдав миллионы жизней за победу, прожив четыре года среди мук, голода и смертей, советские люди заслужили мир, счастье, жизнь без насилия и злобы, граждане в стране надеялись на новые времена. Даже по календарю неких папуасов должна была наконец-то настать эра милосердия. А в действительности в мирном городе идёт борьба с бандитизмом, воровством и убийствами. И чтобы добиться порядка, милиционерам тоже приходится стрелять на поражение. Жеглов считает, что все средства хороши для достижения цели: «Вор должен сидеть в тюрьме!». Но посадить вора, используя нечестные приёмы, как в случае с Кирпичом, когда Жеглов подкидывает тому в карман кошелёк, – это, по мнению Шарапова, несправедливо. Кто из главных героев прав? Ну ладно Кирпич, с ним всё понятно, он – враг. Такой же, как на войне, даже хуже, немец хоть форму фашистскую носит, а этот под своего косит. И цель у вора вражеская – ограбить. А вот как быть с загнанным в воровское логово Левченко? Бывшего фронтовика-разведчика отправляет за решётку отожравшийся в тылу особист. И где справедливость?

Вот на эту тему Льнянов с Пожарским и дискутировали. А что сейчас? В эпоху развитого социализма, через шестьдесят лет после революции наступила всё-таки эра милосердия или нет?

Ведь до сих пор несложно оговорить человека. Слава Богу, сейчас из-за навета в Туруханск не ссылают, не тридцатые годы.

В сорок четвёртом Степан Нестерович Гроздов, узнав в исполкоме, что мать посадили за то, что она выносила зерно с элеватора и её с поличным взяли на проходной, был так раздосадован, что даже забыл поинтересоваться, а куда, в какой детский дом отправили сестрёнку. Потому-то он сразу и согласился остаться у баб Маши в Явленке,

возвращаться в город не хотелось. Казалось, все с укором будут смотреть на него, как на сына преступницы. И главное, муж-то у воровки геройски на войне погиб, один сын ногу потерял, другой без вести пропал, а она зерно тырила, из которого для фронтовиков хлеб пекли. Позор! Простить такое было невозможно.

Работая в школе, Степан старался об этом не вспоминать. Окунался в дела с головой, только поспать и приходил домой. Иногда совесть грызла, стыдно было, что не забрал он к себе сестрёнку. А что он ей мог предложить? Сам жил, снимая комнату. С утра до вечера в школе. Одноногий. А в детском доме как никак напоят, накормят, одёжкой обеспечат, образование дадут. Это он так сам себя успокаивал. Но однажды в конце сороковых, находясь по делам в областном центре, зашёл Степан в городское адресное бюро. Заполнил бумажку с данными про сестру и получил справочку о том, что Вера Егоровна Гроздова проживает в студенческом общежитии учительского института.

Встреча родственников получилась эмоциональной со стороны Верочки, она и плакала, поглаживая костыли брата, и не умолкая щебетала про свою жизнь. Степан же был сурово сдержан, даже холодноват. Ни одного вопроса про мать он не задал. Сама же Верочка сказала, что собирается проведать мамку в Томской области. Мол, ей разрешили жить за территорией лагеря на поселении. Вот только надо денег подкопить. Степан вынул из кармана бумажник и со всем содержимым передал его сестрёнке. Он не матери тем самым помогал, а Верочке. Откуда у студентки возьмутся накопления?

В тот раз Степан Нестерович так и не узнал, что предшествовало аресту матери на проходной. Спустя много лет, Степан тогда переехал на школьную квартиру, Верочка приезжала в гости с сыном и рассказала всё, как было в то злополучное время. После ухода Антона на фронт Гроздовы,

мать с дочерью, жили замкнуто, да и общаться в бараке стало особо не с кем. Старые соседи разъехались, новые менялись часто, иные жили, не распаковывая чемоданов, в ожидании очередного переезда. Беда пришла в один из холодных зимних вечеров, когда Верочка была дома одна, мать трудилась во вторую смену. Вера сама открыла дверь после стука. Ворвались трое незнакомых мужчин, сразу заткнули рот и связали руки. Забрали всё, что можно было унести. Самое обидное, что исчезли деньги, мама только получила зарплату, и все продуктовые карточки на месяц, который только что начался. Мама ночью, придя со смены, нашла дочь привязанной к кровати с кляпом во рту. Проплакали до утра. Участковый «успокоил», что злодеев вряд ли найдут. Они наверняка уже в соседнюю область перебрались. Такие же ограбления произошли и в других квартирах. Это воровская шайка «заезжих гастролёров». А как жить? Даже продать или обменять на толкучке нет ничего. Неделю как-то выкручивались. После того как Верочка в школе прямо на уроке упала в обморок от голода, мама и решилась. Несколько горстей овса она спрятала в рейтузах. И надо же, именно в этот день случилось усиление режима контроля на проходной, вместе с вахтёрами дежурили представители органов. Всех работников элеватора раздевали до нижнего белья, ну из мамы и посыпалось. В связи с военным временем присудили восемь лет без права амнистии.

После отсидки мама поселилась в Караганде, где она родилась, где были похоронены её родители-шахтёры и где были живы ещё двоюродные родственники. За ней перебралась и Вера.

Прошло почти тридцать лет, а Степан так ни разу и не проведал их там.

ПРЕМЬЕРА

Ольга уже и не представляла себя без репетиций. Даже когда разбирались мизансцены без её участия, она непременно сидела в зале и наблюдала за ребятами и за режиссёром. «Как хорошо, что Алексея Егоровича распределили именно к ним. Он-то и в другой школе пьесы бы ставил, а вот как бы мы жили без него? Тоскливо!». Девушка ловила себя на мысли, что млеет, глядя на молодого учителя. И в груди что-то сильно-сильно так трепетало, когда она вдруг встречалась с ним взглядом. Ольга всеми силами гнала от себя мысли о влюблённости, усердно готовила уроки, занималась общественной работой, учила роль, готовила костюмы для своей героини, но не в силах была не думать о Пожарском. Ей нравилось в нём всё: и непослушная шевелюра темно-русых волос, и глубокий взгляд его серых задумчивых глаз, и очаровательный румянец на покрытых лёгким пушком щеках, и его милая присказка: «вернёмся к нашим овечкам».

День премьеры был назначен на 21 декабря. Яков Моисеевич, директор Дома культуры, не ожидал такого наплыва зрителей. Желающим не хватило мест в зале. Сидели не только на приставных стульчиках, но и просто на ступеньках в проходе.

В финале долго не смолкали аплодисменты. Родители подходили к Пожарскому, благодарили его и за спектакль, и за своих детей. В общем – триумф.

Пока артисты разгримировывались и переодевались, Алексей Егорович вручал им открытки с общими словами поздравления и с индивидуальными пожеланиями каждому. Ольга, прочитав пронизанные нежностью и признательностью строки, с трепетом прижала открытку к груди. И без того взволнованное премьерными переживаниями

девичье сердечко готово было вырваться наружу. Она, не сумев сразу подыскать нужных слов, обняла режиссера, только и вымолвив: «Спасибо!».

Директор клуба Горин распорядился в буфете накрыть столы. Скромные бутерброды с лимонадом были в момент сметены проголодавшимися ребятами. Яков Моисеевич поздравил всех с успехом и высказал пожелание играть этот спектакль долго, чему обещал всячески способствовать. В действительности Горин уже строил масштабные планы, связанные с новой постановкой. Спектакль под эгидой Дома культуры должны были посмотреть все жители Явленского района.

Но об этом молодые люди думали меньше всего. Они бурно вспоминали о мелких ошибках друг друга на сцене. Громко смеялись.

– А я ведь в сентябре не верил, что всё получится, – неожиданно прохрипел Димка Орешин.

– Зато каким бравым получился у тебя майор Зурин! – решил поддержать его Пожарский.

– Да уж, лопоухий наш гусар всех повстанцев распугал то ли саблей и усами, то ли кивером с ушами, – выдал экспромт Андрей Смотров.

Шутка вызвала добрый смех. Веселье юных артистов длилось долго. Уже в завершение вечера Алексей Егорович призвал всех хорошо отдохнуть, ведь на завтра назначена опять премьера, в которой главные роли будет играть второй состав труппы. Именно так несколько официально режиссёр назвал коллектив и поздравил всех с рождением школьного театра.

ТРЕВОГА

В субботу 29 декабря в оружейке у военрука собрался мужской клуб за предновогодним застольем. Портос и Арамис наперебой расхваливали постановку «Капитанской дочки».

– Спасибо Степану Нестеровичу, что поверил в меня и не торопил, – признался Пожарский.

– Да уж, некоторые дамы плешь мне проели вопросами про театральный кружок, который к тому же плавно из школы перебрался в районный ДК, – Гроздов не назвал, кто именно высказывал недовольство, хотя было и так понятно. – Ну, результат сам за себя говорит. Давайте за талант нашего коллеги, за чудесный спектакль, который порадовал и педагогов, и учеников, и родителей. Да что говорить, мне из районной администрации звонили, хвалили, как будто это я всё сделал. А я просто верил в Алексея Егоровича. Рад за тебя, знаю, и дети без ума от тебя. Молодец! Что ж, уходящий год одарил нас многими добрыми делами, одно из этих дел – школьный театр. Ну что ж, в добрый путь! Виват!

– Виват! – поддержали его собравшиеся. – За Пожарского! За театр! За успех!

Как обычно, первую с особым удовольствием выпили до дна.

– Что там «вражеские голоса» говорят о завершении года? – обратился Атос к Портосу.

– Эфир бурлит и вскипает после сообщения о вводе советских войск в Афганистан[29], – трудовик произнёс это, не отвлекаясь от закуски.

---

[29] 25 декабря 1979 года по просьбе афганского правительства в Афганистан были введены советские войска. «Афганская война» длилась десять лет.

– Да, я слышал: Хафизулла Амин[30] убит, Бабрак Кармаль[31] – новый глава Афганистана. Думаю, всё произошло не без нашей помощи, – директор раздосадованно и резко стукнул ладонью по столу. – Что думаешь по этому поводу, капитан?

Ржавин вытер салфеткой губы, выдержал паузу и заговорил спокойно, короткими фразами, как будто подготовленными им заранее:

– Беда, ребята! Там война идёт, гражданская. Нам вмешиваться в неё не стоит. Зря мы вводим войска. Это ужасная ошибка! Наше пенсионерское Политбюро просчиталось. Это будет как Вьетнам для американцев. Погибнут молодые парни. Много. Из них сделают национальных героев. Будут говорить про интернациональный долг. Но кто вернёт матерям сыновей?

Все напряжённо слушали военрука. Алексей с премьерными своими заботами совсем отстал от политической жизни в стране. И слова Ржавина хлестали его по щекам, которые становились всё краснее от каждого произнесённого слова: «гражданская война», «Вьетнам», «интернациональный долг», «пенсионерское Политбюро». Пожарский никогда и не задумывался, что почти все руководители страны уже давно находятся в преклонном возрасте, так сказать, на пенсии.

– И это намного страшнее и событий на Даманском[32], и Пражской весны 1968 года. Крови будет пролито больше, – продолжал капитан.

---

[30] Хафизулла Амин (1929–1979) – афганский политический деятель.

[31] Бабрак Кармаль (1929–1996) – афганский политический деятель.

[32] Даманский – остров на реке Уссури. Место вооружённого боестолкновения между пограничниками СССР и Китая.

– Ты из-за этого уволился в запас? Прости, Анатолий Петрович, не в моих принципах лезть в душу, и всё-таки, – директорский вопрос повис над притихшим застольем.

Ржавин ответил не сразу.

– Всё непросто! Был 1956-й год. Я поступал в танковое училище. В Омске. Счастливое время. Вышло постановление об отмене платы за обучение. В Москве – Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Медкомиссия допустила к экзаменам, сдал я их успешно. Зачислили. Началась учёба. И тут события в Венгрии. Один из преподавателей с гордостью объявил на занятиях, что мы должны гордиться выбранной военной специальностью. Мол, в стране объявили о сокращении армии на два миллиона человек. Попадут под увольнение многие офицеры, в том числе и молодые. Будут закрываться военные училища. Но нам беспокоиться нечего. Благодаря именно механизированным соединениям погасили попытку венгерской контрреволюции. Три тысячи танков быстро успокоили горячие умы, пытавшиеся восстановить фашизм в Европе. Всё верно, можно гордиться, но постепенно до нас стали доходить и иные сведения, что воевали там не с армией противника, а с гражданскими. И при этом погибло семьсот советских бойцов. Зачем? После страшной войны одиннадцать лет прошло. А наши ребята опять гибнут в чужой стране, в Афганистане, который на нас не нападал.

– А зачем же ты в военные пошёл? – неожиданно спросил трудовик.

– Знаешь, дорогой Портос, есть такая профессия – Родину защищать. Это не простая киношная фраза[35]. Я вовсе не думал о мировой революции, когда решил стать офицером. Помнишь в песне: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим!». Я был убеждён, что буду

[35] Фраза из кинофильма «Офицеры»1971 года.

беречь Отечество от врага. В пятьдесят девятом году на политзанятиях нам рассказывали, что в США был принят закон о расчленении Советского Союза и освобождении порабощённых наций. От Америки стоило ожидать любой провокации. Она залезла уже в Корею, вторглась в Ливан. По доктрине президента Эйзенхауэра Соединённые Штаты имели право вмешиваться во внутренние дела любой страны, которая находится под «коммунистической угрозой». Весной шестидесятого, накануне выпуска из училища мы узнаём, что нашей ракетой недалеко от Свердловска был сбит американский самолёт. Что он делал на Урале? Нужно было быть готовым к защите Отечества. С этим убеждением я честно служил и на Дальнем Востоке, и на Кавказе, поступил для повышения квалификации на высшие офицерские курсы «Выстрел». Это был как раз 1968-й год, август. И опять тысячи советских танков теперь уже не в Будапеште, а в Праге успокаивают гражданских. Вот не поверите, что-то перещёлкнуло у меня в голове – неправильно это. Не для этого нужна армия. Ни с кем я особо не обсуждал свою проблему. Переживал в одиночку. А когда в «Правде» опубликовали Указ Правительства о присвоении звания Героя Советского Союза генералу армии Павловскому[34], меня совсем переклинило. Всем же понятно, за что! Генерал Павловский руководил военной операцией «Дунай» в Чехословакии. В общем, думы мои закончились инсультом. Слава богу, случилось это дома. Галка, жена, сразу вызвала скорую. Из всех последствий – пальцы правой руки скрючило. Военно-врачебная комиссия признала меня ограниченно-годным к службе. Вот тогда я и подал рапорт на увольнение. Долго меня уговаривали остаться.

---

[34] Иван Григорьевич Павловский (1909–1999) – советский военачальник, главнокомандующий сухопутными войсками, министр обороны, генерал армии, Герой Советского Союза.

Уже в мае шестьдесят девятого вызвал к себе начальник курсов генерал армии Крейзер Яков Григорьевич»[35]. Суровый командир, фронтовик, все знали, что он самый первый в сухопутных войсках получил звание Героя Советского Союза в июле сорок первого года. Я стоял перед генералом навытяжку. «Ну, капитан, убеди меня, что ты не можешь, не имеешь морального права продолжать службу в рядах Советской Армии. Один аргумент». Я поднял правую руку и показал, как говорится, «козу рогатую»: указательный и мизинец вверх, а средний и безымянный пальцы прижаты. У Крейзера вздёрнулись брови вверх. «Паралич пальцев, – объяснил я, – не разгибаются. Позорно честь отдавать таким уродством. Не знающие могут принять за оскорбление». Генерал сжал губы, чтобы сохранить суровость и спрятать улыбку. «Да! Аргумент! Ну что ж, капитан, будем увольняться вместе. Меня тоже комиссуют, хотя с виду и здоров». Потом я узнал, что боевой генерал, уйдя в отпуск, к должности так и не вернулся, а в ноябре умер. А меня комиссовали подчистую. Мы с женой, недолго думая, воссоединились с родителями, они, приехав на целину, так и остались жить здесь, в Явленском районе, в совхозе «Заречный», а мы вот осели в райцентре.

Монолог военрука произвёл на Алексея Егоровича ошеломляющее воздействие. Слушая старшего товарища, Пожарский благодарил судьбу, забросившую его в этот убогий край. Всё, о чём говорил Арамис, ему, сопливому Дартаньяну, ни в жутких снах не представлялось, ни в лекциях умнейших педагогов института не освещалось. За пять минут он узнал больше, чем за четырнадцать лет

[35] Яков Григорьевич Крейзер (1905–1969) – советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза. С 1963 по 1969 годы – начальник Высших офицерских курсов «Выстрел».

учёбы. Очередной фразой капитан Ржавин посеял в душе молодого педагога сомнения и тревогу.

– Я вот думаю, – Анатолий Петрович взял в руку стакан.

Пожарский наконец-то заметил, что держал капитан посудину тремя пальцами – указательным, мизинцем и большим.

– Думаю я вот о чём. После войны через одиннадцать лет – танки в Будапеште. Ещё через двенадцать лет – в Праге. Опять вот через одиннадцать лет – в Кабуле. А потом через двенадцать лет... Где? Это будет девяноста первый год. Тревога на душе у меня от этих дум.

– Ну, чему быть, того не миновать, – Степан Нестерович тоже поднял свой стакан. – Не обижайся на судьбу...

– Другой не будет, – поддержал директора один трудовик.

– Да уж! – только и произнёс военрук.

Пожарский молча примкнул свой стакан к трём чокающимся.

ГАСТРОЛИ

Новогодние каникулы получились напряжёнными. Спектакли в Доме культуры шли почти каждый день. Яков Моисеевич взял в свои руки управление зрительским потоком. В зале теперь рассаживались, занимая места согласно билетам на руках, хотя касса их не продавала. Официально спектакли для школьников и трудящихся были бесплатными. Горину удалось организовать зрителей из ближайших сёл, их привозили на автобусах. Но самыми запоминающимися для юных артистов стали гастроли, то есть поездки в те совхозы, где стояли современные

клубы с оборудованными сценами. Возвращались обычно усталые, но довольные. Все представления проходили на ура. В клубном автобусе было уютно и весело. Пели песни, подсмеивались друг над другом: кто-то реплику забыл, кто-то опоздал с выходом на сцену. Каждый рассказывал, что особенно запомнилось в очередном выступлении. Как всегда, всех порадовал Димка Орешин:

– А мне запомнились столовские котлеты!

Посмеявшись, все поддержали его. Действительно, после представления директор совхоза распорядился накормить ребят как следует. Ужин был отменный. Если девчонки и с предложенными блюдами не справились, то мальчишки не отказались от добавки. Артисты кушали в общем зале, а Пожарского и Горина пригласили в отдельный кабинет. Стол был накрыт по высшему разряду. Казалось, что именно этого совхоза проблема дефицита не коснулась. Яблоки, мандарины, апельсины. Сервелат, бекон, салями. Сёмга, икра зернистая. Коньяк, водка «Посольская», шампанское. Изобилие, да и только. Кроме гостей, за столом заседали директор, секретарь парткома и председатель месткома.

Директор поблагодарил за концерт, почему-то он так назвал спектакль. Мол, тружеников надо просвещать, для этого и построили современный клуб. Спасибо товарищу Горину, не забывает, привозит артистов. В общем, начались застольные речи и возлияния. Как ни старался Алексей Егорович не пить, не получилось. Ни отговорки, что он, вообще-то, не пьющий, – все не пьют! Ни попытка прикрыться школьниками – водитель трезвый довезёт в целости и сохранности. Ни замена алкоголя на сок – обижаешь! Ничто не спасло педагога. Пить пришлось. Когда расселись в автобусе, Пожарскому под ноги установили картонную коробку. Тронулись.

– А чем это так вкусненько пахнет? – вопрос Орешина прозвучал саркастически.

Алексей Егорович приподнял коробку:

– Угощайтесь!

По рядам пошли фрукты, цитрусовые и мясные нарезки.

– Вот это я понимаю! Новый год продолжается! – Орешин был в ударе.

– Ага! – поддержал его Андрей Стройнов. – Дед Мороз получил твоё письмо!

И поднял над головой бутылку коньяка.

– А вот стаканов нет! – с хриплым сожалением заключил Димка, заглянув в опустевшую картонку.

– Ну хватит! – Настя Петрова выхватила у Стройнова бутылку и, не зная, что делать с ней дальше, передала её блаженно улыбающемуся Горину.

– Эх, Настюха, нам ли быть в печали, требую продолжения банкета, – не унимался Орешин. – Или всё расскажу про тебя...

Он интригующе потянул паузу, поднял указательный палец вверх и закончил на хриплом выдохе:

– Деду Морозу!

После этой реплики в автобусе долго не утихал безудержный смех.

С НАДЕЖДОЙ НА ДОБРОЕ

Четырнадцатого января мушкетёры собрались отметить старый Новый год.

– Что произошло в мире, пока длились школьные каникулы? – традиционно с вопроса начал директор.

Трудовик Тищенко, накладывая в свою тарелку закуски, менторским голосом диктора огласил:

– Из-за ввода советских войск в Афганистан американский президент Джимми Картер отказался подписывать Договор ОСВ-2 и призвал другие страны вслед за Штатами бойкотировать Московскую олимпиаду.

– Это понятно. А что неожиданного внутри страны произошло такого, чего мы не знаем? – уточнил Степан Нестерович.

– Восьмого января Леонид Ильич Брежнев подписал Указ: «Лишить академика Сахарова Андрея Дмитриевича[36] звания Героя Социалистического Труда и всех имеющихся у него государственных наград», – Портос, цитируя Указ, резал на ломтики буханку хлеба. – Чик, и всё!

– Вот это зря! – не удержался капитан Ржавин. – Это уже от бессилия и злобы! Сталин тоже лишил звания Героя Советского Союза генерала Павлова[37]. Знаете, чем всё закончилось?

– Ну так его же расстреляли! – не удержался Пожарский.

– Да. А потом? – Анатолий Петрович взял левой рукой бутылку и стал наполнять стаканы. – Я расскажу вам то, о чём вы наверняка не знаете. Перед тем как переехать в Явленку после увольнения из армии, я с женой заглянул в костромскую деревню Во́нюх. Там жила моя старшая тёща, бабушка жены. Это в тех краях, куда Сусанин поляков завёл. Глухомань ещё та! В общем, на привычном повороте к селу вместо указателя «Вонюх» мы увидели табличку «Павлово». Это нас с Галкой очень удивило. Оказывается,

---

[36] Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989) – советский учёный, академик, один из создателей водородной бомбы. Трижды Герой Социалистического Труда.

[37] Дмитрий Григорьевич Павлов (1897–1941) – военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза. Перед началом войны с фашистской Германией командовал Белорусским военным особым округом. Уже 22 июля 1941 года был расстрелян по решению суда. После войны, в 1947 году, был лишён звания Героя. Через десять лет реабилитирован.

в этой деревне родился генерал армии. В его честь и переименовали населённый пункт ещё в шестьдесят шестом году, потому что накануне ему вернули звание Героя Советского Союза. Вот так! Сталин лишил звания, а Брежнев вернул. Теперь сам Брежнев отобрал у Сахарова медали. Пройдёт время, и академику всё вернут.

– Да, у истории свои капризы, она имеет странность повторяться, по Марксу[38], сперва как трагедия, потом в виде фарса, – высказал своё мнение Тищенко. – Кстати, Сахаров с семьёй продолжает жить в Москве, а родственников Павлова тогда сослали в Сибирь.

– Вот как?! – удивился Гроздов. – Тогда и я поделюсь с вами воспоминаниями. В сорок первом году учился я в институте на втором курсе. Преподавателей не хватало, многие ушли на фронт. Мы радовались, когда приходили на занятия педагоги из эвакуированных. И была среди них одна интересная дама, красивая, скажу я вам, но всегда печальная, Александра Фёдоровна её звали. Однажды один шалопай, как сейчас помню – Сашка Петров, ненароком на перемене разбил висевший на стене портрет Сталина. Сашку забрали, больше мы его не видели. А вот за что преподавателя Александру Фёдоровну уволили, её и в классе-то не было во время происшествия, мы тогда так и не поняли. Теперь ясно. Фамилия у неё – Павлова, и работала до эвакуации в Минске. Значит, она была женой генерала Павлова.

– Ну что ж, друзья, давайте проводим старый Новый год. За всё ушедшее старое, с надеждой на доброе новое впереди, – предложил капитан Ржавин.

Все поддержали его поднятыми стаканами.

---

[38] Карл Маркс (1818–1883) – немецкий философ, основоположник «марксизма». Автор книг «Манифест коммунистической партии» и «Капитал».

НОВАЯ ПЬЕСА

На очередной репетиции артисты шумно обсуждали, что же теперь они будут делать дальше.

– Жаль, Алексей Егорович, больше вы не будете раскрывать нам пушкинские тайны, – высказался за всех Димка Орешин.

– Да, – поддержала его Оля Кузнецова, – мы так привыкли к вашим удивительным рассказам.

– И к каким овечкам мы будем возвращаться теперь? – поёрничал Стройнов.

– Ну, давайте по порядку, – предложил Пожарский. – Что касаемо Пушкина. Не все тайны и парадоксы, связанные с его именем, жизнью и творчеством, ещё раскрыты. Сами интересуйтесь, «ищущий да обрящет». Вот, к примеру, любопытный факт. Ни в Омске, ни в Кургане, ни в Павлодаре, ни в Кустанае, ни в Тюмени, ни в Целинограде – ни в одной из соседних областей вокруг не появился памятник Пушкину. А вот у нас в небольшом селе Волошинка установили бюст поэта. Кстати, это всего километров семьдесят от Явленки.

– Вот не перестаю удивляться, – Орешин почесал себя в затылке. – Откуда, Алексей Егорович, вы всё это знаете?

– С памятником Пушкину, Дима, всё очень просто. В институте со мной в одной группе училась жительница Волошинки. Зная о моём особом интересе к Пушкину, она и рассказала об открытии в их селе памятника. И фото подарила.

– А с какой радости памятник появился именно в их деревне? – спросил Стройнов.

– Не знаю всей подоплёки, но директор совхоза по собственной инициативе связался с одним из ленинградских

скульпторов, и теперь перед конторой совхоза «Пушкинский» стоит памятник поэта.

– А-а! Ясно! – за всех удовлетворённо ответил Орешин. – Совхоз, значит, имени Пушкина.

– Ну а теперь вернёмся к нашим овечкам, – Пожарский сам улыбнулся своей привычной фразе, выдержал паузу, пока все успокоятся, и спросил: – Новый спектакль будем ставить?

– Да! – хором отозвалась труппа.

– А почему не спрашиваете, какой?

– Мы доверяем вашему вкусу, – отметился шуткой Димка. – Надеюсь, мне там найдётся роль?

– Всем найдётся. Пьеса «Аттестат зрелости»[39] о ваших сверстниках, выпускниках школы.

– А по-моему, фильм такой есть, – как всегда, блеснул знаниями Стройнов.

– Да, – поддержал его Пожарский. – Правда, был он снят ещё в пятьдесят четвёртом году, и сценарий фильма значительно отличается от пьесы. Итак, начнём. Прямо сейчас – первая читка. Каждый по ходу чтения пусть примеряет на себя будущую роль. Посмотрим, совпадёт ли ваше желание с режиссёрским.

– Так вы уже все роли распределили? – удивился Орешин. – Интересно, и кто же там я? По логике, после майора Зурина мне должна достаться роль какого-нибудь полковника.

– Да успокойся ты уже, – не выдержала Настя Петрова. – Тебе ж сказали, что пьеса про школьников. Там не будут пить, курить и на деньги играть.

– Ну, директор-то в школе должен быть, – не унимался Димка.

---

[39] «Аттестат зрелости» – пьеса драматурга Л. Б. Гераскиной, написана в 1949 году, экранизирована в 1954 году.

– В школе директор должен быть, но в пьесе он остаётся всё время за кулисами. Однако есть классный руководитель, и он мужчина.

– Вот! Мне уже всё нравится. Давайте приступим к чтению, а то Настюха меня не только взглядом съест, но и в живую без соли слопает.

– Много чести! – парировала Петрова.

– Ну хватит, ребята, – попыталась успокоить ссорившихся Ольга Кузнецова. – Давайте замрём и послушаем пьесу.

– Действительно, – поддержали артисты. – Начинайте, Алексей Егорович.

ПО-НАСТОЯЩЕМУ

Потянулись спокойные, похожие друг на друга трудовые будни. С утра – занятия, днём – репетиции, вечерами Алексей готовился к новым урокам и продумывал мизансцены для будущего спектакля. В конце каждой недели, в воскресенье, Пожарский приходил в пустой учебный кабинет и садился за проверку ученических тетрадок. В один из таких выходных дней в школе было необычно шумно: проводились соревнования на празднике «Мама, папа, я – спортивная семья».

Алексей Егорович слышал, как за дверью кабинета периодически раздавался быстрый топот в направлении туалета, а затем размеренные шаги в обратном направлении.

Неожиданно приоткрылась дверь, и в проёме появилась милая головка Кузнецовой Оли.

– Ой, здравствуйте, Алексей Егорович! А вы здесь? Почему не в спортзале?

– Да вот тетрадки проверяю к завтрашнему дню.

– Я вам помешала?

– Нет, что ты! Проходи. Я каждый выходной день здесь работаю. Чтобы не носить с собой диктанты, сочинения, домашние задания учеников, спрячусь тут в тишину выходного дня и черкаюсь красными чернилами по ребячьим трудам.

– Понятно.

– А ты почему не соревнуешься? Смотрю, ты даже не в спортивной форме.

– Так у меня неполная семья. Папы не стало, когда я ещё совсем маленькой была. Это я пришла поболеть за Настю и её родителей.

– Ясно. И как они?

– Бегают. А можно я вам помогу? Ну, домашку чью-нибудь проверю. И вам помощь, и мне тренировка в укреплении знаний по русскому языку.

– Давай!

Пожарский пододвинул к Ольге небольшую стопку тетрадей, объяснил, на какое правило задание, раскрыл учебник на соответствующей странице и выдал ручку с красной пастой.

– А оценки ставить? – глаза у новоиспечённой проверяющей загорелись восторгом.

Учитель расписал, за какое количество ошибок какой оценки достойна работа ученика среднего звена, и Оля принялась за работу.

Периодически поглядывая на свою неожиданную помощницу, Алексей вдруг поймал себя на мысли, что любуется ею: «Красивая девушка. И добрая. Достанется же кому-то такое счастье!».

– Всё! Я закончила! – захлопнув очередную тетрадку, выдохнула Кузнецова. – Побегу! А то Настька обидится.

Ольга у двери кабинета оглянулась:

– Спасибо, Алексей Егорович!

– Это тебе спасибо!

– Если вы каждый выходной здесь бываете, можно я ещё приду... помочь вам.

– Приходи.

Прошла неделя. Алексей Егорович, проверяя тетради, поглядывал на дверь – придёт или нет?! Лучше бы не пришла. Нет, он не против помощи. «Оля все работы проверила правильно и оценки выставила верно. Пусть бы пришла». Лёшка физически ощущал потребность присутствия Ольги Кузнецовой. На репетициях этого чувства не было. Там шла работа. Он требовал правильной интонации, старался видеть героиню Оли, а не её саму. А здесь он смотрел на неё совсем по-другому. Алексей гнал от себя эти мысли и возвращался к ним опять. Нет! Он не позволит себе ничего такого, что могло бы навредить и ей, и ему. Но любоваться ею он имеет право? Просто смотреть и радоваться, что она есть. Это так сладостно и никого ни к чему не обязывает. И вдруг... стук в дверь. Так ожидаемый и в то же время такой неожиданный.

– Да, – отозвался Пожарский.

– Здравствуйте. Это я!

Вместе с ней в кабинет заглянуло солнышко. А ведь весь день было пасмурно.

– Проходи, я заждался.

«Зачем я сказал это? Промолчал бы и всё!».

– Правда? А я боялась показаться навязчивой. Думаю, вот прицепилась! Но не прийти не смогла.

– Садись. Вот тетради. Работай, – как можно суше проговорил Пожарский. – Если хочешь?

– Хочу!

Они сидели друг напротив друга, уткнувшись в чужие тетради.

«Почему мне так хорошо от того, что она рядом? Ничего не говорит. Черкается на полях и между строк, листает

странички. Может, вовсе и не думает обо мне. Ну и что? А мне всё равно хорошо. Даже как-то волнительно и трепетно в груди».

Проверка закончилась. «Жаль! Надо в следующий раз больше тетрадей собрать. Ну вот, уже и про другой раз думаю», – Алексей поймал себя на мысли, что он опять будет ждать её через неделю.

– Ты знаешь, пять лет назад я боялся выезжать из своей деревни Бугровки.

– Почему? – удивилась Оля.

«Зачем я ей это говорю?» – упрекнул себя Алексей.

– Ну, не то чтобы боялся, скорее смущался. Мне казалось, что городские ребята будут надо мной смеяться. Перед десятым классом я как-то быстро вырос из старой одёжки, а на новую у мамы денег не было. Летом спасали сатиновые шаровары на резинках и майка на лямках, такие все мальчишки у нас носили. Но в школу в таком виде не пойдёшь. Мама перебрала весь гардероб отца. После его смерти она как знала, что пригодится, всё сохранила. Примерили – мне как раз. Так и ходил всю зиму в старомодных габардиновых штанах и в поношенном френче, который выглядывал из-под фуфайки. Как в такой одежде было в город ехать, чтобы в институт поступать?!

Олино личико вытянулось, бровки приподнялись, пухлые алые губки округлились.

«Лёха, Лёха, Лёха! Не смотри на них!». Пожарский пытался погасить в себе желание прижаться в поцелуе к этим девичьим устам.

– И что потом случилось? – желание узнать, как Алексей Егорович вышел из этой ситуации, было неподдельным.

– Осень в тот год стояла и долгая, и тёплая, и дождливая. Грибов было море. Почти каждый день я приносил их домой по мешку. Вот правда, ходил в лес не с ведром, не с корзиной, а с большим мешком. Грибы солили с хреном,

смородиной и укропом, благо, что это всё росло в огороде. Три бочки одних груздей. А зимой к нам в село повадились снабженцы из городских ресторанов. Грибы скупали вёдрами и хорошо платили. В общем, сумма накопилась очень приличная. Мама сказала, что это всё заработано мною и потратить деньги я должен на себя. Ну мы и купили мне костюм, рубашку, туфли на выпускной. А потом, в августе, я во всём этом и поехал поступать в пединститут.

Глаза у Ольги блестели, наполненные и удивлением, и восторгом, и слезами.

«Ну вот! Не хватало ещё, чтобы она расплакалась, жалея меня».

– Хочешь лингвистическую шутку-парадокс? – Пожарский, желая сменить тему, предложил Ольге: – Иди к доске.

Та покорно поднялась из-за парты и шагнула на приступку, благими усилиями трудовика Тищенко во всех классах под грифельной доской находилась подставка для малорослых. Ольга была на голову ниже Алексея, но теперь, встав на ступеньку, она сравнялась с ним.

– Пиши, – приказал учитель. – «Курица не петух». Дальше ниже в столбик «Курица – несушка». В свою очередь, «Петух не курица». Пиши-пиши третьей строкой «Петух не курица». Из вышесказанного следует, что «Петух не несушка». Пишешь? Итак, по правилу, если частица «не» употребляется дважды, то она несёт значение утверждения и частицу можно по смыслу упустить. Вывод. Пиши без «не» «Петух – сушка».

Кузнецова, всё послушно записав, стояла к Алексею спиной.

– Смешно? – пытался развеселить ученицу Алексей.

Она повернулась к нему лицом. Они стояли очень близко друг к другу.

– Поцелуй меня, – неожиданно произнесла Оля, приподняв подбородок, закрыла глаза.

Растерявшись, Лёшка чмокнул её в щёку.

– Нет, по-настоящему! – не открывая глаз, потребовала девушка.

Всё внутри у Алексея затрепетало, и, уже не управляя собой, он прижался своими жаждущими губами к её нежным розовым губкам.

Сколько длился поцелуй? Минуту? Алексей лишь почувствовал, что Ольга обмякла в его объятиях, ноги её не держали. Оторвавшись от губ, он прижал её покрепче, и она, как бы оживая, вздохнула полной грудью. Алексей, не разжимая рук, присел вместе с нею на стул, усадив воскресшую на колени.

– Ты почему не дышала?

– Не знаю! А как? Я не умею. Вы же учили нас только сценическому поцелую. А в жизни я ещё ни разу не целовалась в губы.

– Так же можно задохнуться, если не дышать?!

– Ну и что? Пусть! Я и не догадывалась, как это приятно, умереть в объятиях от поцелуя.

– Вот глупышка! Умирать-то зачем? Просто дыши носом, когда рот занят.

– Научи! – и она опять закрыла глаза.

ЭТО ЛЮБОВЬ

Все дни превратились в страстное ожидание выходных. Студенческий опыт Алексея и наивная Ольгина неискушённость слились в единое желание двух молодых людей овладеть искусством поцелуя. Не театральным – живым.

Нет! Про тетради Алексей не забывал. Теперь в воскресный день он приходил в школу пораньше. И когда

появлялась Оля, он был уже свободен, и они самозабвенно целовались до посинения губ. Теперь у них было две жизни: одна – невидимая для посторонних глаз, когда они, влюблённые, оставались наедине и становились Олюшкой и Алёшей; другая – не вызывающая сомнений, что он – школьный учитель Алексей Егорович и требовательный режиссёр Пожарский, а она – успешная ученица и комсомольский вожак Ольга Кузнецова. Более того, в учебное время они старались не пересекаться на переменках, это было несложно, потому что он преподавал в среднем звене, а она училась в выпускном классе. На репетициях же они общались по-деловому, не позволяя себе ни сантиментов, ни многозначительных взглядов, хотя давалось это ох как нелегко.

Оставшись вдвоём в тишине воскресенья, они предавались мечтам. Это было так приятно – строить планы на будущее. Ольга собиралась поступать в пединститут. А потом они обязательно поженятся.

– И кстати, с этого момента с меня перестанут взимать налог на бездетность, – серьёзно объявил Алексей.

– Правда, что ли? Ты сейчас платишь такой налог? – удивилась Ольга. – И неважно, что ты не женат?

– Да. Вот так.

– И сколько с тебя удерживают?

– Я не подсчитывал. Вместе с учительской и клубной зарплатой рублей пятнадцать-двадцать.

– Интересно! А что, есть и другие поборы, о которых мы, юные, не узнаем, пока не повзрослеем?

– Есть! Вот ты как член ВЛКСМ платишь две копейки, а я – рубля три. Столько же – профсоюзные взносы. Был бы членом партии – было бы ещё рублей десять минус. И это каждый месяц.

– Ого!

– Если крепко-крепко поцелуешь, расскажу ещё о скрытых расходах нашей будущей семьи, – хитрым шантажом решил прервать паузу без поцелуев Алексей.

– А я бы и за так целовала тебя безустанно.

И Оля нежно прижалась губами, пылающими огнём, к упругим устам милого Алёшеньки.

Передохнув, она напомнила:

– Ну, давай, рассказывай, как будешь разорять наш будущий семейный бюджет неизвестными мне поборами.

– Почему неизвестными? Ты просто не замечаешь, когда платишь то десять, то тридцать копеек в различные всесоюзные общества Красного Креста, книголюбов, охраны памятников, спасения на водах, охраны природы, ДОСААФ[40] или в Фонд мира.

– Ладно, не жадничай!

– Я? Я жадничаю? Ты ещё не знаешь, какой я транжира. Вот за подписку газет и журналов на этот год я потратил почти месячный оклад. А тебя, Красная Шапочка, я съем за так, или куплю за рубль пятьдесят.

И Лёшка впился страстным поцелуем в Ольгины губы.

– Это почему всего в полтора рубля ты меня оценил? – отдышавшись, Оля обиженно округлила глаза.

– Это не я, – оправдался Алексей. – Это такая пошлина при регистрации брака.

– И когда она будет, эта регистрация?

– Как только тебе исполнится восемнадцать лет.

– Но ты мне даже не сделал предложения.

– Как? Разве? Непростительное упущение! Любимая, выходи за меня замуж! Ты согласна?

– Да, да, да!

И счастливые, они утонули в объятиях друг друга.

---

[40] ДОСААФ – Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации, флоту СССР. Советская оборонно-спортивная организация.

НОВАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

А репетиции в будние дни шли своим чередом. Подготовка спектакля быстро приближалась к премьере. Ребята увлечённо и с задором изображали своих сверстников-современников, то есть самих себя. Костюмы шить для спектакля не пришлось. Каждый артист предлагал свой любимый наряд из того, что у него было дома. Премьеру назначили на конец третьей четверти.

И вот весенние каникулы. Опять районный Дом культуры каждый день был переполнен. Каждый день на сцене играли «Аттестат зрелости».

Яков Моисеевич светился радостью и с зажигательной улыбкой, как долгожданных гостей встречал зрителей в фойе, словно это он, а не Пожарский, был режиссёром школьного театра. Никакой толкотни и суеты в зале. У всех на руках билеты с местами. Явленка постепенно превращалась в районную театральную Мекку. Уже привычным маршрутом автобусы подвозили зрителей из близлежащих и отдалённых сёл.

Горин накануне провёл областной семинар с директорами клубов по организации массовых зрелищ. В завершение мероприятия – премьерный спектакль «Аттестат зрелости». Яков Моисеевич, словно пряничный домик, блистал в своём ярком костюме, украшенном многоцветным шейным платком. А светился он не зря. Такой масштаб охвата сельских зрителей не снился ни одному районному Дому культуры. Это заметили в областной администрации, потому и собрали в Явленке всех клубных руководителей. Горин не удержался от распирающей его гордости и заранее пригласил всех уже на следующую майскую премьеру.

Дело в том, что ещё зимой побывал Яков Моисеевич в Москве на всесоюзном семинаре. Посчастливилось ему посмотреть спектакль «А зори здесь тихие» в театре на Таганке. Такого эмоционального потрясения, а затем творческого подъёма, Горин не испытывал давно. Как ему удалось встретиться с главным режиссёром театра Юрием Любимовым[41]? Как он смог добыть сценарий постановки, военные гимнастёрки и камуфляжные сети? Это всё никому не ведомо. А вот как он умудрился уговорить Пожарского взяться за воплощение пьесы в явленском Доме культуры, совсем не тайна.

Алексей Егорович уже работал с ребятами над пьесой на школьную тему, когда Яков Моисеевич примчался в феврале из столицы с желанием инсценировать военную повесть Бориса Васильева. Сначала Пожарский категорически отказывался:

– Я уже запустил в работу новую постановку. Ребята с увлечением репетируют. Не отменять же всё. А одним составом сразу два спектакля ставить? Нет! Не получится! Они же не профессионалы. Более того, почти все учатся в выпускных классах. Мы договорились и с родителями, и с учителями, что последнюю четверть выпускники посвятят подготовке к экзаменам.

– И правильно, – сразу согласился Горин, – дети должны учиться. А я вам, Князь, предлагаю другой состав для постановки. Это вокальная группа моей Сашеньки. Она давно мне плешь проела, мол, в клубе надо бы и взрослый театр открыть. Мол, сил и таланта у князя Пожарского хватит. Вот! А девчата у неё как на подбор, и по возрасту соответствуют. Там по сценарию героини несколько раз

---

[41] Юрий Петрович Любимов (1919–2014) – театральный режиссёр. Народный артист Российской Федерации. Художественный руководитель Московского театра на Таганке.

песни затягивать должны, а с их вокальными данными они так зазвучат, что зритель слезами зальётся.

– Ну детей же я не брошу!

– И не надо! Что вы! Упаси бог! Работайте с ними в своё удовольствие. Днём! Пока наши дамы на работе. А вечером и вокалистки свободны, и вы.

– Ну, не знаю, Яков Моисеевич!

– Понял, понял, Князь! Можете не развивать тему. Я всё продумал. Мы для вас новую должность откроем, ставка уже определена.

– Да я не это имел в виду.

– Соглашайтесь, дорогой! Деньги лишними не бывают. Да и к свадьбе прикопить не мешало бы.

Алексей заволновался:

– К какой свадьбе?

– Ну, будет же у вас когда-нибудь свадьба?

– С чего вы взяли? – у Пожарского румянец перекинулся на уши.

Мысли быстро просчитывали ситуации: когда же они с Ольгой потеряли бдительность?

– Ну у всех же молодых людей случаются свадьбы. Будет и у вас. Не завтра, я надеюсь, но в перспективе. А вы к ней «хоп!» – и будете финансово готовы!

– Я согласен! Буду копить! – с облегчением решил Алексей.

– Да мы с вами такой фурор произведём... на весь район! К тому же грядёт тридцатипятилетие Победы. А это, сами понимаете, святое!

ОТКРОВЕНИЯ

В конце марта в районном клубе отыграли итоговый для школьного театра в этом сезоне спектакль «Аттестат зрелости». Представление получилось светлое, жизнеутверждающее, украшенное мальчишеской дружбой, первой влюблённостью, вся постановка была насыщена обилием шуток и юмора. Однако при всей оптимистичности и зрительском успехе атмосфера за кулисами была и праздничной, и грустной одновременно. Для большинства артистов это было прощальное выступление. Алексей Егорович каждому вручил открытку с поздравлениями по случаю завершения сезона. Девчонки с признательностью прижимались к режиссёру, пряча наполненные слезами глаза. Мальчишки более сдержанно жали руководителю театра руку.

В последний день весенних каникул мушкетёры собрались в оружейке на очередную встречу.

– Радуюсь за тебя, Алексей Егорович! – директор, как обычно, первым поднял стакан, наполненный незаменимым для застолья прозрачным напитком. – И вроде, рано говорить учителю такие слова в первый же год его работы, но ты их достоин. Педагог ты от Бога!

– Согласны! – поддержали директора трудовик и военрук.

Мушкетеры встали и, как шпаги, подняли вверх стаканы, содвинув их со звоном над столом. Выпили, сели, традиционно закусили домашними солениями и варёной картошечкой, приправленной маслицем.

Пока Алексей закусывал и мысленно готовился ответить на откровение старших коллег, Степан Нестерович уже успел обратиться к трудовику Тищенко:

– Ну, поведай нам, уважаемый Портос, о чём молчат в советской прессе, но обсуждают за бугром?

Олег Иванович смачно втянул в себя мякоть солёного помидора, положил на тарелку отжатую красную кожицу только что употреблённого плода и, вздохнув, выдал только одно слово:

– Беда!

Все перестали жевать и уставились на товарища. Тищенко аккуратно вытер губы туалетной бумагой, нарезанной как салфетки, бросил смятый комочек рядом с тарелкой:

– На космодроме «Плесецк» погибло около полусотни человек, обслуживающих пуск ракеты «Восток 2М». Большинство сгорело заживо.

Оружейка наполнилась вязкой тишиной. Казалось, и дышать стало сложнее. На скулах у мужчин выступили желваки.

– И когда это произошло? – первым нарушил молчание военрук.

– Восемнадцатого марта. Пожар гасили три дня.

Тишина из мутной превратилась в звенящую. Каждый обдумывал главный вопрос: почему молчат там, наверху? Уже прошло больше недели, а ни одним словом не обмолвились ни главные газеты, ни телевидение.

– А что это за космодром такой «Плесецк»? – не удержался от вопроса Алексей.

Главные завсегдатаи клуба переглянулись: надо просвещать молодого незнайку.

– С «Байконура» взлетают ракеты, многократно проверенные на испытательном полигоне в Архангельской области, – пояснил Олег Иванович. – Тамошний космодром «Плесецк» знают и на Западе, и на Востоке. Только для нашего народа это почему-то тайна. Как и трагедия с погибшими. Вот поэтому мы и узнаём о происшедшем от «вражеских голосов», а наша пресса почему-то молчит.

– У этих пятидесяти погибших на своём посту наверняка были родные: родители, жены, дети, – мрачно нахмурившись, выразил вслух свои мысли Гроздов, – и не высказать государству им соболезнование как-то недостойно, если не сказать неприлично.

– Ах, дорогой мой Степан Нестерович, – вздохнул капитан Ржавин, – сейчас в Афганистане каждый день кто-то гибнет, исполняя непонятный интернациональный долг, а нам об этом тоже ни слова не сообщают.

– А ещё западные радиостанции наперебой рассказывают, что это не первая подобная катастрофа в Советском Союзе, – неожиданно развил тему трудовик. – Красочно рассказывают, что двадцать лет назад на космодроме «Байконур», тоже на стартовой площадке, взорвалась межконтинентальная баллистическая ракета, и тогда погибло больше ста человек. Среди погибших был и маршал Неделин[42], главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения.

– Вот оно как?! – удивился директор. – А я ведь помню, что когда хоронили его у Кремлёвской стены, сообщили, будто он погиб в авиакатастрофе. Почему я это помню? Да потому что именно он после войны командовал всей артиллерией в Советской Армии, а я ж артиллерист.

Трудовик потянулся к початому «коленвалу». Все молча наблюдали, как водка, булькая, выплескивалась из горлышка и с отчаянием ударялась о дно стаканов.

– А я догадывался о той трагедии в шестидесятом году, – капитан взял в руки стакан. – Мой старший брат прапорщиком служил тогда на Байконуре. Теперь он в Подмосковье живёт и работает. Пару лет назад я был у него

---

[42] Митрофан Иванович Неделин (1902–1960) – главный маршал артиллерии, первый главнокомандующий ракетными войсками СССР. Погиб во время испытания межконтинентальной баллистической ракеты Р-16 на Байконуре.

в гостях. Ходили с ним на рыбалку, жара стояла жуткая, решили освежиться в речке, я первый, он за мной, и когда выходили на берег, я и увидел, что у него вся спина, как лоскутное одеяло: в шрамах, рубцах и заплатах. До того времени он ни разу не обмолвился о случившемся. И тогда он очень коротко объяснил, мол, это последствие взрыва на полигоне. А я-то смекнул, что нигде, кроме как на Байконуре, он не служил.

Все мушкетёры были уже вооружены гранёными гаубицами, стреляющими недалеко – на расстояние согнутой руки, и должен был лишь последовать сигнал, чтобы зажечь фитиль для залпа. Сигнал подал директор:

– Когда люди гибнут на войне, этому хотя бы какое-то есть оправдание. А если вдруг умирают люди в мирное время от жутких взрывов, огня, неизбежности?.. Какое объяснение поможет близким пережить потерю?

Все молча ждали призыва.

– Такого объяснения нет! Ни политика, ни идеология, ни время, ни условия – ничто не в силах заменить нам близких. И пока мы живы, будем помнить всех, это наша судьба...

– Другой не будет! – негромко, как будто каждый для себя, поддержали мушкетёры Атоса.

БЕРЁЗОВЫЙ СОК

Весна! Она бывает разной. Ранней, когда первые дневные лужи из-под растопленного снега вымерзают за ночь, оставляя к утру тонкую хрустящую ледяную корку. Дружной, когда обильно бегут по дорогам и обочинам весёлые ручейки, а на полях, радуя глаз, улыбаются подснежники.

Поздней, когда уж май на дворе, а грязные сугробы всё никак не растопит холодное солнце, и лишь первые дожди всепобеждающе смывают последние напоминания о зиме.

Весна восьмидесятого была и ранней, и дружной, и поздней.

В апреле почти весь снег, вроде бы, быстро сошёл, но лужи никак не впитывались в промёрзшую землю. Грязь была повсюду. Только в сапогах можно было пробраться по разбитым машинами дорогам. Перед входом в школу стояли сварные корыта: слева от крыльца для младших классов, справа – для средних и старших. Сторож с утра наполнял эти корыта водой и развешивал палки с намотанной на один конец мешковиной. Глину с подошвы отдирали на скребках, голенище упорно тёрли самодельными квачами. Дежурные при входе строго следили, чтобы никто не проник в раздевалку с грязной обувью.

Пионерская комната напоминала магазин ритуальных услуг, а старшая пионервожатая Настя сидела за столом, заваленным искусственными цветами, их всё приносили и приносили из разных классов. Готовились к праздничной первомайской демонстрации. По заданию районо школьная делегация должна была утопать в белых цветах, как вишнёвый сад.

Пожарский привёл в пионерскую мальчишек, которые несли охапки бумажных цветов.

– Алексей Егорович! – вскочила из-за стола Настя, вся зардевшаяся на фоне белого цветочного изобилия.

– Я не один! Заходите, ребята, – Пожарский уступил проход пионерам.

Настя принимала бушующее богатство, раскладывая его по стульям и полкам. Пунцовые щёки пионервожатой пылали огнём ярче пионерского галстука, алеющего на её груди.

– Спасибо, Алексей Егорович! Спасибо! Спасибо! – Настя принимала у мальчиков цветы и неустанно, как заклинание, повторяла благодарность учителю.

– Да я тут, собственно, не при чём. Это меня попросила классный руководитель седьмого «Б» сопроводить её учеников.

– Да, да! Правильно! Спасибо вам! – продолжала твердить зардевшаяся Настя.

Пожав плечами, Пожарский удалился.

Погода, несмотря на то, что снег уже практически сошёл, была всё ещё прохладной. Однако движение сока в деревьях уже началось. И Алексей с Ольгой договорились в последний апрельский выходной сходить в лес. Дома Оля оправдалась перед мамой, мол, с подругами за берёзовым соком прогуляется. Выбирались из посёлка, как подпольщики на тайную маёвку, каждый своим маршрутом, и в лес заходили, перейдя трассу в разных местах, но не теряя друг друга из виду. Когда, углубившись, как им казалось, подальше от глаз людских, они начали сходиться, то разыграли на всякий случай мизансцену неожиданной встречи.

– Здравствуйте, Алексей Егорович!

– Ой! Это Оля Кузнецова. Неожиданная встреча! Что привело тебя в весенний лес?

– Вот, решила полакомиться берёзовым соком, – и девушка предъявила эмалированный бидончик.

– Пустой? – удивился учитель. – Давай я помогу тебе его правильно пристроить к дереву, чтобы ни капли ценного напитка не пропало.

– Буду вам очень признательна.

И пока Пожарский надрезал кору и привязывал бидон к стволу, Оля, как заправский конспиратор, огляделась вокруг и облегчённо выдохнула:

– Никого!

Они бросились друг другу в объятия. Долгожданный поцелуй был сладким и горячим. Лёшка с неохотой отстранился от девичьих губ, влюблённо посмотрел в Олины глаза, улыбнулся и, не сдержавшись, чмокнул её в носик.

– Холодный! Ты не замёрзла?

– Нисколечко! Мама заставила и шерстяные носки надеть, и тёплую кофточку, а ещё термос с горячим чаем приготовила и бутерброды. Хочешь?

– Хочу!

Алексей скинул с плеч плащ-палатку и расстелил под берёзкой.

Чай был душистый, с ягодным ароматом. Немудрёные бутерброды на свежем воздухе были необычайно вкусны, но быстро закончились. Хотя не обедать же собрались в лесу молодые люди. Термос обиженно откатился в сторону, освобождая место, предназначенное только для двоих. Алексей придавил Олю грудью.

– Тебе не тяжело?

– Ты не представляешь, как приятно!

Поцелуй был долгим, благо, теперь Ольга не задерживала дыхание.

Когда губы онемели, Алексей, откинувшись навзничь и глядя сквозь оголённые ветки на белоснежные облака, мечтательно заговорил:

– Думаю сходить к Степану Нестеровичу, объяснить ему сложившуюся ситуацию и заранее написать заявление об увольнении после отпуска. Он человек доброй души, должен нас понять. Конечно, мне положен срок отработки в школе, но я уверен, Атос меня отпустит.

– Какой Атос? – удивилась Кузнецова.

– Атос? – и Алексей тоже изобразил удивление. – Какой Атос? Я сказал Гроздов, директор наш.

– А потом что? – Оля внимательно слушала любимого, облокотившись на правую руку.

– Ты поступишь в институт. В областном центре мы снимем квартиру. Я вот только не знаю, когда мне лучше прийти к вам свататься, может, прямо сейчас?

– Нет! Только не сейчас! – вспыхнула Ольга. – Мама не поймёт. Будет только хуже.

– Почему?

– Только не сейчас. Я боюсь!

– Да не бойся ты. Я всё ей объясню. Пусть это будет у нас только помолвка.

– Нет, нет и нет! Ну, хотя бы после выпускного.

– Хорошо! После выпускного.

Алексей прижал к себе неожиданно напуганную девушку.

– А когда у нас появятся дети, – Пожарский продолжал мечтать, – а их будет обязательно четверо, как у Пушкина с Натальей Николаевной, то старшая будет Машенькой. Мария Алексеевна. Так, кстати, звали бабушку Александра Сергеевича.

– А если первым будет мальчик? – высказала сомнение Оля и тут же предложила: – Давай назовём его Пётр, как Гринёва из «Капитанской дочки».

– Точно! – согласился Алексей. – Пётр Алексеевич. О! Как Петр Первый.

Лёшка ещё нежнее обнял свою Олечку:

– Как же я люблю тебя!

И он вытянул губы для поцелуя.

– Бог в помощь! – раздался вдруг знакомый голос, от которого оба влюблённых вздрогнули и, отпрянув друг от друга, удивлённые, в момент оказались в положении сидя.

– Ползуниху собираете? Так рановато ещё, ёк-макарёк! Эх, молодёжь! Не терпится?

В двух шагах от расстеленной плащ-палатки стоял дед Мирка.

Молодые люди растерянно глядели на старика с посохом. Откуда он взялся? Как умудрился бесшумно подойти к ним?

Вопросы эти были не озвучены, но дед Мирка их словно услышал.

– Я вижу, у вас тоже берёзовица в бидончик стекает. Долго ждать придётся. Дерево выбрали неудачно, в тени, а я на солнечной опушке хорошо берёзки подоил. Вон фляга полнёхонька.

Алексей с Ольгой посмотрели в ту сторону, куда махнул рукой дед, и увидели невдалеке двадцатипятилитровый алюминиевый бидон, установленный на двухколёсной тачке.

– Иду уж домой, а тут вы на весь лес: «Бу-бу-бу! Мария Алексеевна! Бу-бу-бу Пётр Алексеевич! Чего разгалделись? Ёк-макарёк! Ползуниха, она тишину любит. Да искать её надоть в кустиках или в высокой траве. А травка-то ещё не поднялась! Да Бог с вами! Ты, Лёха, мою флягу прихвати. Я притомился тянуть её по корням да колдобинам. Маше от меня привет. Она знает, что с соком делать.

И бесшумными шагами дед Мирка налегке, опираясь на свой посох с навершием, двинулся в направлении посёлка.

КАЛЕЙДОСКОП МАЙСКИХ СОБЫТИЙ

Первомай не порадовал хорошей погодой. Было пасмурно и прохладно. Ладно, хоть дождя не случилось. Ожидание демонстрации заняло куда больше времени, чем те пару-тройку минут, когда под бравурную музыку школьная колона прошла перед трибуной у райкома партии, изображая радость и громко прокричав «ура» в ответ на призыв «Да здравствует День международной

солидарности трудящихся!». А затем стройные ряды смешались, и учащиеся стали разбредаться кто куда. Сколько не увещевала пионервожатая зайти в школу и оставить там веточки с бумажными цветами, желающих и послушных оказалось немного. Зато обочины улиц украсились щедро разбросанными ярко-белыми остатками весеннего праздника.

А впереди были ещё три выходных. Однако у Пожарского второго и третьего мая намечались генеральные репетиции. Театральные афиши зазывно приглашали на премьеру спектакля «А зори здесь тихие!». Яков Моисеевич самолично руководил подготовительными работами. Фойе Дворца культуры было завешано маскировочной сеткой так, чтобы зритель мог пройти в зал, пригибаясь. А вместо традиционных трёх звонков должна была завывать сирена воздушной тревоги. Всё было готово, и поэтому четвёртое мая, а это было воскресенье, для артистов Горин объявил днём отдыха. Как говорится, надо набраться сил перед марш-броском.

Алексей Егорович уже по привычке в выходной день отправился в школу. Из спортзала раздавались звонкие голоса и призывные трели судейского свистка. Как раз к завершению проверки тетрадей распахнулась дверь учебного кабинета, и в класс ворвалась одетая в спортивный костюм Оленька, привычно повернув ключ в замочной скважине.

– Кое-как дождалась завершения соревнований! – выпалила она на ходу со вздохом и уселась Алексею на колени.

– Опять спортивный праздник?

– Да! «Весёлые старты». Соревнования для пионерских отрядов под эгидой комитета комсомола. Вот, вручила всем грамоты и к тебе. Соскучилась! – она обняла Алёшу и прильнула к нему губами.

Марина Юрьевна проводила всех после соревнований, закрыла спортзал и, спустившись вниз, на первый этаж, повесила ключ, как полагается, в железный шкаф. Обратила внимание, что под номером 28 крючок был пуст. Выходя на школьное крыльцо, спросила сторожа, дремавшего на стуле:

– А что, Пожарский ключ от кабинета с собой унёс?

– Да нет, – встрепенувшись, ответил старичок. – Он тетрадки проверяет у себя в классе.

Марина полной грудью вздохнула, принимая в себя пьянящий весенний воздух, постояла молча и, решительно развернувшись, пошла назад в здание.

Сторож понятливо ухмыльнулся в прокуренные усы и опять в блаженстве закрыл глаза, откинувшись на спинку стула.

От настойчивого стука в дверь Ольга вздрогнула всем телом и лишь потому, что рот был занят поцелуем, не вскрикнула.

– Алексей Егорович, открывайте. Это я, Марина Юрьевна, – раздалось из коридора. – Я знаю, вы здесь. Сторож сказал.

Постучалась повторно, прислушалась, выдержала паузу и куда-то ушла.

Алексей, прижав указательный палец к своим губам, взглядом указал Ольге перейти на задние парты класса.

Не успели они присесть «на камчатке», как стук в дверь повторился.

– Алексей Егорович, я знаю, ты здесь. Туалет я проверила, там пусто. Открывай.

Оля хихикнула. Лёшка опять прижал палец к губам.

– Удобный случай. Ты должен это сделать. Родить я должна только от тебя.

Алексей попытался прикрыть ладонями Ольгины уши. Та не давалась.

– От моего алкаша, упаси Бог, ещё уродец какой-нибудь на свет появится, – продолжала за дверью Марина Юрьевна. – Ну давай, открывай.

Она ещё настойчивее забарабанила.

Алексей не выдержал, не желая слушать продолжения, подскочил к двери и повернул ключ:

– Послушай, озабоченная! Хватит нести всякую чушь!

– Называй это как пожелаешь, – Марина настойчиво шагнула навстречу. – Я тебя хочу. И ты это сделаешь прямо сейчас.

Она уже провела молнией по олимпийке сверху вниз. И тут как гром среди ясного неба прозвучал девичий голос:

– Я вам не помешаю? Или мне уйти?

Ошарашенная Марина Юрьевна дёрнула бегунок молнии опять вверх:

– Кузнецова? Что ты тут делаешь?

– А вы?

Марина Юрьевна, собираясь с мыслями, лихорадочно поправляла на себе спортивный костюм:

– Так, так, я всё поняла. Вот оно что? В тихом омуте, значит!.. Ну, это тебе боком выйдет, комсомольская вожачка. Всё ясно! Вон рожа раскраснелась-то как!

Учительницу физкультуры охватывала ярость, глаза горели, щёки пылали. «Да уж! Тайну, которую знают трое, знает и свинья!». И вдруг, вот что значит спортивная закалка, она расслабилась, взяла себя в руки. Уходя, оглянулась и спокойным голосом произнесла:

– А вы, уважаемый Алексей Егорович, сядете в тюрьму за растление несовершеннолетней!

Понедельник, пятое мая, день премьеры. В обед началось несусветное. После уроков первой смены секретарша пригласила Пожарского к директору.

– Прям не знаю, с чего начать, – вид у Гроздова был расстроенный. – Не поверишь, такое впервые в моей директорской судьбе. В общем, как говорится, поступил сигнал. Плохой сигнал. Самое неприятное, что он поступил не только к нам. Небезызвестная тебе особа, Мария Юрьевна, разнесла по всем инстанциям письма: в райком, в районо, в отдел культуры, в школьный партком, в месткком и ко мне, конечно.

У Алексея сердце застучало, как у воробья, быстро-быстро-быстро.

– Ты мне ответь, Алексей Егорович, это правда? – директор потряс листком.

– О чём речь? Не пойму!

Директор привстал, повертел головой, как будто что-то искал на столе глазами.

– У тебя было что-нибудь с этой девочкой? Ты знаешь, о ком я!

– Степан Нестерович, я похож на идиота?

Директор присел, его челюсти сжались до хруста, он сурово посмотрел на учителя:

– Не крути, Алексей! Говори прямо!

– Я не знаю, что изложено на этом листке, – огрызнулся молодой учитель.

– Там много чего написано, – у директора сдавали нервы, он опять встал, голос уже был готов сорваться на крик. – Отвечай, у тебя были с ученицей интимные отношения?

– Нет!

Гроздов сел, расстегнул верхнюю пуговицу рубахи и с облегчением вздохнул.

– Теперь давай спокойно, всё по порядку. Что вчера произошло?

После обеда Гроздова вызвали в районо. Понятное дело, разговор был не из приятных. Точку зрения директора заведующая выслушала, но не поддержала.

– Степан Нестерович, не пытайтесь выгораживать своего учителя. Если всё окажется, как изложено в письме, ни мне несдобровать, ни вам. Это же уголовное дело.

– Да в отчаянии и в злобе оговорила эта Марина Юрьевна и Пожарского, и девочку.

– А это опять вам упрёк. Как вы просмотрели в коллективе кляузницу и лгунью? И ведь надо же, сразу в райком понесла свой пасквиль. Я уже свой нагоняй получила. Вы не член партии, но стул под вами тоже зашатался, имейте в виду. Педсовет уже назначили?

– Обязательно!

– Держите меня в курсе.
– Конечно!

Не членов партии среди директоров школ в районе было немного. Удивительно, что Гроздов, столь заслуженный человек, фронтовик, а в КПСС не состоял. Непосвящённым это было не понятно.

Как-то в середине пятидесятых после настойчивых уговоров старших товарищей Степан Нестерович написал заявление в первичную ячейку. Через некоторое время дире́ктора школы пригласили в областной комитет госбезопасности, где показали документ, от прочтения которого он бы поседел, если бы уже не был седым. Тогда-то Гроздов и узнал, что его младший брат Антон не пропал без вести, а после пленения оказался на территории Германии, а оттуда в апреле 1945 года перебрался в Канаду. Ошеломлённый известием, Степан не глядя подписал какое-то обязательство о неразглашении и как в тумане выслушал устную просьбу: в случае каких-либо известий о брате с той стороны сразу сообщить в компетентные органы.

Много бессонных ночей провёл он тогда. Заявление в партию отозвал, чтобы не подводить тех, кто давал ему рекомендации. Тайну хранил. А в блоке коммунистов и беспартийных навсегда остался в многочисленных рядах второй половины.

Такого никогда не было! Ольга не могла припомнить, чтобы среди бела дня мать неожиданно приходила домой.

Да ещё в таком виде: плащ нараспашку, косынка сбилась на затылок, в общем, как растрёпанный воробей.

– Так, девонька моя, допрыгалась, доскакалась! – прямо с порога агрессивно начала Надежда Викторовна. – Мать опозорила! Сама залетела! И давно это у вас?

– Ты о чём, мама?

Мать замахнулась, чтобы отхлестать дочь по щекам. Ольга зажмурила глаза и втянула голову в плечи, ожидая удара. Надежда никогда не била свою дочь. Даже шутя по попке не хлопала, чтобы женихов не отвадить! И вот тебе на!

– Ты с ним спала?

– Ты же знаешь, я всегда сплю дома.

– Ты мне дурочку не включай! У вас было с ним... это?

– Мы просто любим друг друга!

– Ага! Теперь это называется «просто»?

– Алёша...

– Кто?

– Алексей Егорович хотел прийти к нам свататься...

– Только этого мне не хватало!

– Я отговорила его.

– Спасибо, хоть на это хватило у тебя ума.

– Мама, всё хорошо!

– Хорошо будет, когда твой Алёша в тюрьме окажется!

– За что?

– У тебя задержка была?

– Какая задержка?

– О Боже ж ты мой! Когда последние месячные были?

– Неделю назад.

– Слава тебе, Господи! Иди в ванную, приведи себя в порядок, надень чистое.

– Зачем?

– В больницу пойдём. К гинекологу.

– Мама, не позорь меня.

– Ты сама себя опозорила. И меня заодно!

Вечером, когда Алексей появился в Доме культуры, Горин закрылся с ним в директорском кабине и, переходя на шёпот, поведал о событиях этого дня.

Его вызвали в отдел культуры и долго пытали, куда деваются средства от сбора после детских спектаклей.

– Куда они могут деваться, если никаких сборов не было! – возмущённо пробубнил Горин. – Все спектакли бесплатные! Это вот только на «Зори» мы стали продавать билеты в кассе. Они все оприходованы и учтены в бухгалтерском учёте. А на школьные представления просто для порядка раздавали старые контрамарки с указанием мест.

Яков Моисеевич казался не просто расстроенным, он был сильно напуган, поэтому спросил напрямую:

– А что за история у вас с Олей Кузнецовой?

– Да мы сами разберёмся!

– Ну, это понятно! А мне был приказ спектакли отменить, тебя уволить?

– Как отменить?

– Да премьеру-то я отстоял. Надавил на патриотизм, мол, День Победы, билеты все распроданы! А как народу объяснить? В общем, согласились. Но по завершении торжеств все спектакли отменить, Пожарского уволить. Извини, Князь, я тут не при чём!

Насчёт отсутствия средств, собранных за детские представления, Яков Моисеевич, конечно, лукавил. Была у совхозных директоров дружеская устная сделка с Гори-

ным. Из внебюджетных средств хозяйственники оплачивали за каждое место в зале и за аренду автобусов. Наличными. Всё это делалось через профсоюзы. Это был, так сказать, неофициальный взнос в незарегистрированный фонд помощи культуре. Такую серую схему никто бы раскрывать не стал. Зачем подводить друг друга?

Сколько за полгода прошло денег через директора Дома культуры, одному Богу известно!

Спектакль «А зори здесь тихие» удался. Зрители покидали зал со слезами на глазах. Начальники из культуры и райкома партии сдержанно поблагодарили Якова Моисеевича и немедля удалились. Пожарский на публику не вышел. Всё время он провёл за кулисами. Девчата, исполнительницы главных ролей, были счастливы. Обнимали и с благодарностью целовали Алексея Егоровича. Режиссёр был спокоен, молча и сдержанно отвечал на поздравления, холодно пожимая руки.

Это был чужой праздник, сотворённый его собственными руками. Дело было сделано. Теперь это стало собственностью Горина. А мысли Алексея улетали к Оле. Как она? Уже, наверное, и её испачкала грязь пасквиля. Бедная девочка, ни за что ни про что наказанная человеческой злобой, завистью и глупостью. Виноват, конечно, он сам. Не надо было открывать тогда дверь в кабинет. Марина покуражилась бы и успокоилась, ушла бы с миром.

Вот ведь напасть судьбы. Уж слишком хорошо всё было до этого! Прав дед Мирка: «Когда долго хорошо, знай, что скоро будет плохо!».

– Ну, дорогая, ты меня удивила! Я никак не ожидала от тебя такого!

Настя Петрова была уже в курсе событий.

Ольга, и без того растерзанная материнским допросом, не хотела обсуждать даже с любимой подругой сложившуюся ситуацию: «Ах, боже мой, кто ещё не знает о произошедшем в школе недоразумении?».

– Давай, колись! У вас было «это»? – наезжала подруга на измученную одноклассницу.

– Настя, хоть ты не доставай меня глупостями!

– Понимаю! Первый раз – это не очень приятно! Но потом...

– Стоп! Заткнись! Не желаю обсуждать это!

– Ладно-ладно! Потом расскажешь!

На следующий день в школе после уроков собрался весь коллектив. Педсовет... Или профсоюзное собрание?.. В общем, что-то среднее. Степан Нестерович вместе с председателем профкома и секретарём парторганизации сидел в президиуме, то есть на возвышении за учительским столом в кабинете химии.

Все уже были в курсе произошедшего и активно обсуждали.

– Дожились!

– Правильнее сказать: дождались!

– А всё к этому и шло!

– Девочку, конечно, жалко!

– А что теперь будет с красавчиком!

– Его посóдют!

Все оглянулись на капитана, произнёсшего знакомую из фильма «Берегись автомобиля» реплику.

– За что?

И Ржавин, приподняв брови, закончил цитату:

– А ты не воруй!

– А что он украл-то?

– Честь... девичью!

Рядом сидящие педагогические матроны через паузу взорвались неприличным смехом.

Гроздов, чтобы успокоить собравшихся, постучал торцом карандаша по крышке стола.

– Давайте успокоимся! Вижу, все знакомы с повесткой дня, с текстом письма, написанного на имя директора, секретаря парткома и председателя профсоюзной организации... и ещё во многие другие инстанции. Давайте не будем устраивать базар. Высказываемся по очереди.

– Это просто позор! – первой начала Полянская. – Пятно на весь педагогический коллектив. На каждого из нас.

– Наталья Ивановна, – не сдержался трудовик, – говорите, пожалуйста, от своего имени.

– А вы будете выгораживать своего собутыльника, да?! – парировала учительница и продолжила. – Я предполагала, что у этого зазнавшегося молодого человека всё так и закончится. Я подавала сигналы, но ко мне не прислушивались. Когда я, воспитывая в детях патриотизм, готовила с ними постановку лауреата Ленинской премии товарища Брежнева, Пожарский почему-то ставил «Капитанскую дочку» и безыдейную пьеску «Аттестат зрелости». А ведь там он и учил своих, так сказать, несовершеннолетних артистов, целоваться. Более того, он набрался наглости и сам написал дикую детективную историю с приключением героев Пушкина в амбаре и выдал это всё за текст великого поэта!

– А мне понравилось! – высказал кто-то из учительниц своё мнение.

– Наталья Ивановна, давайте по теме, – предложил директор.

– А я по теме, Степан Нестерович. Моя бы воля, я запретила бы этому режиссёру заниматься педагогической практикой и уволила бы его за недостойное поведение и как опозорившего звание учителя.

– Вот это загнула!

– Понесло старушку!

– Правильнее сказать: пронесло!

– Молодец!

– Ага! И себя похвалить не забыла!

Директор был вынужден опять постучать карандашом.

– Товарищи! Давайте не будем говорить с места! Спасибо, Наталья Ивановна. Кто ещё хочет высказаться?

Гроздов увидел поднятую руку с последнего ряда, это был трудовик.

– Пожалуйста, Олег Иванович, вам слово.

– Спасибо! Мы знаем о произошедшем только с точки зрения Марины Юрьевны. Если честно, мне так и не понятно, что же она увидела там такое, что заставило её заняться литературным творчеством и включать свою фантазию. А как вы-то сами оказались там, уважаемая?

– Действительно!

– Молодец трудовик!

– Пытается выгородить своего дружка!

Постучав карандашом, директор предоставил слово автору письма.

– А по-вашему, я должна была промолчать? – Марина Юрьевна не ожидала, что её не поддержат. – Надо было пройти мимо этого непотребства?

– Скажите, а что вы видели? – настаивал Тищенко.

– Да у этой девицы… лицо было краснее варёного рака, как после этого… самого…

– То есть «этого самого» вы не видели, а домыслили. В этот день, как мне помнится, проходили соревнования в спортзале, и Оля Кузнецова принимала в них активное участие. Так? Ну вот поэтому и лицо красное.

– Да? Допустим! А что же она тогда делала в кабинете литературы, если пришла на соревнования? – парировала учительница физкультуры.

– Хороший вопрос, – поддержал трудовик. – А вы?

– А я?.. – растерялась физручка. – Шла мимо. Услышала голоса. Постучалась. Никто не отвечает. Постучалась ещё. А вдруг там человеку плохо?

Учителя загалдели.

– Ага, или хорошо!

– Позавидовала!

– Да она сама Пожарскому прохода не давала!

– Точно!

– Что мы, Маринку не знаем!

– Я не поняла, так было там что или не было?

Директор, чтобы прекратить гвалт, не только постучал по столу, но и встал. Волнение в классе успокоилось. Руку подняла учительница биологии и после кивка Гроздова начала:

– У меня сестра работает в поликлинике, ну, все знают, в кабинете гинекологии. Вчера к ней мать Кузнецовой привела дочку на осмотр.

Все замерли. Биологичка, как хороший актёр, потянула паузу. Взоры были устремлены на неё. Тишина повисла, как говорится, гробовая.

– Ну, не тяни! – не выдержала завуч Снитко. – И что?

– Да всё хорошо! Оля здорова! Физически не пострадала. Невинна и чиста!

По классу пронёсся всеобщий вздох. Одни вздохнули облегчённо, другие разочарованно: исчезла интрига.

– Как говорится, инцидент «исперчен»! – военрук встал, как будто собираясь к выходу.

– Анатолий Петрович, присядьте! – предложил ему директор. – Итог, конечно, можно и подвести. Но мы будем не правы, если не предоставим слово Алексею Егоровичу Пожарскому. Пожалуйста, Алексей Егорович.

Алексей всё это время сидел на первой парте спиной к коллективу, вжав голову в плечи и глядя лишь на столешницу. Последняя информация о том, что Ольга подверглась унизительному обследованию, сильно его огорчила. Он встал, повернулся к коллегам лицом, как всегда, пылая румянцем.

– Я думал, что это мне одному так плохо, – после его слов в классе опять стало тихо. – Это унизительно и несправедливо оправдываться в том, чего не совершал. И сегодня больнее всех не мне. Сами знаете кому!

Надо было сделать паузу, чтобы проглотить ком в горле. Алексей пытался встретиться глазами со всеми собравшимися, почувствовать, стоит ли ему продолжать, поймут ли его.

– Сегодня кто шутками, кто справедливым гневом, пытался унизить и оскорбить не меня – школьницу, нашу с вами ученицу. Мы, взрослые люди, гадливо обсуждаем пошлую ситуацию, в которой оказалась десятиклассница. И вас нисколько не заботит её судьба? Ваш главный интерес лишь в том – было или не было «это»? Было – унизим! Не было – разочаруемся! Это и есть педагогический метод по-явленски?

Ошарашенные неожиданным вопросом одни смотрели на Алексея округлившимися глазами, другие опустили головы ниц.

– Да. Я знаю правду. Но я промолчу. Есть такая поговорка «Горы молчат о своей высоте, но от этого не становятся ниже». И Марина Юрьевна тоже знает правду. И эта правда у неё своя, другая, не похожая на ту, что изложено в письме. Но вы о ней тоже промолчите? Так, Марина Юрьевна?

Учительница физкультуры резко встала и стремглав выскочила из кабинета.

– Если позволите, – обратился к президиуму собрания Алексей Егорович, – я отвечу на обвинения в мой адрес Наталье Ивановне, – и после одобрительного кивка продолжил, – уважаемая коллега, если для вас не тайна, то весь прошлый год прошёл под эгидой ставосьмидесятилетия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Или он перестал быть для вас гордостью и явлением в нашей культуре, в нашей литературе, в нашей истории? И в чём же заключается непатриотизм мой и детей, что мы в завершение юбилейного года напомнили об этом всем? А насчёт написания мной ключевого эпизода в спектакле... Спасибо, что так высоко оценили мой литературный талант. А в действительности, если откроете седьмой том полного собрания сочинений Пушкина, изданного в 1977 году, на странице 361 увидите, что мы ни слова не изменили в пропущенной главе, написанной им самим, но не опубликованной при его жизни.

По классу прокатилась волна шепотков:

– Вот уел, так уел!

– А пусть она не выпендривается в следующий раз.

– Так ей и надо!

– Зря она постоянно выпячивает свой патриотизм!

– Этого она красавчику не простит!

Наталья Ивановна, не обладая спортивной энергией Марины Юрьевны, не спеша поднялась и вышла из кабинета медленно, гордо неся свою обиду.

– Ну, я думаю, теперь повестка дня исчерпана. Все претензии сняты, – Степан Нестерович на всякий случай выждал, не будет ли кто против. – Собрание закончено. Все свободны.

Но испытание на прочность тем самым для Пожарского не закончилось.

Позже всех на события в школе отреагировал райком комсомола. Там долго сомневались, имеет ли отношение к идейно-политическому воспитанию молодёжи ситуация с личностными отношениями ученика и учителя вне уроков. Понятное дело, комсомолец должен быть примером во всём. С одной стороны, Ольга Кузнецова как комсомольский вожак должна была предвидеть все последствия во взаимоотношениях с учителем. С другой стороны, более опытный комсомолец-педагог Пожарский обязан был не допустить того, что случилось, вступая в иные отношения, нежели учебные, со своей ученицей. А с третьей, девушке скоро восемнадцать лет, учитель тоже взрослый человек, и это их личное дело. Но в райкоме партии настаивают, чтобы комсомольская организация не оставалась в стороне и отреагировала на сложившуюся ситуацию. В общем, Алексея Егоровича вызвали в райком комсомола.

Сначала он около часа просидел в приёмной первого секретаря. В кабинет районного «вождя» непрерывно заходили и выходили сотрудники аппарата. У всех на лице было выражение озабоченности и строгости. «Как в плохой комедии, – подумал про себя Алексей. – Все изображают важность собственной значимости при осознании полной её бесполезности».

Ему вспомнился эпизод, когда после премьеры «Аттестата зрелости» в районном Доме культуры Яков Моисеевич Горин как настоящий стратег и дипломат собрал застолье, пригласив на него работников райкома комсомола. По сюжету пьесы именно комитет комсомола решал судьбу главного героя. О сколько красивых речей и хвалебных слов выслушал тогда Пожарский в свой адрес. Закончилось всё примитивной пьянкой. Многих важных комсомольцев выводили тогда из клуба под руки, иных выносили, держа под мышками и за ноги.

Теперь должно было состояться идеологическое судилище над режиссёром, которого совсем недавно хвалили, и над педагогом, прославлявшим комсомол не меньше, чем штатные работники райкома.

По громкой связи у секретарши на всю приёмную прозвучало: «Пригласите Пожарского!».

В кабинете вокруг стола заседаний сидело человек десять.

Само рассмотрение вопроса и осуждений в свой адрес Алексей не запомнил. Когда ему предоставили слово, он встал и опытным взглядом театрального руководителя осмотрел собравшихся. «Кого бы он пригласил к себе на очередную постановку, а кого бы нет?». Перед ним сидели не малоопытные школьники, а уверенные в себе самовлюблённые личности. Ничего толкового с ними он поставить на сцене не смог бы. Факт! И зачем он тогда здесь? Ах, да! От него ждут каких-то слов в самооправдание? Хорошо! Они у него есть!

– У меня к вам только одна просьба, если я имею на это право! Не устраивайте подобного разбирательства с Олей Кузнецовой. Не ломайте ей судьбу. Не сегодня-завтра её и так переизберут с секретарской должности как выпускницу школы. А то, что вам известно о событиях в школе, просто выбросите из головы. Это всё ложь! Я люблю Ольгу Кузнецову. Оля любит меня. Этого изменить нельзя.

Я желаю вам встретить в жизни свою половинку и любить её всю жизнь. Больше мне сказать нечего. Спасибо, что выслушали, не перебивая. Если за нашу любовь должен быть кто-то наказан, пусть это буду я, только я один. Я всё приму как неизбежность.

Алексей, не прощаясь, повернулся и вышел из кабинета.

В ворота Марии Дайкаловой кто-то упорно колотил руками и ногами. Петли бренчали, доски дребезжали, грохот стоял на всю округу.

– Открывай, бога душу мать! Или снесу эту загородку нахрен!

Баб Маша суетливо засеменила к калитке:

– Кого там нелёгкая несёт?

Только отодвинула задвижку, как во двор ворвался пьяный мужик.

– Где твой жилец? Всё, хана ему! Больше он не жилец на этом свете!

Отпихнул бедную старушку в сторону и ринулся к дому. На крыльце сидел дед Мирка, посохом перегораживая проход.

– Уйди, старикан! Зашибу ненароком! А ты мне не нужен! Безвинно сгинешь!

От разъярённого детины несло перегаром, глаза были навыкат, жилы на шее набухли от орания.

Дед Мирка встал и, перехватив левой рукой свой посох ближе к набалдашнику, а правой около середины, нанёс, как копьём, сильный удар пьяному мужику под челюсть, в самый раз в раздутую сонную артерию.

Здоровяк сразу сник, ноги у него подкосились и безвольное тело рухнуло, лишь раздался глухой стук. Это был удар крутого лба об нижнюю ступеньку крыльца.

– Ты что наделал, ирод? Ты ж зашиб его насмерть! Это ж Илюшка Морозов. Ты что, не узнал его? Да за что ж мне напáсть такая?!

Причитая, баб Маша вскидывала руками и прихлопывала ими себя то по груди, то по бокам, то по голове.

– Да что с ним будет, ёк-макарёк! – успокоил её дед Мирка. – Илюха вон какой здоровила! Щас очухается! Ты лучше водички сырой принеси, да кваску ядрёного берёзового.

Баб Маша послушно отправилась выполнять поручение. Очень быстро вернулась с кружкой кваса и стаканом воды.

– Это ему что ли всё? – спросила деда.

– Квас мне, – взяв кружку и выпив залпом, дед Мирка смачно отрыгнул пузырьки, – для успокоения. А водица Илюхе.

И он с размаху выплеснул содержимое стакана в лицо Морозову. Лежащее тело вздрогнуло и зашевелилось. Илья медленно, с трудом управляя мышцами, стал подниматься.

– Ты бы не спешил вставать! – предупредил его дед. – Посиди малёха. Приди в себя!

– Это что было? – недоумевал поверженный. – Я что, упал? Ой! Башка трещит!

Он приложил руку ко лбу и медленно стал ощупывать вздувшуюся шишку.

– Ничего себе!

– Может, кваску? – спросил его Мирка и кивнул баб Маше.

Та стремглав бросилась в дом.

– Мне бы чего покрепче! – попросил Илья.

– Нельзя тебе, суматошный! Покрепче ты уже принял! Вот, лучше кваску испей!

Уже вернувшаяся баб Маша передала Морозову кружку. Тот пил медленно, смакуя каждый глоток.

– Спасибо! – Илья хотел вернуть посудинку хозяйке, но вдруг приложил прохладный сосуд донышком к шишаку.

– Вот! Молодец! Значит в себя приходишь, ёк-макарёк! Вежливость – это лучшее лекарство, – дед наставлял непрошеного гостя, а сам оглаживал одной рукой посох.

Илья с подозрением и завороженно смотрел на эту незамысловатую процедуру.

– Ты чего к нам забрёл-то, помнишь?

– Помню! С квартирантом хотел поговорить.

– Поговорить или прибить?!

– Ну, это... как всегда.

– А когда ж он дорогу тебе перешёл? Или просто с лица не понравился?

– Да я его в глаза не видел!

– Так о чём тогда меж вами мог разговор пойти?

– Маринка моя говорит, мол, приставал он к ней, зараза!

– Да на кой она ему сдалась? У него своя зазноба есть. Помоложе да и покраше будет твоей Маринки, ёк-макарёк!

– Так что, она врёт мне, что ли?

– Эх, Илюшенька! Мужик ей нужен, Маринке твоей. Нормальный, тверёзый! Чтобы детишек рожать. Вон как эта, напомни, Мария, ну эта... Грудиниха!

– Ну да! Галинка Грудинина! – поддержала хозяйка. – Только родила, и на тебе, опять брюхатая ходит. И твоя Марина тоже детёнка хочет.

– А я что, против?

– Ой, дурак ты, Илюшенька! Все мозги, видно, пропил, – дед, усмехнувшись, указал на лоб Ильи. – Смотри, уже один рог вылез!

Илья обидчиво ощупал шишку. А дед продолжал давить на сознание почти протрезвевшего мужика:

– Баба, она ж понимает: от пьяницы пьяница и родится! Али хуже того, урод какой-нибудь! Как думаешь, Маша?

– Да понятное дело! – откликнулась та и стала Морозову вытирать полотенцем мокрое лицо.

– А квартиранта ты не ищи, – Мирка привстал и, опершись на посох, посмотрел вдаль. – Он на праздники в город уехал.

Когда Илью проводили за ворота, Мария Ивановна с восхищением взглянула на деда Мирку:

– Ну, никак не ожидала от тебя такой прыти.

– Старый конь борозды не испортит! Ёк-макарёк! Только воздух!

И довольные друг другом соседи, обнявшись, затряслись в приступах смеха.

– Пойдём, налью тебе кваску берёзового.

– А может, я за чекушкой сгоняю?

– А сгоняй, ёк-макарёк! – согласилась баб Маша.

Вечером девятого мая Александр Данилович Снитко, как и положено, пришёл домой навеселе. Сперва чествовали ветеранов войны, потом продолжили гулянку в узком кругу работников военкомата.

Капитан переоделся в домашнее и расположился в кресле перед телевизором, там показывали повтор парада на Красной площади.

Анна Петровна присела рядом на диван.

– Как у вас прошёл праздник? – робко поинтересовалась она у супруга.

– Хорошо! Все довольны, особенно старики-на! Мы им по фронтовой налили, подарочки вручили-на. Ну

а потом ещё сами посидели, за Победу приняли. Ну как положено-на!

– Молодцы!

– А как у тебя самой дела?

– Плохо!

Александр Данилович удивлённо посмотрел на жену. Она действительно выглядела расстроенной. Редкое явление в их семье.

– А ну колись-на! Что за проблемы?

– Ты не представляешь, что у нас творится в школе. Коллектив раскололся пополам. И всё из-за конфликта между Морозовой и Пожарским.

– Это который артист-на? Слушай, мы водили ветеранов в клуб на концерт. Это да! Старики плакали-на. Я тоже пару раз носом швыркнул! Ну, этот ваш учитель – молодец! Так он же, вроде, спокойный? И чего не поделил с физручкой-на?

– Ты же знаешь Марину. Она баба озабоченная. Положила глаз на молодого учителя, а тот влюбился в школьницу, в Олю Кузнецову.

– Во дают-на! Прям Шекспир!

– Вот-вот! Страсти кипят! Тут экзамены выпускные на носу, а мы обсуждаем, кто с кем спит!

– Так! Ну и чо-на?

– Забери ты от нас Пожарского... В армию! Всё и уляжется!

– Ну ты, мать, даёшь-на! Я что, персональный призыв устрою для твоего артиста? Команды все уже сформированы и отправлены по воинским частям. Не-на! Я не могу-на!

– Сашенька, я тебя умоляю! Помоги! Я же никогда тебя ни о чём подобном не просила. Ну войди в наше положение! Ты же можешь! Я знаю! Саша!

– Тут без бутылки не разберёшься-на! – капитан попытался перевести разговор в шутку, но не получилось.

– Так я же всё приготовила. Праздничный ужин. И водочка в морозилке. Пойдём!

– Это другое дело-на! – восхитился военком и от удовольствия по обыкновению захихикал: – К-к-к-к!

И Струнины отправились на кухню, чтобы продолжить семейный педсовет, совместив его с военсоветом и праздничным застольем.

Пожарского, вернувшегося после выходных в Явленку, ждала повестка в военкомат. Она лежала на столе школьного секретаря с резолюцией: «Произвести расчёт призываемого в недельный срок».

Когда Алексей входил в приёмную, застал драматичную картину. Пионервожатая Настя рыдала на плече Ульяны Станиславовны:

– Мама, что делать?

– Ну всё-всё! Успокойся! Иди, займись своими делами.

Девушка стремглав, не глядя на Пожарского, проскочила мимо него к входной двери.

– Присаживайтесь, Алексей Егорович. Вот вам повестка из военкомата. А вот листок для школы. Пишите заявление с просьбой об увольнении в связи с призывом в ряды Советской Армии.

Прощальное заседание мужского клуба состоялось в последний вечер. На следующий день, рано утром шестнадцатого мая, Пожарский должен был отбыть в областной военкомат. Обритый череп Дартаньяна сверкал в оружейке, как надраенное перед смотром орудие.

Беседа текла мирно. Старшие товарищи давали напутствия и делились воспоминаниями.

– Знаешь, Алексей, сколько моя Галинка вытерпела лишений? О! Мыкалась со мной по съёмным квартирам и гарнизонным общежитиям. Но ни разу ни словом не упрекнула за тяжкие испытания судьбы. Всё снесла. Двоих пацанов воспитала. Я же постоянно то на учениях, то на полигоне. А здесь, в Явленке, она просто расцвела. Муж, то есть я, каждый день дома. А свой дом, он же для нас и дача. Так что дождётся тебя и твоя Оля Кузнецова, и будет тебе счастье. Служи спокойно!

– А вот ты видел мою рыжую красотульку? – подхватил эстафету трудовик, обращаясь к Алексею. – Ирка у меня – это нечто! Красивая, сильная! Ну, я имею в виду – духом сильна. А знаешь, как её полное имя звучит? Иродиада!

– Да ты что? – Ржавин удивился больше Алексея. – А я ведь тоже не знал.

– Вот так! Когда я её увидел, влюбился с первого взгляда. А как иначе: голубые глаза, огненный костёр кудрей на голове. Околдовала, да и всё тут! Любовь у нас была страстная. Я сразу голову потерял. Пришёл свататься, а её родители ни в какую не соглашаются. Вот тут моя Иринка и проявила свой характер: «Раз так, и не нужно мне ваше благословение!». Собрала чемоданчик, я тоже кинул в рюкзак пару носков да трусы запасные, и рванули мы с ней на целину. Я бросил аспирантуру, она институт. Потом уже расписались. А в загсе-то я и узнал, что мою Ирину Михайловну зовут Иродиадой Мордэхаевной. Ну и что? Живём душа в душу уже почти четверть века.

– Вот за жён ваших и надо выпить, – предложил Степан Нестерович. – Надо сказать, что и с мужьями им тоже повезло! Молодцы мужики! За вас, за ваших жён, за ваши семьи!

Стаканы привычным маршрутом сперва соединились над столом вместе, а затем с удовольствием отдали своё содержимое каждому из мушкетёров персонально.

Алексей осознавал, что монологи были приготовлены специально для него. Приятно было ощущать внимание к себе. Спасибо товарищам, ни разу никто не вспомнил о злополучном педсовете. И так было всё всем понятно.

Закусив солёным огурцом, Атос вдруг, как будто решился на что-то очень важное, махнул рукой:

– Так и быть, друзья мои, поведаю вам сокровенную свою тайну. Помните, осенью вручали мне награду?

– А то! – подтвердил Арамис. – Орден Трудовой Славы.

– Так вот, светился я тогда, как новый медный пятак, не из-за награды. Счастлив я был совсем от другого. После торжественного собрания в фойе театра подходили ко мне многие коллеги поздравить, а одна дама всё смотрела на меня и стояла в сторонке. Кто такая? Вот чувствую, что-то знакомое в ней есть, а узнать не могу. Аж заволновался ненароком. И в какой-то момент, когда я остался один, она подошла. «Поздравляю, Стёпушка! Или к вам теперь только по имени-отчеству нужно обращаться?». Как сказала она «Стёпушка», как зазвучал её нежный голосок, так и закружилась моя головушка. Это же Светочка дорогая, Светланка ненаглядная, Светлячок мой негасимый.

Мушкетёры, как заворожённые, смотрели на Атоса. Никогда из его уст не слышали они столь ласковых слов. А рассказчик, словно где-то далеко был в этот момент, блаженно улыбаясь, смотрел поверх голов своих товарищей и будто видел перед собой лишь свою любимую Свету.

– Почти сорок лет прошло, а она всё так же хлопает своими пушистыми ресницами, улыбается пленительными губками и звенит заливистым смехом.

Степан Нестерович вдруг вернулся из воспоминаний в сегодняшнюю компанию, оглядел всех и продолжил:

– Нет, ничего такого, конечно, не было. Всё это всплыло в моей памяти. Представляете, друзья, тридцать семь лет я думал о ней. Не надеялся, не мечтал даже о встрече. Вспоминал нашу пылкую любовь и проклинал то трудное время, что встало поперёк нашей любви и заставило расстаться.

Гроздов замолк. Никто не решался нарушить трепетную тишину. Потрясённые откровением старшего друга, мушкетёры выжидали. Атос продолжал блаженно молчать.

– Ну, так и что дальше-то? Она кто? Где она сейчас? – первым не выдержал Арамис.

Директор взял себя в руки, несколько посуровел и продолжил:

– Да! Это была та самая Света. Мы с ней учились в одном институте. Нам ещё и восемнадцати не было. Вместе мы ходили по библиотекам, вместе готовились к семинарам. Ночью, мы тогда учились в третью смену, я провожал её до дома, и прежде чем расстаться, в самозабвении целовались. Шёл второй год войны. Было голодно. Но нам как отличникам выдавали специальные талоны «УДП» и закрепили нас за заводской столовой. УДП – это усиленное дополнительное питание. Ничего особенного. Единственная радость, что можно было взять на них горячие блюда. Меню каждый день одинаковое – «шукрут» и ягодный чай. Знаете, что такое «шукрут»? Это квашеная капуста, по-особому тушёная с мясом, сосисками, картофелем, если готовить по-фирменному рецепту. Ну, в войну, кроме капусты, там ничего не было. По началу и запах у неё был не очень приятный, и вкус странный, но постепенно мы перестали всё это замечать. Ели медленно, наслаждаясь каждой ложкой. Не помню, откуда взялось, но мы расшифровывали название блюда так: ШУКРУТ – широкое употребление капусты работниками умственного труда. Утолив голод, мы гуляли, взявшись за руки, и мечтали, как после войны возьмём

и приготовим настоящий шукрут, и будем баловать им своих детей. Вот из всех трудностей военной поры мне почему-то до сих снится по ночам именно это. А в канун моего дня рождения, когда мне исполнилось восемнадцать, состоялся последний выпускной экзамен. Светлана казалась какой-то потерянной и утомлённой, с красными глазами, как будто она всю ночь проплакала. Когда мы остались наедине, она вдруг отчаянно и категорично заявила, что мы с ней должны расстаться, что родители засватали её за главного инженера завода, а у него была бронь, освобождавшая от призыва на фронт. А я, так сказать, ненадёжный муж. Мол, уйду на войну и оставлю её вдовой. Всё это она, конечно, говорила специально, чтобы сделать мне больно. Это были слова, скорее всего, её матери. Но в них была жестокая житейская правда! И мы расстались, а я в день своего рождения пошёл на призывной пункт. Я всё понимал, но от этого на сердце не становилось менее больно. Однажды, это было уже после войны, я увидел её, гуляющую с двумя детьми. Вот честно, порадовался за неё. И хорошо, что всё так сложилось. Действительно, зачем я ей с костылями, без кола и без двора. Странная штука жизнь! Сходился я, бывало, с разными женщинами, но быстро расставался. Не мог я обманывать их, потому что думал всё время о ней, о Светочке. И вот когда увидел её этой осенью на празднике, всё вернулось. Она другая, совершенно другая: грузная, морщинистая, седая. Но я её по-прежнему люблю. Вот такая беда! Она теперь помогает выросшим детям, присматривает за внуками, давно овдовела. Мы с ней уже несколько раз встречались в городе. Думаем, как жить дальше.

Степан Нестерович закончил, потянулся за «коленвалом», плеснул только себе и выпил, никого не дожидаясь.

Придавленные услышанной историей, мужики с восхищением смотрели на седовласого старика и впервые

вдруг увидели перед собой моложавого, энергичного, даже бравого, с военной выправкой, Степана Гроздова, у которого жизнь только начиналась... по-новому.

В шесть утра шестнадцатого мая у ворот райвоенкомата собралось человек десять родственников, провожающих новобранцев в армию. Когда военный уазик-буханка с пятью остриженными призывниками наконец-то двинулся, кто-то на баяне заиграл марш «Прощание славянки». Алексей в надежде увидеть любимое лицо прильнул к окну машины. Нет, среди собравшихся таких не было. И вдруг он заметил стройную фигурку пионервожатой Насти. «Кого она провожает? – подумал Пожарский и оглядел юные лица спутников. Все равнодушно и безучастно смотрели в пол. Машина качнулась на повороте, и с колен Алексея соскользнул вещмешок, больно стукнув по пальцам ноги. Рюкзачок был наполнен консервными банками. Это Степан Нестерович постарался, снабдил Пожарского тушёнкой, гречневой кашей с мясом, завтраком туриста с говядиной, килькой в томатном соусе и другими деликатесами. «Не смущайся, Алексей Егорович, лишним в дороге не будет, – напутствовал вчера вечером директор, вручая заплечную сумку. – Не переживай, у меня этого добра теперь в достатке. Представляешь, инвалидам-фронтовикам разрешили дефицитные товары покупать вне очереди».

Выехали за посёлок. Вот промелькнул тот лесок, где собирали они берёзовый сок с Оленькой. И всё! «Когда теперь увижу эти края?». Нудное гудение мотора, глухой шум колёс и дружное молчание попутчиков. Алексей, не отрываясь, всматривался в родной пейзаж, а в мозгу груст-

ный марш «Прощание славянки» выбивал из дорожного ритма слова:

Снова даль предо мной неоглядная,
Ширь степная и неба лазурь.
Не грусти ж ты, моя ненаглядная,
И бровей своих тёмных не хмурь![45]

А Ольги и не могло быть в этот день в Явленке. Ещё шестого мая, после злополучного посещения поликлиники, мать взяла отпуск без содержания, договорилась с завучем Анной Петровной и, забрав с собой дочь, укатила куда-то на Урал. Там жили её родственники. Пару недель, считала она, хватит, чтобы успокоить взыгравшее ретивое дочери. Да и в школе пусть улягутся страсти.

Когда Кузнецовы вернулись домой, мать очень обрадовалась исчезновению из Явленки Пожарского, но старалась не выказывать своего удовольствия, а вот Ольга проплакала несколько ночей от отчаяния.

Хотя у неё с матерью уже было оговорено, что до поступления в институт никаких встреч с Алексеем у Оли не будет, если, конечно, дочь не захочет остаться сиротой, доведя мать до инфаркта из-за переживаний.

[45] Стихи Александра Галича, написанные к маршу «Прощание славянки».

СЛУЖБА В АРМИИ

В областном центре, в военкомате Петропавловска сформировали отдельную команду, в которую включили Алексея. Приятной неожиданностью была встреча с Володькой Льняновым, его тоже призвали в армию, и они оказались в одной команде и в одном вагоне поезда, который шёл по транссибирской магистрали. Капитан ли Снитко постарался, или обстоятельства так сложились, что местом службы в армии Пожарскому был определён аж Дальний Восток. Пять дней добирались до Хабаровска. Вот когда сгодились мясные и рыбные консервы. Не раз вспоминал Дартаньян добрым словом опытного и заботливого Атоса, снабдившего младшего товарища сухпайком.

Оказалось, что попали Пожарский и Льнянов в «учебку», учебный мотострелковый полк, который располагался на краю села Князе-Волконского. Сопровождавший будущих курсантов сержант пояснил, мол, деревня названа в честь декабриста, в чём Алексей и Володька усомнились, но возражать не стали. Потом уже, после окончания «учебки», Пожарский всё разузнал: оказывается, село названо не в честь самого декабриста Волконского, а в честь его сына, который исследовал и осваивал амурские земли. Будучи сенатором и членом Государственного совета Российской империи, он отправил за свой счёт в 1903 году из собственного имения Тамбовской губернии две сотни крестьян, которые и основали недалеко от Хабаровска село, и назвали его в честь своего благодетеля. Это всё раскопал Алексей потом, а тогда его и Володьку развеселило другое известие сержанта, что севернее гарнизона раскинулось большое озеро Петропавловское. Надо же такому быть? Приехали из казахстанского Петропавловска и будут служить рядом с озером Петропавловским!

Воинская часть дислоцировалась в тридцати километрах на восток от Хабаровска. И на таком же расстоянии от города, только на юго-запад, была граница с Китаем. Подобное соседство к веселью не располагало. Ещё свежи были в памяти трагические события на амурском острове Даманском, который находился не так уж и далеко от краевого центра. В 1969 году в военном конфликте с китайцами погибло более полусотни наших пограничников.

Посещение полковой столовой оставило неизгладимое впечатление. Огромное высокое помещение украшали профессионально расписанные до потолка стены. Это были пейзажи, которыми можно бы долго любоваться, но времени на это никогда не хватало. Разместили новобранцев за столами по десять человек. В центре стояла миска с нарезанными ломтями хлеба, в начале стола – две алюминиевые кастрюли с первым и вторым. Разобрали ложки. Алексей обратил внимание на выцарапанные буквы: «Ищи мясо, сука!». Показал ложку Вовке, а тот предъявил свою с точно такой же надписью. Постная похлёбка с утонувшими остатками перловки не вдохновляла, чтобы её съесть, а капустное рагу издавало малоприятный запах. Алексею вспомнился рассказ Степана Нестеровича про шукрут. Спустя сорок лет в этом шукруте по-прежнему не было ни колбас, ни сосисок, ни мяса. Гравировка на ложках выглядела как издевательство. В общем, есть ничего не стали. Выпили жидкий безвкусный кисель. Раздалась команда: «Встать! На выход бегом – марш!». Прихватив с собой по куску хлеба, выскочили из столовой. Пока строились, вспомнили консервированные деликатесы, которыми наслаждались в предыдущие дни в вагоне. Дня два воротили нос от столовской еды, потом, изголодавшись, ели всё подряд.

Две недели карантина. За это время нужно было пройти так называемый «курс молодого бойца». Сержанты вовсю

старались выбить из новобранцев гражданские привычки и приучить к новой армейской жизни. Муштровали со всем усердием. Володьке Льнянову нравились и утренние зарядки с обнажённым торсом, и вечерние пятикилометровые пробежки, и вообще всё, связанное с занятиями по физической подготовке. Алексею было трудновато. Бегать, подтягиваться на перекладине в сапогах, а ещё делать подъёмы с переворотом – всё это удовольствие не из приятных. Появились мозоли и на руках, и на ногах. Когда садились за изучение устава, наступала успокоительная тишина, вгоняющая в сон. Да и как было не уснуть, если ночью сержанты часто практиковали неожиданные тренировки «отбой-подъём». Раздеться и спрятаться под одеялом за сорок пять секунд. У тебя получилось, а у соседа нет. Всем взводом по-новой. И повторяться будет «отбой» до тех пор, пока все не уложатся в норматив. И это бы ничего, а вот полуночное мытьё полов каблучком от сапога и циклёвка пола стёклышком, а затем натирание паркета мастикой до блеска изнуряли до обессиливания. И потому в столовой теперь вмиг сметали всё невкусное, пресное, недоваренное и потом думали весь день только о еде.

Писать домой в период карантина старослужащие не рекомендовали. Ответного письма можно было и не дождаться, мол, после присяги, бывает, в другую часть переводят.

Да и не до писем было, если честно. В каждый случайно выпавший момент свободы хотелось закрыть глаза и украсть у времени хотя бы несколько минут здорового сна. Солдат спит – срок службы идёт.

Премудрости воинской жизни начались с обмундирования. Кому не подошёл размер гимнастерки, а он никому не подошёл, обменивались, затем ушивали на руках, не распарывая швов. Каждый день нужно было подшивать новый свежий подворотничок, каждый день стирать,

сушить, гладить то портянки, то нательное бельё, то гимнастёрку, то брюки. На утюг – очередь, время на глажку многим выпадало ночью. А ещё строевая подготовка, разборка-сборка автомата, рытьё окопа в положении лёжа, преодоление полосы препятствий, марш-бросок на полигон – а это десятки километров. Полк вроде мотострелковый, но по-простому это всё-таки пехота. А это значит, топать, топать и топать. Поэтому первым делом набили на сапожные каблуки подковки. «У пехоты обычай такой: портянки высушил – и в бой!». А в поле сушили их так: снял сапоги, ту часть портянок, что была на голени, наматываешь на ступню – и всё, в путь! Счастливое время – поход в клуб на просмотр фильма. Ни одной кинокартины Алексей не запомнил, потому что мгновенно засыпал, когда гасили свет.

Накануне принятия присяги – огневая подготовка. Реальная стрельба из автомата. Правда, всего тремя патронами.

Алексей по жизни не страдал пессимизмом, и в эти трудные дни испытания он жил только ожиданием, что всё равно карантин скоро закончится. Да тут ещё и задорный весельчак Володька рядом, всегда у него найдётся прибаутка к месту или анекдот в тему. Приходил к ним как-то в роту начфиз[44] полка с проверкой. Младший лейтенант только после техникума, а должность занимал высокую, это потому что был чемпионом Хабаровского края по вольной борьбе. Говорил он невнятно, скороговоркой, всё время сплёвывая слюну, и лишь одно слово-паразит «мля» выговаривал чётко. Вовка тут же анекдот выложил.

«На лавочке мужик сидит и сокрушается:

– Ой, чёрт! Ой, дьявол! Вот же блин!

Присаживается рядом прохожий:

– Что случилось, товарищ? Что за беда?

---

[44] Начальник физической подготовки.

– Ну как же! Вот! – и показывает испачканные свежей краской руки. – Лавочка крашеная!

– Ой, мля!

Карантин закончился. После торжественного принятия присяги – праздничный обед. На удивление в столовой впервые и борщ был вкусный, и котлеты настоящие с картофельным пюре, и компот сладкий с сухофруктами.

Армейская жизнь вошла в положенный для учебной части ритм. Наряды, караулы, теоретические занятия в классах и практические на полигоне. А главное, появилось свободное время. Володька каждый день строчил письма домой – там ведь жена и сын, а он скучал по ним. Алексей тоже написал маме. Удивительно! Это было первое в его жизни письмо. Учась в институте, работая после него в Явленке, ему и в голову не приходило писать домой: в любой выходной и так можно было, как говорится, смотаться на родину. А теперь он находился за тысячи километров – и это совсем другое. Описывал маме, конечно, прелести дальневосточной природы и радости армейской жизни, о трудностях – ни слова. Зачем?

К своему стыду Алексей не знал точного адреса Оли. Решился написать в школу с указанием на конверте «Для Ольги Кузнецовой», надеялся, что ей передадут. Ответ пришёл не скоро, к концу июня, это было его же письмо, оно вернулось с пометкой: «Адресат выбыл». Что это могло означать? Об этом он узнал, но лишь поздней осенью.

В первом взводе, в котором служили Алексей и Володя, готовили будущих командиров БМП – боевой машины пехоты. В других взводах готовили механиков-водителей и наводчиков-операторов. Учёба шла своим чередом. Теперь хватало времени и на развлечение. Пожарский и Льнянов вспомнили все свои студенческие капустники и развлекали роту по выходным дням в казарме и в клубе. Замполит сразу оценил их таланты и постоянно привлекал

к различным мероприятиям: отметили День почты с главным почтальоном Печкиным; к открытию Олимпийских игр в Москве провели и спортивный праздник, и большой концерт; не забыли и про День строителя, и про День шахтёра. А на день ВДВ Вовка Льнянов раздобыл тельняшки, вместе с Алексеем они придумали сценки-репризы, где героями были десантники, добавили к выступлениям фокусы: втыкали штык-нож в голову, а потом оказывалось, что в кочан капусты – в общем, представление получилось улётное!

А ещё они вдвоём выпускали стенную газету, писали боевые листки, раскрашивали расписание занятий, чтобы оно было не таким скучным на вид.

Однажды вечером дневальный громко на всю казарму объявил: «Курсанту Пожарскому явиться в штаб к командиру батальона». Неожиданно! Что бы такое могло случиться? Если с замполитом и начальником штаба ему приходилось общаться в роли писаря, то командир батальона капитан Козлов был величиной недоступной.

– Разрешите войти! – робея, спросил Алексей, приоткрыв дверь в прокуренный кабинет командира.

– А, курсант? Заходи-заходи!

Андрей доложился по форме:

– Здравия желаю, товарищ капитан! Курсант Пожарский по вашему приказанию прибыл!

Капитан стоял у окна и курил якобы в форточку. Весь дым сквозняком затягивало назад в помещение. Козлов загасил сигарету в пепельнице, помахал руками, разгоняя дымовую завесу, и указал жестом руки на табурет у стола:

– Садись! Разговор есть!

«Господи, – мелькнуло в голове молодого бойца, – случилось, небось, что-то!».

– Тебя как звать?

– Курсант Пожарский! – не успев толком присесть, вскочил Алексей.

– Ты сиди-сиди! – успокоил его капитан и, надавив на погон, усадил на табурет. – Это я знаю! А на гражданский манер как?

– Алексей.

– Хорошо, Алексей! А по батюшке?

– Егорович, – пожав плечами, недоумевал Пожарский.

– Ага! Мне замполит сказал, ты в школе детишек русскому языку обучал?

– Ну, да!

– Очень хорошо! Мне это как раз и надо!

«А-а, наверное, сына своего хочет поднатаскать».

– Ты понимаешь, Алексей... Егорович, вот ты учитель, у тебя высшее образование, да?

– Так точно, товарищ капитан!

– Вот! Видишь! Ты рядовой, а у тебя высшее. Я командую батальоном, а у меня его нет. После военного училища только среднеспециальное образование дают. И всё! Майорская должность для меня потолок. А чтобы дальше служить, нужно военную академию закончить.

Алексей слушал, не понимая, чем же он может помочь командиру.

– В академию-то я поступил, на заочное отделение. Жена настояла. Она у меня ух, огонь! Мечтает генеральшей стать! А учиться-то надо мне. Ты не подумай! Я и математику, и физику, и военную специальность – всё сам. А вот сочинение! Это, брат, не моё!

Ситуация для Алексея стала проясняться.

– Вот! – капитан достал из стола папочку. – Тут и методичка, и темы, и образцы. А я как подумаю, что надо пять листов исписать, у меня шерсть на спине дыбом встаёт. Мне бы задачки по тактике или по материальной части боевой

техники. А вот в литературных выкрутасах... Я не силён. В общем, боец Пожарский, выручай своего командира.

– Я понял, товарищ капитан. Папочку с заданием можно взять? – Алексей привстал.

– Конечно, но ты не спеши, ещё не всё. Садись!

Капитан достал из тумбочки уже откупоренную бутылку с этикеткой «Портвейн 777». Выставил два гранёных стакана, наполнил их до венчика светло-жёлтым напитком. Подумав, откуда-то снизу вытянул тарелку с бутербродами, подвинул её к Алексею. Перед собой выставил пепельницу.

– Куришь?

– Нет, товарищ капитан!

– Молодец!

Командир батальона подвинул стакан поближе к Пожарскому, закурил и призвал:

– За успех! Я в тебя верю, боец!

И в три глотка опустошил свой стакан.

Всю неделю Алексей просидел в «ленинской комнате», обложился книгами из библиотеки. Никто его не беспокоил, в наряды не назначал, на полигон не гонял. Ему бы и пару дней хватило, но комбат распорядился, чтобы Пожарского не беспокоили целую неделю. Ну и спасибо ему! Папочку с готовым сочинением Алексей передал в канцелярию и вернулся в строй, постепенно забывая о счастливых днях безделья. Прошло ещё недели две или чуть больше, и капитан Козлов опять вызвал к себе курсанта Пожарского. На этот раз на столе уже загодя стояли бутылка, стаканы и закуска.

– Молодец, Алексей Егорович! На «пятёрку» написал сочинение. Зря я тебя не предупредил. Мне бы и «четвёрки» хватило. Ну, деваться некуда. Теперь я отличник. Садись, будем это дело обмывать.

Когда уже перед отбоем Алексей пришёл на вечернюю поверку, Володька позавидовал ему:

– Что, опять пили с комбатом? Зачастил ты, Князь, в штаб наведываться. Смотри, не царское это дело! Старшина тобой уже интересовался.

Но всё обошлось без последствий. Жизнь мотострелков текла по запланированной программе.

Командир первой роты старший лейтенант Яговкин был одержим идеей сделать своё подразделение отличным. Все понимали: хочет выслужиться и уйти на повышение. Противостоять его желанию было невозможно. Старшее начальство не возражало: хочется – давай, действуй! Сержанты молча выполняли поручения старлея: быть отправленными из учебки в войска из-за непослушания им не хотелось. Поэтому срывали свою досаду на курсантах. Гоняли их как сидоровых коз. И ладно бы военная подготовка по специальности, это понятное дело – на то и в армию призвали. Но когда Яговкин добрался до казармы, тут хоть вой! С виду нормальный мужик, ну несколько косноязычен, ну, помешан на порядке и чистоте, но при этом ещё и до одури принципиальный и требовательный. Вроде, и без того в спальнях у курсантов убрано как следует, так нет же! И подушка, и постель должны быть похожими на идеальные прямоугольники.

Три года после училища Яговкин служил взводным в образцовой части в группе советских войск на Кубе и теперь мечтал сам командовать отличной ротой. Однажды он весь личный состав со старшиной выгнал на плац, а в казарме собрал молодых лейтенантов и сержантов и показал им, как с помощью табуретки и натянутой нитки нужно идеально приводить в порядок кровать, а потом заявил:

– Каждая складка на солдатском одеяле – лазейка для агентов империализма. В армии всё должно быть параллельно и перпендикулярно! Вас что, товарищи офицеры, в училищах этому не научили?

– Нас учили строем ходить, устав знать, метко стрелять и Родину защищать, – попытался огрызнуться молоденький лейтенант Гордейко.

– Ага, ну а я научу вас слушать молчанием своего командира и выполнять его умные приказы. Я вам что, старший лейтенант Советской армии или паровозный гудок на вокзале?

Он подошёл к первой же прикроватной тумбочке и заглянул в неё:

– Почему у вас курсанты порядок не убирают? Не знаете, как научить? Очень просто! Первой и второй тумбочке наряд вне очереди. Вы чего глаза свои на меня смотрите! Я этого терпеть ненавижу! Вы что, в первый раз на свет родились? Работаете спустя кое-как, отсюда и результаты, как член у комара. А голова на что? Чтобы думать. А мозги зачем? Чтобы соображать. Не только на троих, но и с бойцами. В общем, товарищи командиры, из дивизии едет проверка, и мы должны их удивить и обрадовать, какая у нас отличная рота. Это будет в августе этого месяца. Надо напрячь мозги бицепсами правого полушария. Если не справитесь, зимовать будете на полигоне.

И тут подходит, отчеканив строевым шагом, сержант Головин:

– Товарищ старший лейтенант, разрешите встать в строй?

– Во! А ты где был?

– В туалете.

– В туалете? Ты бы ещё в театр сходил. Вот вам образец, как не надо! Весь нараспашку, аж всю набекрень видать. Ну, что стоишь, с ноги на сапог мнёшься, как коза на асфальте? Кстати, сапоги! Они почему у тебя не тем местом блестят? Сапоги – это твоё лицо! Их надо чистить с вечера, чтобы утром на свежую голову надевать. Понятно?

– Так точно, товарищ старший лейтенант! – согласился опоздавший сержант, не понимая, шутит командир или серьёзно говорит, и на всякий случай зачем-то улыбнулся.

Это он сделал зря. Старлея понесло:

– Чего зубы себе скалишься? Ты зачем сюда стоишь? Твоё место здесь не тут. И не надо мне делать умное лицо, не забывай, что ты сержант. Или ты где? Что это у тебя за грязь под носом? Усы? Сбрить до пояса. Где твоя пилотка?

– С собой нету!

– А голова?

– Голова есть.

– Почему голова без пилотки ходит? Живёте тут, как свиньи в берлоге.

Головин был уже и не рад, что явился. Лучше бы в туалете дождался, пока командир других распекает.

– Встать в строй! – приказал старлей сержанту и сразу же обратился ко всем. – Смирно! Учтите, я своего добьюсь, даже если путём смертельного исхода. А сейчас все как один на кросс! Кто не может бежать, пусть ползёт, но всё равно идёт рядом. И зачёт по последней ноге! Вольно! Разойдись!

Все силы отныне уходили не на освоение военной науки, а на строевую подготовку, на наведение порядка в казарме и на уборку прилегающей территории. Как говорил командир роты: «В армии всё должно быть однообразно: всё подстрижено, всё подкрашено, всё подсыпано, всё песком!». Солдат, если терпит, то ко всему привыкает и перестаёт воспринимать даже самые глупые приказы как невыполнимые.

И что удивительно, к началу проверки рота была готова стать отличной по всем показателям. Последний экзамен – физическая подготовка. Командир роты отозвал курсанта Володьку Льнянова в сторону, за угол казармы, приказал

раздеваться, сам первым скинул свои сапоги и снял брюки с лампасами.

– Значит так, боец, натягиваешь мои замечательные галифе, мои чудесные хромовые сапоги и в своей щуплой майке подходишь к турнику, докладываешь поставленным командирским звуком: «Старший лейтенант Яговкин к выполнению упражнения готов», – и подтягиваешься двенадцать раз. Больше не надо!

Володька, растерянно примеривая на себя офицерское обмундирование, засомневался:

– А если проверяющие догадаются, что я не вы, товарищ старший лейтенант?

– Как они догадаются? Я-то их не знаю никого. А ты встань задом к их лицу и подтягивайся спиной. Мы с тобой по ширине плеч одного роста, а к майке погоны не пришиты, и штаны у тебя будут с лампасами. Слезешь с перекладины, сразу тащи сюда мои сапоги. Бегать я и сам могу, а подтягиваться – нету у меня столько силов. Вперёд, курсант! За честь роты, за любимого командира.

По результатам проверки первая рота стала-таки в полку лучшей и была отмечена как «отличная». Старшего лейтенанта Яговкина через месяц забрали в штаб округа, а лейтенанта Гордейку из взводных перевели в командиры роты.

В ноябре заканчивалось обучение курсантов. Выпускные экзамены Алексей и Володя сдали успешно. Им сразу присвоили сержантов – это три жёлтые лычки поперёк красного погона. Всех отправили в войска, а Пожарского и Льнянова для продолжения службы оставили в учебном центре. Причём сержанта Льнянова назначили командиром отделения, а сержанта Пожарского направили работать помощником заведующего клубом.

В первый же день утром, когда Алексей осваивал новую должность, в клуб прибежал с вещмешком в руках, весь взъерошенный Володька:

– Князь, прости, я уезжаю.

– Куда?

– Ты же знаешь, я всю жизнь мечтал прыгнуть с парашютом. В ВДВ не взяли, а тут, оказывается, в десантной дивизии образовались вакансии в связи с ушедшими в Афган добровольцами. Короче, я втихаря уже собрался, вот с тобой прибежал попрощаться. Меня зовут туда командиром боевой машины десанта.

– Вовка, я, конечно, рад за тебя! А как же в нашем батальоне твоя должность теперь? В дезертирстве не обвинят?

– Да майор, который специально приехал в учебку за пополнением, пообещал, что все вопросы снимет. Это, говорит, будет решаться не здесь, а на уровне штаба округа.

Друзья обнялись в надежде, что скоро встретятся. Не знали они тогда, что расстаются на много-много лет.

Капитан Стариков уже давно сидел на должности заведующего клубом. Точнее сказать, лежал. Каждый день он выпивал непотребное количество «бормотухи» и полуживой дремал на кожаном диване в своём кабинете. За него работали два помощника: художник и организатор культурной работы. В восьмидесятом году художником был Николай Жуков. Его призвали в армию, не дав закончить третий курс. По рассказам Коли, учился он в Строгановке, в художественном училище, по пьяни из-за девчонки подрался с комсоргом вуза, короче, спрятаться в армии – это был лучший вариант замять дело. В учебном полку служил уже год. Плакаты, афиши, транспаранты – всё это мелочи, однодневки. Николай гордился, что маслом расписал все стены столовой. Алексей удивился: так вот кто это сделал!

Первым делом Николай предложил обмыть Алексеево назначение.

– Теперь вдвоём будет повеселее. Капитан ко мне редко заглядывает, и слава Богу. Есть ещё киномеханик, но он больше сидит в гарнизонном доме офицеров. Там и на дневных сеансах фильмы крутит. Ты не против, если буду тебя Лёхой звать?

– Не против.

– Не поверишь, Лёха, иногда неделями не с кем словом перекинуться. Хорошо ещё, работа спасает. Я теперь и в столовую-то редко хожу. У меня здесь целый склад припасов. Сегодня будем гулять!

Жуков стал вынимать из разных мест удивительные продукты, многие из которых Алексей ни разу и в глаза не видел. Это были консервные баночки с печенью макруруса, с паштетом из оленины, с говядиной в белом соусе, с щупальцами кальмара. А к ним приличный кусок сливочного масла, лимон и хлебцы солдатские.

– «После казённых харчей на твоё изобилие смотреть больно»[45]. Откуда дровишки? – удивился Пожарский.

– Со склада, вестимо. Я периодически бываю на продовольственных складах, иногда выполняю заказы по оформлению. Там такие же «срочники» служат, как и мы, нормальные ребята. Они-то меня и поддерживают теперь. А тут ещё недавно заменяли НЗ на свежие продукты, ну, старый «неприкосновенный запас» списывали и вывозили. Вот и мне перепало. Да ты располагайся поудобнее.

И Жуков эффектным жестом вытянул из-под матраса бутылку коньяка.

Служба в армии Пожарскому перестала быть в тягость: ни караулов, ни полигона, ни марш-бросков. Он занимался теперь армейской художественной самодеятельностью. Придумывал сценарии для праздничных концертов. Задружился с комсоргом полка старшим лейтенантом Гвозде-

---

[45] Фраза Шарапова из сериала «Место встречи изменить нельзя».

вым, помогал проводить комсомольские собрания. Вместе с Жуковым обновляли стенды в Ленинских комнатах: Алексей готовил тексты, а Николай оформлял заголовки.

Однажды Пожарского окликнул курсант из нового призыва:

– Товарищ сержант, разрешите обратиться?

– Обращайтесь, товарищ курсант.

– Вы меня не узнали, Алексей Егорович? Это же я, Дмитрий Орешин, явленский, – и он прохрипел: – майор Зурин из «Капитанской дочки».

Боец снял шапку. В стриженом наголо пареньке, да ещё и в мешковатой шинели, трудно было узнать балагура Димку. Без кудрей он выглядел иначе: вроде как подрос и похудел сильно, только уши по-прежнему задорно торчали в стороны.

– Вот это встреча! – обрадовался Алексей. – Привет, дорогой мой!

Они обнялись.

– А я вас сразу узнал, Алексей Егорович. Знаю, что вы в клубе работаете. Это здорово! Да и как иначе!

– Да ладно обо мне, ты о себе давай расскажи.

– Призвали в армию осенью. В институт я пытался поступать, но баллов не хватило. Устроился на автобазу. Мамка, конечно, постаралась. А кем? Поди-подай! Когда принесли повестку из военкомата, я обрадовался.

– А как остальные наши ребята? – не терпелось узнать Алексею.

– Да многие разъехались кто куда. Андрей Стройнов в наш политех поступил. Настюха Петрова в Свердловске в лесотехнический прошла. Колька Фролов в агрономы подался, он теперь в Курганском сельскохозяйственном учится. Многие в техникумы да в училища пристроились.

– А Оля Кузнецова?

– Я думал, вы больше меня знаете. Она ведь как экзамены сдала, не дожидаясь выпускного, с матерью сразу уехала. Никто не знает, куда. Говорят, на Урал. А куда конкретно, не известно. И больше они в Явленке не появлялись. Такие вот дела!

– Понятно, – погрустнел Алексей.

«Понятно» ему стало, почему на летнем письме в школу была пометка: «Адресат выбыл». Однако непонятно, от кого же тогда пришла к нему открытка с поздравлением на ноябрьские праздники. Обратного адреса не было, лишь по штемпелю можно было понять, что из Явленки. Но об этом он Орешину говорить не стал.

Из штаба первого батальона прибежал в клуб посыльный:

– Товарищ сержант, вас вызывает командир батальона.

Интересное дело! Вызывать его капитан Козлов не может, потому что Пожарский ему не подчиняется. У Алексея есть свой начальник, капитан Стариков. Правда, квартировался Лёшка по-прежнему в той же казарме, к которой был приписан, а это и есть батальон Козлова.

Ладно, чего капризничать? Не до такой же степени сержант «забурел», чтобы не явиться по вызову своего бывшего комбата. Да и отношения они поддерживали дружеские при соблюдении субординации.

– Как служба, сержант? – спросил капитан после приветствия.

– Да всё нормально!

– И хорошо!

– А как ваша учёба в академии? – поинтересовался Алексей.

– За третий сорт пойдёт! У нас же на третьем сорте знак качества ставят, – отшутился капитан. – Но речь не обо мне. Мы тут с замполитом подумали и решили рекомендовать тебя в партию. А что! Успешно учебку закончил. Отличник боевой и политической подготовки. Спортсмен. И комсо-

мольский вожак тебя хвалит как активиста. В парткоме твою кандидатуру поддерживают. По всем статьям достоин. Мы тебе уже и рекомендации написали. Так что готовься, на партсобрании будем утверждать тебя кандидатом в члены партии. Пиши заявление, сержант. И помни, мы своих не забываем.

Алексей растерянно слушал Козлова, не зная, как ему реагировать.

– Вижу, от радости язык проглотил. Это нормально! Я тут приготовился, чтобы обмыть это дело.

И капитан достал свой любимый портвейн «Три семёрки».

Через месяц после отъезда Володька Льнянов прислал письмо, две фотографии были вложены в него: на одной он в тельняшке и в берете, на другой – перед посадкой в самолёт с парашютным комплектом.

Алексей показал фотки Жукову.

– Ух ты! Это кто?

– Друг мой! Володька Льнянов. Лучший друг! Земляк. Мы с ним после учебки должны были остаться здесь, в полку. А он сбежал к десантникам, говорит, всегда мечтал прыгнуть с парашютом.

– Ну и молодец! Мечту свою воплотил в жизнь. Честно скажу, я бы сдрейфил. А что он пишет, какие ощущения?

– Да ему тоже по началу щекотно было в одном месте и холодно в другом. После третьего прыжка стал получать удовольствие от полёта.

– У меня бы не только щекóтно и холодно было, а ещё и мокро! – посмеялся над собой Николай.

– Пишет, что сильно переживает за жену с сынишкой.

– А что с ними?

– Да, слава богу, живы-здоровы. Вот только в очередях стоять приходится каждый день. Прилавки пустые, торгуют, как говорится, с колёс. Надо ещё и угадать, когда привозят

продукты. И продают-то их по норме. Масло сливочное по двести граммов в руки, если достоишься. Мальчишку его жена берёт с собой, чтобы можно было купить сразу на двоих. Но чаще всего на всю очередь не хватает. Жена Володькина говорит, уже месяц в кашу масло не кладёт.

– Ну ты, Лёха, картину нарисовал! Война что ли? Где они живут?

– В Петропавловске.

– Камчатском?

– Нет, казахстанском. Вот видишь, ты столичный денди, даже про такую провинцию и не слышал. Вы в Москве привыкли к изобилию. Думаете, что и по всей стране люди в достатке живут.

– Слушай, у меня заначка есть. Накопил уже рублей двести. Давай пошлём его жене. Мне не жалко.

– Да понимаешь, деньги у них там есть. Продуктов нет.

– Понял! Значит так, с меня коробка масла, мужики на складах мне должны, а с тебя пропуска, чтобы до отделения связи в посёлке добраться. Адрес этой жены Льняновской, надеюсь, знаешь? Тогда вперёд! Действуй-злодействуй!

Алексей удивился столь неожиданному предложению Николая, но не мешкая помчался к старшему лейтенанту Гвоздеву, комсоргу полка, за пропусками.

Через час Пожарский и Жуков встретились в клубе. Картонная коробка масла стояла на столе. Наклеили на боковину листок с адресом и отправились в Князе-Волконское.

Приключения начались уже на пропускном пункте.

– Чего несём? – спросил дежурный сержант.

– Книги, – быстро сориентировался Алексей. – Видишь адрес? «Казахская ССР». По поручению комсорга полка отправляем в братскую республику политическую литературу. Проверять будешь?

– Да ладно, и так понятно. Книги – они тяжеленные. Как-то разгружал их – чуть не сдох. Проходите.

Тащили посылку по очереди. Пока добрались до почты, взмокли. Пожилая работница почты выдала бланк для заполнения. Спросила, сколько весит бандероль. Парни пожали плечами.

– Килограммов двадцать, – предположил Алексей.

– Вы что, солдатики. Больше десяти нельзя.

– И что же нам делать? – удивился Николай.

– Разделите на две, – предложила сотрудница отделения связи.

– Логично, – согласился Алексей, вытирая шапкой пот со лба.

– И кстати, бандероль должна быть завёрнута или в специальную упаковочную бумагу, или обшита белой тканью.

Назад опять несли по очереди. На КПП сержант удивился:

– Что, не приняли?

Ребята ответили честно:

– Заставили разделить на две, полегче чтобы были посылки.

– Понятное дело, я ж говорю, книги, они тяжеленные.

Принесли в клуб коробку. Развернули её. Промёрзшее масло нож резать не пожелал. Да и длины его не хватило бы. Николай вспомнил про ножовку. Помучались, но всё же располовинили большой брикет вместе с упаковкой. С помощью полиэтиленовой плёнки и старых плакатов закрыли обнажившийся масляный срез. Разорвали простыню и стали зашивать два параллелограмма. Алексею вспомнилась мудрёная присказка старшего лейтенанта Яговкина: «В голове курсанта всегда должны быть две иголки, одна белая, другая чёрная, и чтобы не короче семидесяти сантиметров».

Теперь каждый нёс свою половину бывшей коробки масла.

На контрольно-пропускном пункте их встретил дежурный офицер. Проверил пропуска.

– О! Комсорг полка подписал. Это куда вы собрались, товарищи комсомольцы?

– Да они посылки с книгами для казахстанских товарищей несут, – выручил уже знакомый дежурный сержант.

– Ясно! – понятливо кивнул головой лейтенант. – На почту, значит? Проходите.

Всё та же пожилая работница встретила военных как знакомых. Алексей и Николай заполнили бланки.

– Ой, ребятки, одну бандероль приму, а на второй килограмм перевеса. Извините, нельзя.

Нести одиннадцать килограммов было легче, чем двадцать, но всё равно благотворители взмокли, их шинели будто под дождём побывали, спины на морозе покрылись инеем.

– Что, в одной посылке запрещённая литература оказалась? – поёрничал на КПП лейтенант.

– Перевес, – признались сержанты, – придётся самую тяжёлую книгу вынимать.

– Ясное дело! Порядок должен быть не только в армии, но и на гражданке тоже.

Бедные ходоки, измученные марш-бросками на почту, отпилили на глаз килограммовый пласт, зашили похудевшую бандероль и отправились в «последний бой». Николай прихватил с собой томик Брежнева про целину и Малую землю. И молодец! Когда Жуков на пропускном пункте протянул книгу с комментариями:

– Для вас, товарищ лейтенант. В посылку именно эта книга не вошла.

Тот без лишних слов выпустил сержантов за территорию воинской части.

Уже стемнело, когда голодные, но довольные удачным завершением продовольственной операции молодые люди

возвращались в клуб. В этот день они пропустили и обед, и ужин. Пока Алексей заваривал чай, Николай накладывал на длинные хрустящие хлебцы толстый слой масла, накрывая сверху другим хлебцем. Получалось нечто похожее на пломбир с вафлями. Было вкусно.

– Спасибо тебе, Коля, я и не представлял, как можно помочь жене Льнянова.

– Ты не поверишь, Лёха, мне почему-то стало стыдно за Москву и таких, как я, москвичей.

– Да ладно тебе!

– Нет, честно! Сколько себя помню, нужды в еде никогда не было. Ты знаешь, я ведь жил в семье знаменитого деда-художника. Может, слышал, Николай Жуков, меня в его честь тоже Колькой назвали. Ну, «Повесть о настоящем человеке»[46] читал? Дед за иллюстрации к ней Сталинскую премию получил. Он не прямой мне дед. Так сказать, двоюродный. Моя бабушка ему родной сестрой была. Но мы жили одной большой семьёй. У деда всё было: и дача государственная, и персональная машина, у нас и своя кухарка даже была. Я, если честно, долго думал, что все так и живут. А воплощением страны Советов для меня всегда была Москва. Так что ты не обижайся, что я про твой Петропавловск не знаю. Я и Дальний Восток только по фильмам да песням себе представлял.

Быстро подкрался 1981-й год. Опять пришла не понятно от кого открытка из Явленки. Новогодние ёлки проводились в гарнизонном доме офицеров. Пожарский в костюме Деда Мороза развлекал детей военных папаш: водил хороводы, выслушивал стишки, раздавал подарки.

«Повесть о настоящем человеке» – произведение писателя Бориса Николаевича Полевого (1908–1981). В 1951 году художник Николай Николаевич Жуков (1908–1973) был удостоен Сталинской премии за иллюстрацию повести.

– Дедушка Мороз, а ты ведь не настоящий? – полушёпотом спросил у Алексея упитанный мальчуган, явно ещё дошкольного возраста.

– Почему ты так решил? – удивился Лжемороз и присел на корточки перед ожидающим ответа толстюнчиком.

– Ты солдат переодетый, я заметил, что у тебя солдатские штаны под шубой.

Такого Алексей никак не ожидал. Наблюдательный малец. Надо было выкручиваться. Не разочаровывать же пацана, тем более рядом стояла и усмехалась дородная мамаша, ожидая, как мнимый Дедушка Мороз будет оправдываться перед её умненьким отпрыском.

– Тебя как зовут, малыш?

– Меня зовут Андрей Васильевич, мой папа майор, он главный по тылу и снабжению, – по-военному отчеканил пузатый карапуз.

«Вот те на!». Алексей взглянул на пышнотелую майоршу, та игриво повела бровками, мол, вот так-то!

Делать нечего, надо было переубеждать сомневающегося мальчика.

– Видишь ли, Андрей Васильевич, я долго добирался к вам на праздник в своих санях, а метели следом летали, снегопады не утихали, торопился на встречу с тобой, завалило меня с головой, потому и сидел, как в сугробе, и промокли штанины обе. Вот ты, если поваляешься в снегу, штаны у тебя промокнут?

Заворожённо слушающий парнишка утвердительно кивнул.

– И у меня промокли. А других на складах у твоего папы не оказалось, пришлось надеть солдатские, пока свои не высохнут. Ну не мог же я совсем без штанов явиться сюда. Согласен?

Карапуз опять кивнул. Краем глаза Алексей увидел, как сдерживает улыбку, поджимая губы, толстощёкая жена замотыла.

– А чтобы ты поверил, что я настоящий, могу показать тебе чудо. Хочешь?

Карапуз, широко раскрыв глаза, активно закивал головой, но на всякий случай ухватился за мамину руку.

Специальные заготовки на непредвиденный случай у Алексея были всегда при себе.

– Вот, я смотрю, у тебя на ниточке красивый воздушный шарик есть. А как ты думаешь, если его коснуться иголкой, он лопнет?

– Бабахнет! – подтвердил наследник главного снабженца полка.

– Это если его не заколдовать. Смотри!

Пожарский притянул к себе шарик, обнял левой рукой, нежно погладил его варежкой и пригрозил пальцем. Затем неожиданно выдернув из валенка длинную металлическую вязальную спицу, стал медленно вводить её внутрь шара. Ребёнок прищурился, ожидая взрыва, его мамаша тоже. Но шарик не лопнул. Проткнутый насквозь, он удивительным образом уцелел и невозмутимо вертелся, нанизанный на большую иглу, как на шампур.

Растерянный ребёнок, как, впрочем, и его мать, смотрел на это чудо, раскрыв рот.

Выдержав паузу, сделав над послушным шаром магические пассы, Алексей вытянул иглу – шар был цел.

– А теперь я его расколдую! – волшебник сделал новые пассы и передал иглу малышу. – Попробуй теперь ты ткнуть.

И только игла коснулась воздушного шарика, раздался звонкий хлопок. Майорша взвизгнула от неожиданности, малой вздрогнул и звонко засмеялся, пряча испуг.

– А вот тебе, малец, от Мороза леденец, от дедушки признательность за бдительность и наблюдательность! –

и Дед Мороз вручил пухленькому ребятёнку красного петушка на палочке.

История эта имела неожиданное продолжение.

Капитан Стариков выглядел совершенно протрезвевшим, когда, найдя сержанта Пожарского, спросил его:

– Ты что натворил?

– Я? Ничего! А что случилось?

– Тебя требует к себе сеньор Помидор, тьфу ты, майор Круглов. Ты знаешь, кто это?

– Так точно, товарищ капитан. Это заместитель командира полка по тылу и снабжению.

– Вот именно! Мне приказали немедленно доставить тебя к нему. Ты понял? Доставить! Тебе хана! И мне тоже! Хотя... Может, быстрее на волю отпустят.

Капитан многократно пытался уволиться со службы, для этого и напивался, и дебоширил иногда, но всё бесполезно, ему делали замечания, выносили выговоры, садили на гауптвахту, даже понижали в звании, но не увольняли. Он боялся, чтобы ему не присвоили звания майора, тогда служить пришлось бы на пять лет дольше.

Однако в очередной раз капитана Старикова ожидало разочарование. В штабе полка его не пригласили к начальнику тыла, только одного Пожарского.

«Наверное, опять сегодня напьётся», – с сожалением глядя на расстроенного капитана, подумал Алексей.

– Так это ты колдун? Дед Мороз хренов! – не дожидаясь доклада Пожарского, сразу наехал на него майор. – Мой сын только про тебя и про колдовство твоё каждый день талдычит.

Майор Круглов и в правду был похож на сеньора Помидора из мультика про Чиполлино. Краснощёкий, пузатый и самодовольный.

– Ты давай, садись и рассказывай, как так умудрился заколдовать воздушный шарик, что он не лопнул у тебя

в руках. Я, конечно, понимаю, что это фокус, но я дома с полсотни шариков понадувал, аж щёки болят и в ушах до сих гудит, а ни один из них не выжил! Вот такая куча вонючей резины, все до единого лопнули.

Майор вперился взглядом в Алексея, ожидая разоблачения фокуса.

– Так вы же сами говорите, товарищ майор, что это колдовство. Если я его раскрою, то и чудо исчезнет.

– Ты мне тут кончай разводить ложь, пиздёж и провокацию! – майор пытался изображать строгость, но по глазам было видно, что она напускная. – Мне дома от жены этого хватает. Вот ведь достала: «Чему вас только учили в академии, если сержант может, а майор не может шарик проткнуть!». Ты понял её намёк? Так что колись давай! Ты, кстати, и ещё чего-нибудь такое умеешь?

– Так точно, товарищ майор, по юности баловался этим делом в кругу друзей, ну и на сцене, бывало, показывал.

– Во! Артист что ли?

– Нет! Учитель. Но и престидижитацию изучал.

– Чего?

– Ну, это ловкость рук и никакого мошенничества.

– И что, вот прямо сейчас можешь мне это показать?

– Позвольте пару листков бумаги и стакан, а вот ещё у вас конфетка имеется, и её тоже.

Алексей придвинулся поближе к столу, опрокинул стакан вверх дном и поставил его на конфету, постучал стаканом по столешнице, накрыл их бумагой, пытаясь облепить, как папье-маше, повозил по столу, показал для уверенности, приподняв стакан, что конфетка на месте, опять накрыл её, постучав ещё раз стаканом, и убрал руку. На столе находилась странная конструкция. Майор внимательно следил за всеми пассами фокусника.

– Всё! Конфета исчезла со стола!

– Как это?

– А вот так!

И Алексей со всего размаху стукнул по стакану ладонью. От неожиданности, от громкого хлопка и от удивления майор ойкнул и подпрыгнул на стуле. Расплющенная бумага скрывала, видимо, отверстие, которое проделал стакан в крышке стола. Но фокусник легким движением смахнул листки прочь – стол был цел, стакан исчез.

– Блядь такая! – завопил Круглов. – Как?! Где стакан?

– А я его поймал снизу, – и Алексей вынул из-под стола руку с целым стаканом.

– Ты... ёптыть... Как это? – сеньор Помидор раскраснелся ещё сильнее.

– Я ж говорю, ловкость рук!

– Ну ты даёшь! Талант! Слушай, давай так, в субботу у нас, так сказать, штабной корпоратив, новогодний. В общем, офицеры с жёнами. Давай ты там покажешь эти, ну, фокусы свои?

– Хорошо, товарищ майор.

– Ну и лады! А шарики там будешь протыкать? Ну, чтобы я сам увидел.

– Да без проблем!

– Вот и хорошо!

Майор провёл ладонью по столу, удостовериться, что он цел, взял в руки стакан, осмотрел его со всех сторон:

– Надо же! Даже не треснул!

– Разрешите идти, товарищ майор?

– Иди!

Когда Пожарский был уже у двери, майор его окликнул:

– Э-э! Факир! А конфета где?

– Так я же говорю, товарищ майор, престидижитация, то есть, исчезла навсегда. Это чудо!

Сеньор Помидор поводил глазами, как бы в поисках пропавшей конфеты:

– Ладно, иди уже, чудо... чудак хренов!

Уже на морозном воздухе Алексей вынул трофейную конфету из кармана, с удовольствием надкусил её и зажмурился от наслаждения. Это был неведомый вкус марципана в шоколаде.

Армейская жизнь Пожарского всё больше стала походить на гражданскую. Только форма одежды у всех вокруг военная и субординация более строгая. И начал Пожарский задумываться о демобилизации. Вот наступит этот момент, а куда ему деваться? К мамке в Бугровку? Ну если только погостить. В Явленку он не вернётся. Слишком больно на душе от воспоминаний. Да и не хочет он, чтобы одни его жалели, а другие при нём взгляд опускали. Тем более, что Ольги, любимой его Олечки, там теперь нет. Где она? Как искать её? К стыду своему, он даже отчества её не знал. В областной центр? Может быть. Там хоть Володька-друг. Но оказалось, что и Володька не собирается возвращаться в Петропавловск. Эта новость просто выбила Алексея из седла.

Поначалу, как расстались с Льняновым, писали они друг другу регулярно, а летом вдруг письма от Вовки перестали приходить. И лишь осенью друг сообщил, что подавал рапорт для продолжения службы в Афганистане, отказали без объяснения причин, и тогда решил он после увольнения из армии поехать на заработки куда-нибудь подальше. «В чём дело?» – мучил его вопросами Алексей. Не сразу, но обстоятельства прояснились. «Понимаешь, Князь, ушёл я в армию семьянином, а дембельнусь холостяком. Три месяца тянулась канитель. Ездил в отпуск, чтобы через суд развестись. Сына жалко. Но он меня и не признал. Малой совсем ещё. Жена нашла себе кого-то. Или папашка её, чинуша партийный, ты помнишь его, сосватал перспективного жениха. Тесть мой бывший постоянно был недоволен мной. В общем, устала жёнушка ждать меня. Ей любовь нужна, ласка, забота и обожание

каждый день. Искать разлучника и бить ему морду я не стал. Сам понимаешь, скандалить я не умею. Прыгнуть с нераскрывшимся парашютом хотелось. Но Бог сберёг. Думаю, из-за меня отцы-командиры пострадают. Оставил я ей квартиру нашу. Теперь свободен как ветер в поле».

Значит, и Пожарский в областной центр не поедет. К кому? Ни друга, ни родных в городе нет.

Вместе со старшим лейтенантом Гвоздевым стали разыскивать какую-нибудь комсомольскую ударную стройку. Первое, что пришло на ум, – это Байкало-Амурская магистраль. «Веселей, ребята, выпало нам строить путь железный, а короче – БАМ». Однако романтика строительных отрядов уже прошла. Инженерной специальности у Пожарского не было, идти разнорабочим ему, человеку с высшим образованием, было зазорно. Комсорг полка пообещал разузнать в штабе округа о других ударных объектах. И нашёл приемлемый вариант. Оказалось, что в Литве возводится Игналинская атомная станция, а рядом строится целый город Снечкус, в том числе и новые школы. Гроздов обещал и комсомольскую путёвку пробить, это значит, что Алексея и примут, и трудоустроят, и жильём обеспечат.

Демобилизовался Пожарский после октябрьских праздников. Получил, кстати, очередную открытку из Явленки без подписи. Не стал мудрить с украшениями на форменную одежду, чтобы военные патрули не придирались, лишь слегка подрезал подошву на сапогах и подбил двойные подковки на каблуках. С вещмешком за плечами, в шинели, подпоясанной ремнём с надраенной до блеска бляхой, с военным билетом и комсомольской путёвкой в кармане и, самое главное, с верой в новую жизнь в глазах – таким вышел на платформу литовской станции молодой человек, преодолевший тысячи километров с восточного края необъятной родины до западных границ Советского Союза.

С НУЛЯ!

Снечкус – посёлок строителей с населением около десяти тысяч жителей, поэтому статус города ему ещё не присвоили, и он назывался ПГТ, то есть посёлком городского типа, хотя улицы и проспекты были застроены только пяти- и девятиэтажками. Шесть лет назад на берегу озера Висагинас был вбит первый колышек. А теперь это был обжитый, уютный городок, выросший в лесу.

Алексей часа два ехал из Вильнюса в Снечкус электричкой. Ну, это так сказали бы в России, а в Литве пригородные поезда почему-то таскали тепловозы.

Вышел из вагона. Небольшой вокзальчик среди сосен. Только рассвело, и совсем не холодно, не то, что в это время в Хабаровске. Огляделся: куда податься?

– Здравия желаю, товарищ сержант! – обратился к Алексею паренёк в черном бушлате с погонами.

Пожарский завертел головой: «А где же офицер?».

– Да вы не беспокойтесь, патруль здесь почти никогда не бывает. В городке ещё ходит, а здесь – нет. Вы по службе или на дембель?

– Уволен, как говорится, подчистую.

– Понятно. Могу подвезти. Вам куда?

– В райком комсомола.

– А-а, так это вы проехали. Вам надо было в Игналине выходить.

– Как так? Мне объяснили, мол, Снечкус, строительство атомной станции. Там должен быть ещё секретарь комитета комсомола Виктор Шилов.

– Тогда понятно. Это в штабе стройки. Нам по пути. Подброшу.

Пока шли до стоянки, познакомились. Водитель уазика Сергей объяснил, что служит он в стройбате и только что проводил жену командира на поезд.

К Снечкусу вела уютная дорога среди леса. «Летом здесь должно быть красиво!» – подумал Алексей.

– Если останетесь до лета, увидите, как тут здорово. И озеро прямо в черте города, – как будто услышав мысли Пожарского, подтвердил его думы водитель.

Когда Алексей, цокая подковками, уверенным шагом двигался по коридору комитета комсомола, ему навстречу неожиданно выпорхнула прекрасная фея, такой ему представилась очаровательная девушка. Она, хрупкая, невесомая, смело перегородила путь высокому «гренадёру».

– О! Какой бравый солдатик! Сразу видно: не из стройбата! Откуда ты, сокол ясный?

Алексей забыл даже смутиться.

– Вообще-то, не просто солдат, а сержант!

– Чем выше звание, тем шире взгляд соколиный на поле битвы! – фея продолжала воздействовать на Алексея своими чарами.

И Лёха неожиданно для самого себя решил поддержать игру:

– Князь Пожарский, – приложив кончики пальцев к шапке, представился он и по-гусарски прищёлкнул каблуками начищенных сапог.

Воздушная дева округлила глазки и, протянув руку для приветствия, без всякой иронии спросила с серьёзным видом:

– Князь? Это имя?

– Почётный титул, присвоенный мне закадычными друзьями, – переходя на доверительные интонации, отчитался Пожарский. – А родители нарекли Алексеем.

Хрупкая кисть феи растворилась в широкой ладони воина. «До чего же это приятно! Сто лет не держал таких

нежных и трепетных пальчиков в своей руке!» – острой иглой кольнуло предательское чувство в загрубевшее армейское сердце.

– А меня зовут Елизаветой Кудряшовой, без всяких титулов. Откуда прибыл к нам, Алексей Пожарский?

– По окончании службы в армии уволен в запас. А здесь по комсомольской путёвке. Ищу вот Виктора Шилова.

– А-а! «Первый» дальше по коридору, последняя дверь направо. Ну я побежала, надеюсь, ещё увидимся, князь!

И, обворожительно улыбнувшись, чаровница вспорхнула и полетела по своим делам. Алексей взглянул на опустевшую ладонь, поднёс её к лицу и ощутил лёгкий запах весны.

– Наконец-то! Мы давно уже ожидаем. Неделю назад звонили мне из Хабаровска, что ты отбыл в нашем направлении, – приветливый комсомольский вожак усадил гостя напротив себя. – Значит, я Виктор, ты Алексей. Пакет с рекомендациями, характеристиками твоими пришли по почте, я их изучил. Ну, прям хоть сразу к награде представлять. Молодец! А планы какие у тебя?

– Я учитель русского языка и литературы.

– Ясно-понятно. Школа у нас есть, большая, только сомневаюсь, что там будет свободная ставка для тебя. Готовится к сдаче ещё одна школа. Но это будет в сентябре следующего года.

Пожарский поджал губы.

– Да ты не расстраивайся. Я вот прочитал, что ты в гарнизоне все мероприятия на себе вытаскивал. Нам такие люди во как нужны. Есть у нас отдел культурно-массовой работы. Им руководит такая заводная дивчина, Лиза Кудряшова, познакомишься, сам узнаешь. Но вот беда, некому заняться военно-патриотическим воспитанием среди молодёжи. Ты бы на этом месте был в самый раз. Учитель, армейский опыт. Ну, бравый сержант, готов?

Слушал Алексей главного комсомольца стройки и робел. Никогда он не увлекался общественной работой. Театр – это дело творческое. И хотя там тоже надо управлять коллективом, но это всё-таки ограниченный, даже замкнутый круг людей, а комсомол... Сотни, тысячи незнакомых ребят и девчат.

– Я понимаю, – продолжил Шилов, – для тебя это неожиданное предложение. Ты только подумай о масштабах. У нас молодёжная стройка. Здесь членов комсомола больше, чем во всём районе. Мы и работаем на правах райкома. Если дашь согласие, я специально для тебя открою отдел, будешь его возглавлять. Творческое дело. С нуля. Никто до тебя этим не занимался.

– Вот прямо-таки для меня?

– А что? У нас финансирование двойное. Из района и от управления строительством. Я уже переговорил с председателем месткома, тебе на первое время выделят комнату в общежитии. А в течение года и свою квартиру будешь иметь. Соглашайся!

И не давая Алексею опомниться, Виктор уже форсировал события:

– Значит так, даю тебе день, чтобы обжиться. У тебя, кстати, гражданская одёжка имеется?

– Только спортивная.

– Ясно-понятно. Закреплю за тобой одного из наших ребят, он тебя и в общагу сопроводит, и город покажет, и в магазин сводит. У нас тут снабжение как в столице, всё есть. Приоденешься, отдохнёшь с дороги и завтра представлю тебя на заседании комитета. А кстати, как у тебя с финансами?

– Да есть кой-какие накопления.

– Ну, хорошо. Завтра и подъёмные в бухгалтерии получишь.

И началась у Пожарского в его двадцать четыре года новая жизнь. Уже на следующий день Алексей написал заявление о приёме на работу в качестве руководителя только что образованного отдела военно-патриотического воспитания молодёжи.

Как и обещал Виктор Шилов, на комитете комсомола он представил коллективу нового сотрудника:

– Алексей Егорович Пожарский возглавит отдел военно-патриотического воспитания молодёжи. Очень надеюсь, все вы, товарищи, поддержите и поможете Алексею Егоровичу в этом очень важном направлении нашей общественной деятельности. Кстати, у Алексея Егоровича заканчивается кандидатский стаж вступления в ряды Коммунистической партии. Вот мы и оценим его по реальным делам в составе нашего комитета комсомола.

– А позвольте вопрос? – руку подняла фея Елизавета. – А кем приходится Алексею князь Дмитрий Пожарский?

Все заулыбались – Лизка в своём репертуаре.

– Не знаю точно. Гордился бы, будь я прямым родственником освободителю Москвы, но на внуках того князя пресёкся род Пожарских. Так что, скорее всего – просто однофамилец.

– А жаль! – без тени иронии вздохнула Лиза.

– Вечером, товарищи, вы сможете задать Пожарскому и другие вопросы, Алексей Егорович обмывает новую должность и приглашает нас всех присоединиться.

– Ого!

– Силён!

– Наш человек!

– Вот там мы и узнаем, каков он в деле!

Одобрительно загалдели комсомольцы. Лишь Алексей недоумённо посмотрел на Шилова, а тот, подмигнув, успокоил:

– Ну, что засмущался? Ты подъёмные получил? Ну вот, надо обмыть. В общем, в семь в банкетном зале. С руководством стройуправления и с профсоюзом я согласовал. Ну, товарищи, за работу. Всё ясно-понятно?

«Комсомольская субординация схожа с армейской, – подумал Алексей. – И это хорошо! Значит, все вопросы можно решить».

Вечером собрались в непринуждённой обстановке: парни, не заморачиваясь, прибыли в традиционных пиджаках, с галстуками и комсомольскими значками, а девчата и причёски успели навести, и официальные блузы заменить на облегающие платья.

Столы были накрыты по ресторанному. На белоснежных скатертях красовались изысканные закуски в виде канапе, а разнообразные мясные, рыбные и овощные нарезки соревновались между собой формой, цветом и вычурными изгибами. Алексею вспомнились жалобы Льняновской жены на очереди в магазинах в Петропавловске и удивление Жукова по поводу отсутствия продуктов. «Да уж! Здесь, видимо, понятия «недостаток» и «дефицит» неведомы!».

Вечер знакомства и вливания Пожарского в коллектив прошёл, как и ожидалось, с комсомольским огоньком: начали с тостов за партию, за комсомол, за ударную стройку, пожелали успеха новому коллеге. Много пили, громко пели. Сначала громыхнули хором «И с нами на все времена Любовь, Комсомол и Весна», потом подхватили душевную «Комсомольцы-добровольцы», а затем уже перешли на задорный перестук колёс «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». А уже когда из магнитофона вырвалось «Не было печали, просто уходило лето», все поднялись из-за стола и ринулись на площадку для танцев. Долго прыгали, скакали, ногами и руками выделывали причудливые движения. Алексей тоже был захвачен всеобщим задором. Давно он, со студенческих

дискотек не выплясывал с таким азартом. После неудержимых «скачек» объявили перерыв, и парни ринулись на воздух покурить.

– Присоединяйся, – протянул ему пачку сигарет «Космос» Шилов.

– Спасибо, я не курю, так, понюхаю с вами дым сигарет, – поблагодарил Пожарский.

– Не куришь? Молодец! А я начал этим баловаться ещё в институте, в общаге. Так и втянулся. Надо бы бросать, да в нашем деле иногда покурить просто необходимо. Среди рабочей молодёжи почти все курят, предложишь сигаретку, затянешься в незнакомой компании, разговор заведёшь, контакт и наладится. Ну да ладно! Я вот хочу тебе представить Александра Соломова. Он у нас уже полгода работает. Кстати, тоже после армии прибыл, только весной. Сам он ленинградец, но решил вот поработать здесь, на ударной стройке. Я его перевожу в твой отдел инструктором. Сам напросился. Думаю, вы сработаетесь.

– Ребята, ну хватит курить, – окликнула парней Лиза, – объявляется «белый танец».

И она, подхватив Алексея под руку, потянула его на танцевальный круг.

В банкетном зале был приглушен свет, а из акустических колонок лилась нежная мелодия песни Джо Дассена «Бабье лето».

Чуть отстранившись, девушка положила обе руки на плечи молодого человека, и после того, как он взял её за талию, они вместе закачались в такт музыки, переступая с ноги на ногу.

«Господи, какая у неё узенькая талия!» – удивился Алексей. Ему казалось, что он ощущал под пальцами биение её сердца.

Елизавета посмотрела ему в глаза:

– Ну что, доволен, воришка?

– За что такая немилость, фея?

– Переманиваешь ценные кадры из моего отдела в свой?

– Знать не знал об этом, ведать не ведал до последнего мгновения.

– Прикидываешься невинной овечкой?

– Да Шилов сказал, что Соломов сам попросил перевести его ко мне, – продолжал оправдываться Алексей.

– Ага! Кстати, щёки у тебя всегда пылают, или когда врёшь?

– Да это от природы румянец такой, безвинный.

– Ну-ну, много девчонок, наверно, купились на эту невинность?

Пожарский ласково улыбнулся и не стал ничего отвечать, лишь нежно прижал Лизавету к себе плотнее, и та послушно прильнула к нему.

Мелодия заканчивалась, когда Лиза вдруг зашептала:

– Я бы уже и домой сбежала. Дальше начнутся пьяные разговоры обо всём и ни о чём. Проводишь меня?

– Конечно!

Хотя автобусы от станции, где находился штаб стройки, и до городских кварталов ходили регулярно, Лиза и Алексей решили прогуляться пешим ходом. Погода к тому располагала. Было тепло и безветренно. Полная луна освещала всю округу. Две живые тени поначалу брели слева, взявшись за руки, а потом смущённо пристроились сзади и не мешали воркующей парочке мирно беседовать.

– Удивительно, – восхитился Алексей.

– Ты о чём?

– У нас сугробы давно уже и морозы за щёки кусают, а здесь тепло и бесснежно.

– Снег ещё будет. Это скорее всего последние осенние деньки. Озеро замёрзнет, на лыжах можно будет по лесу погулять, – успокоила его Лиза. – А ты говоришь «у нас», это где?

– В Сибири, – не стал вдаваться в географические детали Лёха.

– А в Сибири белые ночи бывают?

– Нет! У нас бывают морозы под сорок градусов и перемёты на дорогах в рост человека.

– Ой! Как же вы там выживаете?

– Как видишь, очень даже здоровы!

– А ты до армии где жил?

– Есть такой город между Омском и Курганом, называется Петропавловск. Это центр Северо-Казахстанской области.

– Что ты мне как ученице на уроке рассказываешь. Я знаю, где это. Моя мама с сестрами своими жила там во время войны, их туда эвакуировали из блокадного Ленинграда.

– Надо же! «Бывают странные сближенья!».

– Ты о ком? – удивилась девушка. – О нас? А что, у нас сближение? Почему же странное?

– Извини, Лизочка! Пожалуйста, без обид! «Бывают странные сближенья!» – так написал Пушкин, вспоминая, что закончил свою шуточную поэму «Граф Нулин» в день, когда в Петербурге восстали декабристы, а сам он находился в это время в Михайловском. Вот и у нас с тобой удивительное сближение через годы и географию. Если поговорить с твоей мамой, то наверняка найдутся и общие знакомые у нас с ней.

– Да, и правда, странное и удивительное сближение. А с мамой можно будет познакомиться, они с папой по-прежнему в коммуналке на Лиговском проспекте живут. Представляешь, я там всю жизнь прожила, и в соседних комнатах ещё три семьи. А сейчас в Снечкусе нас трое в двухкомнатной квартире. Скоро вообще отдельную получу. Здорово?

– Замечательно! Так ты, значит, из коренных ленинградцев.

– Петербуржцев! Представляешь, сто лет назад мой прадед учился на историческом факультете в том же университете, что и я. А потом он, кстати, получил Пушкинскую премию за перевод «Песни о Нибелунгах».

– Да ты что? – Алексей остановился и с восторгом взглянул на Лизу. – Я в институте читал эту поэму. А потом делал большой доклад на научной конференции о самом произведении и о её переводчике Михаиле Кудряшове. Так он...

– И есть мой предок по маминой линии. Кстати, он до революции был директором университетской библиотеки.

– Я в курсе. Ты, значит, из потомственных дворян вышла.

– Михаил Иванович Кудряшов был действительным статским советником. Но я его племянчатая внучка или внучатая племянница. Как правильно?

– И так, и так пойдёт!

– У него был младший брат Иван, вот он и есть мой настоящий прадед.

– А я из семьи сибирских казаков. Дед с кавалерийским полком до Берлина дошёл. Так что я тебе не ровня!

– А как же титул князя?

– Да это кличка, а не титул.

– Всё! – сердито прервала Пожарского Елизавета, подхватила его под руку, и они продолжили свой путь. – Давай прекратим этот разбор полётов. Мы – комсомольцы. А всё это дореволюционное деление людей по рангам оставим нашим предкам. Итак, ты закончил институт. По какой специальности?

– Филологической.

– А-а! Так вот откуда у тебя такие неожиданные знания творчества Пушкина? Я, к стыду своему, и не читала про графа Нулина.

– О! Это искромётная провинциальная история. Представляешь: едет такой самодовольный разорившийся франт из Европы в русскую деревню и на косогоре вываливается из своей опрокинутой коляски. А рядом имение некой скучающей особы, она приказывает слугам звать неудачливого путешественника в гости. Это и есть граф Нулин. Ну, он при знакомстве сразу распушил павлиний хвост. Наталье-то Павловне, так звали гостеприимную хозяйку, в радость было принять незнакомца да разузнать о всяких светских новостях. Муж, как обычно, уехал на охоту с ночёвкой. Одной ей дома тоскливо, а тут нежданный, путешествующий молодой барин. Ласку и заботу к гостю самонадеянный граф принял за обнадёживающий флирт и ночью полез к хозяйке в спальню.

Алексей замолчал, ожидая реакции девушки.

– Ну? И? Что дальше? – не выдержала Лиза и, увлечённая повествованием, начала трясти руку Пожарского. – Рассказывай!

– Да ничего особенного. Получил пощёчину и слинял.

– Куда?

– В свою спальню.

– А потом. Ну, утром...

– Утром граф глаза боялся поднять на хозяйку, а Наталья Павловна как ни в чём не бывало приветливо завела беседу. И Нулин снова ободрился. И тут, – Алексей сделал паузу и вдруг громко выдохнул, – «бац!».

Лиза вздрогнула, прижалась к нему и остановилась:

– Что?

– Муж явился с охоты...

– И застрелил Нулина?

Пожарский рассмеялся:

– Нет! Тогда бы это была трагедия.

– А причём тут «бац»!

– Это я чтобы развеселить тебя!

– Вот дурачок, не надо так меня веселить. Я испугалась!

– Извини!

– Лучше дальше рассказывай! Заинтриговал.

– А что рассказывать? Граф Нулин быстро засобирался и укатил восвояси.

– Странно! И всё?

– По сюжету всё. Пушкин делает вывод, мол, «в наши времена супругу верная жена совсем не диво».

Они долго шли молча. Каждый думал о своём. Алексею давно не было так уютно и тепло от близкого присутствия доброго и милого человека. Ему сильно не хватало этого, и он непроизвольно наслаждался неожиданно нахлынувшим чувством. «Что это? Случайность? Подарок судьбы? Или мимолётность, о которой завтра забудется?». Елизавета первой нарушила молчание:

– Надо отдать должное, что рассказываешь ты завораживающе. Слушала бы и слушала. Я вот только не поняла, почему же эта поэма шуточная?

– Понимаешь, сто пятьдесят лет назад никто так не писал. Пушкин с иронией рассказывал, как Наталья Павловна увлечённо разглядывала в окно драку козла с дворовой собакой, а графа сравнивал с лукавым котом, охотящимся за мышью, барин, уезжая на охоту, прятал за пазухой фляжку с ромом, слуга, не дожидаясь, когда угомонятся хозяева, громко храпел в передней. Теперь мы такое бытописание называем реализмом, а в те времена в поэзии был в моде романтизм. Пушкина тогда очень ругали, а он хихикал, сочиняя своих героев. У него граф – пустозвон и ловелас; барыня – деревенская толстушка со столичными замашками; помещик – любитель кутежей, он уезжал на охоту подальше, чтобы там попировать, а, возвращаясь, травил зайца собаками за огородами; служанка заигрывала с барином, а хозяйке постоянно врала. И ещё! В самом конце Пушкин вдруг сообщает, что соседский помещик Лидин

над всей этой историей больше всех смеялся. Зачем его упоминает поэт, читатель пусть догадывается сам.

– Вот ты это всё прямо сейчас на ходу сочиняешь? – Елизавета восхищённо посмотрела в глаза Алексея.

– Открою тебе заветную тайну: я на эту тему писал курсовую работу на втором курсе.

– Ах ты плут! А я уже поверила, что ты гений! – и она, постучав кулачком по мужской груди, прижалась к ней нежно и замерла.

Алексей приобнял её, затем, слегка отстранив, прикоснулся губами к губам. Поцелуй получился взаимным.

– А мы уже пришли, – отпрянув, Лиза махнула рукой в сторону подъезда. – Может, поднимешься? Я с десертного стола стащила пару пирожных. Чаю попьём.

– Поздно уже, разбудим твоих соседей, – из вежливости высказал сомнение Алексей.

– Со мной живут молодожёны Ирина и Сергей. Они на каждые выходные уезжают куда-нибудь. Сегодня они отправились в Ригу, их пригласили в гости друзья.

Утром влюблённая пара проснулась в одной постели. На обнажённом плече заезжего князя покоилась прелестная головка комсомольской феи.

Алексей по армейской привычке проснулся рано. «Встать бы да приготовить ей кофе». Но он не смел даже шелохнуться, боясь спугнуть Елизаветин сон.

Как-то всё вчера случилось быстро и естественно. Они всю ночь наслаждались друг другом, как будто соскучившись после долгой разлуки. «Что это? – размышлял Лёха. – Предательство по отношению к Ольге? Нет, это совсем другое». Он ощущал, что и то трепетное чувство, и эта страсть – любовь. Что и та неопытная девочка, и эта чувственная женщина одинаково дороги ему. Но Оли нет. Она есть, но где-то далеко, неведомо где. Увидится ли он с ней когда-нибудь? А Лиза здесь, рядом. Вот её личико,

озарённое восхитительной улыбкой. Чему она улыбается во сне?».

И Алексей почувствовал себя ответственным за то, чтобы она, его Елизавета, была непременно счастлива.

– Ты не представляешь, какое это блаженство – проснуться на плече любимого человека, – умилённо прошептала Лиза, не открывая глаз, наслаждаясь пробуждением. – Я почувствовала, что ты не спишь, и мне теперь необыкновенно хорошо просто лежать рядом с тобой и тоже не спать.

Они полежали молча, наслаждаясь близостью друг друга. «Как здорово, что сегодня суббота и никуда не надо спешить!».

– Это я подумала или сказала вслух?

– Это ты подумала! Но я услышал.

– Ой, сочиняешь! Ты сочинитель?

– Да! Я хотел тебе об этом сказать вчера, но не успел.

– Скажи сегодня.

– Бывают странные сближенья!

– Это Пушкин, я запомнила.

– Это про нас с тобой!

– Поясни.

– В историко-биографическом альманахе «Прометей» за 1978 год была опубликована моя повесть «Дар случайный».

– Правда? Вот это да! И о чём она?

– В ней я написал о твоём прадеде Михаиле Ивановиче Кудряшове.

– Вот это ничего себе!

Лиза приоткинула одеяло, села и упёрлась взглядом в Алексея.

– Ты меня не разыгрываешь?

– Нет! Это такая же реальность, как два этих прелестных персика, – и он, улыбаясь, указал на её обнажённую грудь.

Лиза прикрылась краешком одеяла.

– Извините, князь!

– Ну что Вы, прелестная фея, это прекрасно!

– Что прекрасно? Грудь или твоя повесть?

– И то, и другое! Повесть, потому что она написана мной о твоём пращуре. А грудь, потому что она твоя, и я её люблю!

Алексей притянул к себе Лизу, и они обнялись.

– Ты выйдешь за меня замуж? – отдышавшись после любовной страсти, спросил Алексей.

– Я разве похожа на дуру?..

Лизавета лежала, раскинув руки.

– Чтобы отказываться от своего счастья! Конечно, да! Я... тебя... никому... не отдам!..

КУДРЯШОВ. 1879 ГОД

– Михаэль, не проходи мимо, – окликнул Кудряшова на выходе из гимназии одноклассник Антон Блюменау.

Михаил в застёгнутой на все пуговицы шинели уже готов был покинуть учебный корпус, но нехотя остановился. Беседовать с долговязым бароном Блюменау не было никакой охоты, однако правила гимназического этикета не позволяли вот так просто взять и уйти, не оглядываясь. Кудряшов изобразил улыбку и обернулся. Рядом с высокорослым Антоном стоял маленький ангел с очаровательным девичьим личиком, и левой рукой этот ангел прижимал к себе цветную коробочку. Приветливо улыбаясь, девушка тонкими пальчиками правой руки заправила за ушко непослушную прядь пшеничных волос.

– Познакомься, моя кузина Софи́, – представил ангела Макс. – Софи́, а это гордость Второй гимназии, в скором будущем обладатель выпускной медали Михаил Кудряшов.

Девушка для приветствия протянула правую руку пальчиками вниз:

– Софья Анненская. Очень приятно!

Михаил, сняв фуражку, принял нежную девичью ручку и, наклонившись, поцеловал её.

– Кудряшов, ты не пытайся флиртовать! Софи́ здесь не для этого.

Бедный Михаил ещё больше сконфузился. А Софья, увидев его смущение, попыталась сгладить ситуацию:

– Antoine, comme toujours, tu déconcertes les gens par ton manque d'éducation[47].

– Ну вот, помогай тебе после этого! – изобразил обиду Блюменау.

– Не дуйся, Тоша, ты для меня больше, нежели кузен, ты друг! – успокоила его Софья и тут же обратилась к Кудряшову: – А вы, Михаил, не желаете ли принять участие в благотворительном вечере?

И девушка указала на плакат, мимо которого только что прошёл Михаил. Одним взглядом оценив содержание, молодой человек привычно выделил главное: в субботу, 14 февраля 1879 года, в женской гимназии[48] состоится благотворительный вечер, встреча с писателями, доход в пользу малоимущих учениц, цена билета 25 копеек.

– Я бы с удовольствием, – Михаил покраснел.

---

[47] Антуан, как всегда, ты смущаешь людей своим отсутствием воспитания. (фр.)

[48] Александровская женская гимназия располагалась на Гороховой улице, дом 20.

– Проблема в том, дорогая Софи́, – вступился за одноклассника Антон, – что у Кудряшова никогда при себе нет денег.

Барон иронично смотрел на Михаила сверху вниз, он на голову был выше.

– Напомни, сколько стоит входной билет? – обратился к ангелу Антон.

– Двадцать пять копеек, – уточнила Софья.

– Вот тебе, кузина, полтинник за меня и за Михаэля.

И барон опустил в узкую щель цветной коробочки серебряную монету.

– Спасибо, – обрадовалась Софья, – а вот вам два билета.

Барон их сразу спрятал в свой карман.

– Получишь, как вернёшь долг, – пояснил он и пренебрежительно похлопал Кудряшова по плечу.

Попрощавшись, Михаил выскочил из гимназии[49], на Казанскую улицу. Морозная свежесть не сразу успокоила раскрасневшегося юношу. Ему и стыдно было, что так неожиданно одолжился, и неудобно, что выглядел он растерянно в присутствии Софьи Анненской.

– Чёрт побери! – выругался вслух Кудряшов и троекратно перекрестился, извиняясь. – Прости, Господи!

Обидно было сознавать, что, дожив до восемнадцати лет, учась в выпускном классе гимназии, он так и не научился свободно общаться с барышнями. В их присутствии Михаил постоянно смущался и краснел. В семье Кудряшовых было семеро детей и среди них у Миши три сестры. Правда, младшей Сашеньке всего годик, старшая Анна уже замужем и живет отдельно, и лишь со средней, Машенькой, он общался на равных. Ей шестнадцать лет, и она училась в Мариинской гимназии. Именно Машенька разучивала

---

[49] Вторая Санкт-Петербургская гимназия. Расположена по адресу: Казанская улица, 27.

с братом новые танцы, показывала, как нужно вести даму под руку, прививала ему манеры учтивости и галантности. Дома у него, вроде бы, и получалось, но это с сестрой, а на людях всё по-другому. Почему-то он краснел и не был способен даже поддержать приятную беседу – вот этого Михаил никак понять и не мог. К примеру, Антон на занятиях – косноязычный и глупый ученик, а в присутствии девиц – красноречивый бонвиван. Почему так?

Пока раздосадованный гимназист Кудряшов занимался самоедством, ноги привели его к дому. Жил он в самом начале Вознесенского проспекта. Неподалёку несколько лет назад разбили Александровский сад, в котором Кудряшовы любили гулять всем своим большим семейством.

Михаил родился в семье купца второй гильдии. Иван Кудряш, отец его, был из крепостных крестьян Ярославской губернии. Правда, помещичьего гнёта не испытывал. Крепостным он был государственным, то есть свободным сельским обывателем, и потому предприимчивый молодой человек к двадцати своим годам наладился отвозить в Петербург всё, что производили односельчане. Государственным крестьянам было разрешено самостоятельно заниматься торговлей, и отец Михаил смог даже выкупить себе свидетельство купца третьей гильдии. Тогда-то деревенское прозвище Кудряш превратилось в фамилию Кудряшов. Потом открыл небольшой трактирчик за Нарвской заставой, и дело пошло в гору. Засватал у купца Уханова дочку Елизавету. А тут подоспела отмена крепостного права. Кудряшов сразу поднялся во вторую купеческую гильдию. Трактир обустроил в центре Петербурга, неподалёку от Исаакиевского собора. Над трактиром комнаты снял, с каждым годом, как появлялись на свет детки, всё расширял и расширял семейное жильё. С Лизой, своей женой, жили душа в душу. Сразу решили, что детям и об-

разование дадут, и возможность выйти в люди, а там, глядишь, и во дворяне выбьются.

Иван Никитич очень гордился своим старшим сыном Михаилом. Склонному к языкам парнишке нанимали иностранных учителей, потом определили в частную школу, а когда подрос, отдали в гимназию. И вот теперь он собирается поступать в университет. Педагоги его хвалят. Вот бы порадовался за внука дед Никита, да не дал ему Господь увидеть подросшего Мишку. Как перебрались они из ярославской деревни в столицу, занемог старик, поболел недолго и тихо преставился.

– Колька, спишь, колупай неуклюжий, глянь, Михал Иваныч пришёл.

Это отец окликнул Николая, брата Мишкиного, когда тот зашёл в трактир. Обедали Кудряшовы, спускаясь вниз с верхнего этажа: содержать кухарку дома было ни к чему. Обычно Михаил после гимназии, не поднимаясь домой, заходил отобедать в трактир.

Колька, четырнадцатилетний подросток, был четвёртым в семье, вторым из братьев. Осваивать науки после окончания начальных классов он не желал, зато был незаменимым помощником в отцовском деле. Домашние так и звали его – «наследник». Хотя подрастали младшие братья Сашка и Ванятка, но они явно не претендовали на место наследника.

– Позвольте принять шинель, Михал Иваныч, – Колька с подобострастием подлетел к брату.

– Перестань, Николка, я и сам могу.

– Не подводи меня, Мишка, – зашептал младший брат старшему. – Батька заругает, а я уже и так провинился.

И он указал на красное припухшее ухо своё. Ловко подхватив шинель, Николай принял форменную фуражку и, пока Михаил подпоясывался ремнём, громко спросил:

– Где желаете откушать? В общем зале или в кабинете?

– Хватит, Колька, дурака валять! – без злобы, но строго одёрнул увлёкшегося брата Михаил. – Я пойду на кухню.

Чуть позже к уже закончившему обед сыну подсел Иван Никитич.

– Как дела гимназические, Михал Иваныч?

Отец давно обращался к нему по имени-отчеству. Так сложилось ещё лет пятнадцать назад, когда трёхлетний малыш нанятому учителю немецкого языка на вопрос: «Wie heist du, Kleiner?» – представился: «Mein Name Michal Iwanytsch!»[50]. С тех пор и учитель, и домашние стали мальчонку величать именно так.

– Вашими молитвами, тятя, и непрестанным ко мне вниманием всё у меня хорошо.

– И слава Богу! Вся надёжа на тебя, Михал Иваныч. Учись! Сколько сил наших с мамкой хватит, будем тянуться, но образование своим детям и оплатим, и поддержим на первое время. Вот ты закончишь гимназию, Сашку отправим на твоё место. Он тоже сообразительный, не в пример Кольке. Ты знаешь, что учудил этот негораздок лободырый? Приглядываюсь к нему, а он всё из кармана чего-то тягает да разглядывает втихаря. «А подь-ка сюды, – говорю, – покажь мне свою тайну». «Ой, тятенька, да это я нашёл!» – он мне, значит, пытается брехню за правду выдать, хитрован эдакий. Ну, крутанул я ему ухо, небольно, так, для острастки, он и выложил. Мол, заходил тут к нам сегодня один хлыщ напыщенный, покушать ничего не заказывает, а всё приглядывается. Ну, подозвал он нашего Кольку и спрашивает, не может ли кто купить у него часы карманные, деньги ему оченно нужны и срочно, а в ломбард идти некогда. И показывает вот эти отличные часы с боем, вполне себе исправные.

---

[50] «Как тебя зовут, малыш?» – «Моё имя Михал Иваныч». (нем.)

Отец вынул из карманчика жилетки часы на цепочке и раскрыл их. На внутренней стороне крышки было выгравировано «Павел Буре».

– Колька-то наш сразу прикинул их цену – рублей пятьдесят! Не меньше! И – ну торговаться! В общем, сошлись на десяти рублях серебром. И что ты думаешь, у нашего шалопая они нашлись. С чаевых накопил. Я, конечно, часы эти у него отобрал. Колька же шлындает где ни попадя, еще похваляться начнёт. А вдруг часики краденые?

Всё это отец рассказывал, конечно, осуждая Кольку, но и непроизвольно гордясь предприимчивостью своего наследника.

– Тятя, хочу спросить у вас, а как вы относитесь к благотворительности? – неожиданно Михаил перевёл разговор на другую тему.

– Это ты о чём, сынок?

– Я про помощь малоимущим.

– Вон оно как! Убогим что ли? Завсегда, как в церковь иду, нищим на паперти медную полушку, а то и денежку непременно просящим подаю.

– Ну и не только убогим. У нас билеты предлагают купить на благотворительную встречу с писателями. Доход от неё пойдёт на помощь нуждающимся ученицам женской гимназии.

– О как! Ты смотри! Надо же! Не за так, значит. Ещё и зрелище будет! А я тут надысь тоже был в Машкиной гимназии. Директриса просила помощи по содержанию пансиона. Ну, я сорок рублей пожертвовал. От простоты душевной!

– Ого! Щедрый вы, тятя!

– Да чего там! На благое дело не жалко! Мне когда-то тоже купец Уханов, дед твой, от широты души купеческой помог первый трактир обиходить. Так я ему по гроб жизни обязан. А ты к чему разговор этот завёл?

– Тоже хочется билет взять.

– Ну так возьми!

– Нет у меня двадцати пяти копеек.

– Вот в кого ты у нас такой? Всё вокруг да около, нет, чтобы сразу сказал: дай, тятька, денег. Ладно! Не обижайся, Михал Иваныч! Вот тебе целковый!

Отец выложил на стол сверкающий рубль и погладил сына по стриженой умной голове.

Чуть позже Михаил разменял отцовский рубль у брата Кольки на мелкие медные и серебряные монеты. Хитрован Николка прикинулся, что у него есть в заначке только девяносто копеек, и тем самым на обмене заработал гривенник. «Молодец! – без обиды подумал Мишка и по-отцовски взъерошил братишке давно не стриженную шевелюру. – Этот не пропадёт!».

На следующий день Михаил с нетерпением ждал окончания занятий. Рассчитавшись с удивлённым Антоном Блюменау за билет, прибежал домой. Сбросил с себя пропотевшее за день нательное бельё, протёр тело ароматизированным влажным полотенцем, пристегнул к гимнастёрке свежий накрахмаленный подворотничок и, удивляясь самому себе, степенным шагом, чтобы больше не вспотеть, медленно двинулся в направлении Мариинской женской гимназии, благо она располагалась неподалёку, на Гороховой, между Мойкой и Екатерининским каналом.

С бароном Блюменау встретились в фойе. Прошли на второй этаж. В холле их встретила обрадованная Софья Анненская и, поправляя пальчиками выбившийся из-за ушка завиток песочных волос, позвала за собой: «Я вас ждала, пойдёмте, проведу к местам, специально для вас отведённым». По её же просьбе третье место молодые люди должны были держать незанятым для неё, сама же гимназистка быстро убежала встречать других зрителей.

Антон что-то непрестанно рассказывал, но Михаил его не слушал. Глупо улыбаясь своим мыслям, он разглядывал собственную руку, которую только что так нежно пожала Софья.

– Эй, очнись! – окликнул мечтательного одноклассника Антон. – Изволили прибыть их императорское высочество принц Ольденбургский[51].

Сам барон уже стоял и раскланивался перед проходящим мимо пожилым принцем. Видимо, только его и ждали, потому что сразу же директриса гимназии, поблагодарив высокого гостя, представила публике готовых к выступлению писателей и поэтов.

Прибежав, Софья уселась между молодыми людьми. Она опять в знак признательности пожала руку вставшему ей навстречу Михаилу.

Литераторы поочерёдно поднимались и читали отрывки из своих книг. Первым выступил поэт Алексей Плещеев[52]. Он читал стихи про детей из нового сборника «Подснежник». Михаил слушал без особого внимания. Его отвлекало присутствие Софьи, которая, вытянув тонкую шейку, ловила каждое слово чтеца, теребя упругую косу. Потом поднялся известный драматург Алексей Потехин[53] и стал читать отрывок из своей новой, ещё неопубликованной повести об осиротевших крестьянских детях. Затем тихо заговорил Фёдор Достоевский[54]. Он то ли рассуждал, то ли читал о каком-то голодном мальчике, который в рож-

---

[51] Принц Пётр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881) – Его Императорское Высочество, главный начальник женских учебных заведений.

[52] Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893) – писатель, поэт, переводчик. Принимал активное участие в развитии детской литературы.

[53] Алексей Антипович Потехин (1825–1908) – русский драматург и романист.

[54] Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) – русский писатель, классик мировой литературы. Рождественский рассказ «Мальчик у Христа на ёлке» написан в 1876 году.

дественскую ночь, мечтая попасть на праздничную ёлку, замёрз до смерти в углу двора, спрятавшись за поленницей дров. Кудряшов, вроде, слушал, но и не слышал, вроде, смотрел на бородатых стариков, писателей и поэтов и не видел их. И лишь когда, прихрамывая, вышел вперёд поэт Яков Полонский[55] и все в зале вздрогнули от неожиданно звонкого удара, Михаил окончательно очнулся.

– Это у него костыль упал, – пояснила Софья. – Бедняжка! И старенький уже, а ещё и хромой.

Кудряшов увидел седовласого голубоглазого поэта Якова Полонского. Он говорил медленно, как будто подготавливал слова к их рождению, голос его звучал мощно и, прорезая воздух волнительным басом, долетал до каждого слушающего.

– Спасибо, сударь, – это он поблагодарил кого-то, кто поднял и передал ему костыль, и перевёл взгляд на собравшихся в зале. – Я был таким же юным, как вы, когда к нам в гимназию приехал ныне здравствующий император, а тогда наследник престола, Александр Николаевич. И сопровождал цесаревича его неизменный наставник Василий Андреевич Жуковский. Встреча с ним была короткой, он похвалил меня за поэтические начинания, а Великий Князь подарил мне золотые часы. Я об этом рассказываю не для того, чтобы похвалиться, а чтобы поблагодарить Господа за столь неожиданную встречу. Провидением Божием мне было даровано по жизни много неожиданных и памятных встреч. Я счастливо общался и дружил с Александром Дюма, Николаем Некрасовым, Львом Меем, Аполлоном Григорьевым, Фёдором Тютчевым. В Одессе приветливо встречал меня брат Александра Пушкина Лев Сергеевич, а в Тифлисе многократно беседовал я с Ниной

---

[55] Яков Петрович Полонский (1819–1898) – русский поэт и прозаик. Лауреат Пушкинской премии Академии наук за 1882 и за 1892 годы.

Александровной Грибоедовой, вдовой поэта. Она трепетно и преданно до конца дней своих несла память о своём незабвенном муже. Известно ли вам, что намедни, в конце января, встретились две печальные даты?

Полонский помолчал, как будто выжидая, кто ответит.

– Правильно, если вы подумали про смерть Александра Сергеевича Пушкина, это случилось двадцать девятого января, а тридцатого января погиб в Персии Александр Сергеевич Грибоедов. И это случилось пятьдесят лет назад. Не смог я не вспомнить об этом и не написать, как встречался когда-то с его вдовой и как внимал её рассказам. Вот послушайте.

И Полонский запел. Нет, не в прямом смысле. Он стал нараспев читать свои стихи, чётко произнося слова и делая акцент на рифмах. При этом артистично помогал себе ритмичным взмахом руки. Не слушать его и отвлекаться было просто невозможно. Это была необычайно поэтическая декламация, просто завораживающая. А когда автор дошёл до монолога любящей супруги, всё в груди у Михаила похолодело. И сам он вжал голову в плечи, слушая, как весь Тифлис, плача, пошёл встречать траурную процессию с убитым Грибоедовым. На словах: «О, для чего пережила его любовь моя», – за спиной Кудряшова кто-то всхлипнул. А его самого поразили последние стихотворные строки:

Там, в тёмном гроте – мавзолей,
И – скромный дар вдовы —
Лампадка светит в полутьме,
Чтоб прочитали вы
Ту надпись, и чтоб вам она
Напомнила сама —
Два горя: горе от любви
И горе от ума».

Полонский замолк с торжественно приподнятой рукой. Потрясённый зал, замерев, ждал продолжения, но его не последовало. Первым поднялся принц Ольденбургский и медленно начал хлопать в ладоши. За ним встали остальные и одарили Полонского долгими аплодисментами.

По окончании встречи с литераторами Софья, которой галантные кавалеры перед выходом из гимназии помогли надеть пальто, спросила:

– Как вам благотворительный вечер, понравился?

– Сентиментальные старички пытались растрогать экзальтированную часть публики. Судя по твоему красному носику, им это удалось, – скептически отозвался барон Блюменау.

– Неужели ничто не тронуло твоё холодное сердце? – удивилась Анненская.

– Ну почему же? Я всё время думал, кому же из присутствующих девиц поможет наш с Михаэлем полтинник! А всю эту, так сказать, литературку я бы читать не стал, попадись она мне в руки.

Они вышли на свежий морозный воздух и двинулись по Гороховой в направлении Адмиралтейства.

– Удивляюсь тебе, Антон. Неужели ни одна строка, ни одна несчастная судьба не нашла в твоей душе отклика?

– Ах, Софи́! О чём ты говоришь? Зачем мне знать про этих несчастных придуманных героев из книжек или о давно умерших чужих людях? Жить нужно сегодняшним днём. Что, у нас своих проблем нет? Вот у моего дяди третьего дня пропали часы, дорогие, часовой компании Павла Буре. Да таких и не купишь. Их дядюшке сам император подарил. Вот это беда! А все эти писательские сказки... Бред сивой кобылы!

Спорить с Антоном было бесполезно, Михаил даже и не пытался. Тем более после рассказа о часах он сразу

подумал о тех, что сторговал Колька у странного типа. Прав был тятенька, ворованные часики.

– Ладно, мне направо, а вам прямо, – махнул рукой Антон, когда они дошли до набережной Мойки, – кавалер у тебя есть, Софи́, он и проводит до дому. Ему будет приятно. Не так ли, Кудряшов?

Когда барон удалился, Софья взяла Михаила под руку.

– Не слушайте Антона, он изображает из себя нигилиста. Хотя и сам не знает, кто это. А где вы живёте? Нам по пути?

– Нам по пути.

– Да! Немногословный кавалер достался мне в попутчики. Вы всегда такой?

Михаил себя не узнавал. От робости у него слов не находилось. Некоторое время они шли молча.

– Барону не понравился вечер, а вам? – Софья пыталась разговорить своего кавалера, но, не дождавшись ответа, спросила о другом. – А вы, Михаил, стихов не пишете?

И Михаил решился:

– Меня всегда очень удивляет, откуда у поэтов находятся слова, да такие, что проникают прямо в душу. Так написать, как Яков Полонский, у меня не получится. Но мне довольно и того, что я могу, слушая его поэзию, переживать, воображать и сострадать.

Софья Анненская остановилась, придержав своего спутника, развернулась к нему лицом, шагнула навстречу, и Михаил оказался прижатым к фонарному столбу. Девушка внимательно всмотрелась в глаза, пылающие восторгом и вдохновением. Молодые люди были одного роста, и это было удобно – смотреть друг другу в глаза.

На этот раз Кудряшов не смутился и не отвёл взгляда.

– А барон прав, вы, Михаил, и в правду странный! То молчите, а то скажете так, что не всякому понять дано.

– А ну, господа хорошие, поберегись!

Это их окликнул бородатый мужик с деревянной лестницей в руках.

– Оно, конечно-с, таперича под фонарём и постоять приятственно-с: маслом-то не вонят, газ он такой. Но зажигать-то фонарь всё одно надоть.

Это был фонарщик. Он забрался по приставной лестнице наверх, отрегулировал пламя, спустился вниз, всё это время продолжал своё ворчание:

– А в скорости, грят, зажигать-то фонари и вовсе не будут. Сами станут загораться. Во как! Элекстрикческие каки-то. Видал я таки на Одесской вулице, у дома инженера Ладыгина. Оно, конечно, да!

Фонарщик бубнил это всё в прокуренные усы, не обращая внимания на присутствующих молодых людей. Затем, вздохнув «э-хе-хе-хе-хе», направился к следующему фонарному столбу.

– А мы уже и пришли. Я здесь живу. Гороховая, шесть, – кивнула в сторону трёхэтажного дома Софья.

– Надо же! Совпадение какое! А я живу по соседству. На Вознесенском проспекте и тоже в доме номер шесть.

– Это там, где трактир? – высказала догадку Софья.

– Да. Его тятенька держит.

– Тятенька? – переспросила Анненская удивлённо.

– Отец! Иван Никитич, – поправился Михаил.

– Ого! А Кудряшов не так уж и прост! А мой папенька служит в канцелярии при обер-прокуроре Святейшего синода, Дмитрий Илларионович Анненский. Он всегда на службе.

Софья приветливо помахала кому-то рукой.

– mamán. Она всегда ждёт меня у окна. Прощайте, Михаил.

Анненская направилась к парадной.

– А может, погуляем... завтра... вместе? – без всякой надежды выкрикнул Михаил ей вслед.

Софья оглянулась:

– Хорошо! Завтра после обеда буду вас ждать. Здесь.

Когда Софья поднялась в свою квартиру, её встретила мать:

– Sophie, pourquoi n'as-tu pas invité le Baron?[56]

– Мама, это был не Антон.

– А кто же в таком случае?

– Михаил Кудряшов.

– Кто такой? Из дворян?

– Скорее всего, нет. Он, наверное, из купеческого сословия.

– О боже! Купец! Софи, ты сошла с ума! – и мать начала трясти сложенные ладонь в ладонь руки, вознеся их вверх.

– Mamán, c'est trop théâtral[57].

– Он гимназист, судя по шинели? – мать не обратила внимания на реплику дочери.

– Да. Он одноклассник Антона.

– Господи, вот к чему привели эти реформы. Вместе с благородными господами обучаются всякие отбросы общества.

– Его отец, мама, хозяин трактира на Вознесенском проспекте.

Эта новость удивила старшую Анненскую, но не ослабила напор возмущения:

– Дорогая, ты же понимаешь, что он тебе не ровня?

Софье из вредности захотелось поспорить с матерью:

– А papá был вам ровня?

– Во-первых, я его сильно полюбила.

– А во-вторых, я помню, mamán, что его отец, мой дедушка, был сенатором.

---

[56] Софи, а почему ты не пригласила в гости барона? (фр.)

[57] Мама, это излишне театрально! (фр.)

– Ну и что? Мой родитель, тоже твой дедушка, был действительным статским советником.

Мария Александровна мечтательно закатила глазки, вспоминая свою юность.

– Сестре, конечно, повезло больше, и она стала баронессой. Вот, учись, глядя на свою родную тётушку.

– А я стану хозяйкой трактира...

Мать уже хотела рассердиться, но, взглянув на плутовски улыбающуюся и лихо подбоченившуюся дочь, рассмеялась. Софья поддержала её веселье, и, обнявшись, они направились в столовую, где уже был выставлен самовар.

А вот Михаилу не с кем было поделиться неожиданными ощущениями. Ни матери, ни отцу он никогда не доверял свои переживания. С сестрой Машенькой он тоже не рискнул поговорить о душевном трепете. Чувство, которое охватило его, было новым, необъяснимым, но говорить об этом с кем-то – стыдно. Михаил мечтательно представлял себе новую встречу с Софьей Анненской. Его одолевало желание быть рядом с необыкновенной девушкой, испытывать волнение от её присутствия, слушать её журчащий голосок, любоваться непослушным завитком волос. Это незнакомое до сих пор состояние занимало все его мысли.

На следующий день, в воскресенье, с трудом дождавшись, когда закончится обед, Михаил под предлогом пойти позаниматься в библиотеке с надеждой и трепетом отправился на Гороховую. Погода была обычной для февраля. Не сильно морозно. Однако не то холод пробирался под гимназическую шинель, не то от волнения нервная дрожь колотила грудь при каждом вздохе. Прогуливаясь напротив дома номер шесть, Кудряшов питал надежду, что Анненская, как обещала, всё-таки появится. И вот она помахала ему рукой из окна второго этажа, и сразу стало теплей под шинелью.

– Софи́, кому ты там машешь? – удивилась мать и тоже подошла к окну. – Это твой купец?

– Во-первых, mamán, он не мой, а во-вторых, я обещала с ним сегодня погулять.

– Ах, Софи́, отцу не понравится твоя затея.

– А давай мы не будем ему об этом рассказывать? Хорошо? Я побежала.

Увидев Софью, Михаил расплылся в счастливой улыбке, и сердце у него затрепетало с такой силой, что, казалось, вот-вот выпорхнет из груди.

– Какие у нас планы? – Анненская привычным движением заправила за ушко непослушную стрелку волос.

– Предлагаю прогуляться в Александровский сад. Я покажу вам трезубец Петра Великого.

– Ого! Это интересно!

Пройдя мимо строящегося в саду фонтана, Михаил почти довёл Софью до Адмиралтейства. Остановившись, он указал на верхний фриз над аркой:

– Внимательно всмотритесь в рельефные фигуры. В самом центре мифический бог Нептун вручает помазаннику божьему Петру Алексеевичу трезубец как символ морского владычества.

– Надо же! – удивилась девушка. – Сколько раз проходила мимо и не обращала на это внимание.

– Не опускайте взгляда, я буду осторожно вести вас вперёд, а вы смотрите, как золотая адмиралтейская игла станет превращаться в древко этого самого трезубца.

И когда они остановились уже у самой арки, Михаил за плечи развернул Анненскую лицом к городу.

– Только с этого места можно увидеть завершение божественной остроги, три зубца которой воплощены в городское пространство, в три перспективы.

И он указал на просматривающиеся Невский и Вознесенский проспекты, а между ними – на Гороховую улицу.

Софья замерла в восхищении. Нередко, гуляя по Невскому, она видела, что проспект упирается в адмиралтейский шпиль. Точно так же, когда она возвращалась из гимназии домой по Гороховой, ориентиром ей служила арка морского штаба. Да и находясь на Вознесенском, она наблюдала ту же картину – адмиралтейская игла с золочёным корабликом наверху. А тут вдруг ей удалось увидеть сразу все три улицы, лучами уходящие в разные стороны. Это поразило её.

– Такая картина ясно видна отсюда именно зимой, когда листва на деревьях сада не перекрывает перспективу, – объяснил Кудряшов. – По легенде, именно император Пётр придумал такую планировку города. И даже после его смерти никто не посмел нарушить этот план.

– Михаил, вы меня покорили! Откуда вы всё это знаете?

Кудряшов смутился, польщённый такой оценкой.

– Я люблю читать и нахожу в библиотеках ответы на все мои вопросы.

Софья подхватила Михаила под руку, и они направились вдоль Адмиралтейства к Дворцовой площади. Шли молча. Михаил забыл про озноб, ему было тепло и уютно рядом с милой девушкой.

– Рассказывайте, кто это?

Они остановились перед античной скульптурой, и Софья требовательно ждала рассказа. Кудряшов начал издалека:

– В это трудно поверить, но мы с вами только что прошли по воде!

На этой фразе Софья внимательно посмотрела под ноги, затем на своего спутника.

– Нет! Я не сошёл с ума! В начале века Адмиралтейство окружали глубокие рвы, заполненные водой. Потом их забутили и высадили липы, устроив бульвар. Так что на том месте, где мы стоим, когда-то плавали на лодках. А про эту фигуру, – Михаил указал на памятник, – я знаю,

что её не случайно переместили сюда из Таврического сада. И зовут эту прекрасную деву, одетую в лёгкие полупрозрачные одеяния, Флора. В левой руке у неё цветы, они-то и являются символом этой восхитительной богини растительного мира. Правда, со временем от букетика остались только мраморные стебельки, но это не мешает ей покровительствовать новому саду Петербурга.

– Интересно вы называете эту полуобнажённую дамочку... Прекрасная, восхитительная! Я бы так о ней не сказала, – не преминула выразить своё сомнение Софья.

– А я лишь повторил это вслед за Овидием. Он описал историю древнегреческой нимфы Хлориды, в которую влюбился вечно юный ветер Зефир и вознёс земную невесту в небеса, где она превратилась в богиню цветов и весны Флору.

Михаил и Софья, подняв головы, разглядывали скульптуру.

– А ещё Флора дружила со знаменитым Гераклом, и, когда он одолел Немейского льва, богиня создала в честь этого события новый цветок – львиный зев. И поэтому, я думаю, не случайно в Александровском саду, с другого угла Адмиралтейства, установлена скульптура Геракла. О нём могу рассказать отдельно. Пойдёмте?

Они отвернулись от Флоры и изумились: оказывается, за их спинами собралось уже человек десять, и все они, разглядывая скульптуру, внимательно слушали рассказ Кудряшова.

Софья сперва удивилась, потом рассмеялась и, ухватив Михаила за руку, побежала, увлекая за собой талантливого рассказчика.

– И нечего им подслушивать! – немного отдышавшись после бега, заключила Анненская. – Это же вы для меня всё выдумали?

Кудряшов хотел возразить, что ничего он вовсе и не придумывал, но промолчал.

Остановились у беломраморной скульптуры, установленной на границе Александровского сада и Сенатской площади. Софья впервые в такой близости видела обнажённую мужскую фигуру. Бывало, когда гуляли с семьёй по саду, мать старалась обойти это место подальше, чтобы дочь не могла узреть вульгарные, по её мнению, подробности. И вот гимназистка Анненская, не отводя взгляда, без смущения, широко раскрытыми глазами рассматривала все особенности мускулистого мужского тела.

– Геракл изображён в момент, когда он совершил свой последний подвиг, – начал Михаил.

– Ага! Вот и ошибся всезнайка Кудряшов! – стала скакать и хлопать в ладоши Софья. – Я тоже читала мифы. Здесь он после первого подвига. Вот его палица, а вот шкура льва.

Михаил улыбнулся и спросил:

– А как вы думаете, Софья Дмитриевна, почему этот герой стоит, как бы смутившись и потупив взгляд? И что же он прячет в правой руке за спиной?

Софья, разглядывая прелести Геракла, и не обратила внимания на такие мелочи, как голова и рука. Когда же она зашла в тыл скульптуре, то опять же задержала взгляд на упругих мужских ягодицах.

– А держит он в руке три яблока, – подытожил Михаил.

В богатырской ладони, действительно, скрывались три небольших плода.

– Я вот сколько смотрю на эту статую, столько удивляюсь, как же много было у древних художников иронии! – продолжил Кудряшов. – Если поставить вместе две скульптуры Геракла и Флоры, то станет понятно, почему Геракл смутился перед ней. Он же не обнажённого тела стеснялся. Нагота – обычное дело для тех времён. Ему перед богиней неудобно, что без её ведома сорвал он золотые плоды

в волшебном саду. Недавно у Флоры родился сын Карпос, что с греческого так и переводится – «плод». Скорее всего, Геракл не покажет Флоре свою добычу. Царь Еврисфей, которому служил герой, откажется принять злополучные яблоки, не они ему были нужны, он надеялся, что герой наконец-то сгинет в поисках сада на краю света. А сын Зевса подарит их своей любимой единокровной сестре Афине, а та вернёт их в сад Гесперид. Тем и закончится двенадцатый подвиг Геракла.

– Я никак не ожидала, что простую прогулку по саду вы, Михаил, превратите в такую потрясающую экскурсию. Однако у меня уже замёрзли ноги. Проводите меня домой.

А дома, в ответ на пытливые расспросы матери, Анненская младшая поведала лишь про арку адмиралтейства, откуда видны сразу три перспективы петербургских улиц.

Михаил же в это время, вдохновлённый похвалой Софьи, вприпрыжку скакал по булыжной мостовой.

С этого дня жизнь гимназиста Кудряшова превратилась в праздник, вернее в каждодневное ожидание его. Учёба ушла на второй план. Теперь он только и жил надеждой на новую встречу с ангелом Софьей.

Совместные прогулки их были нечастыми, но каждый раз Михаил выбирал такой маршрут, чтобы было о чём рассказать преданной слушательнице. Особенно он любил, когда она, взяв его под руку, прижималась к нему, и, казалось, нет в этот момент счастливее человека, нежели Михаил Кудряшов.

Он и не замечал, что Софья порой и не вслушивалась в его рассказы. Так было на Аничковом мосту, где его история про подкованных и неподкованных лошадок не произвела на Софью никакого впечатления, зато обнажённых юношей, усмиряющих вздыбленных коней, она рассматривала с нескрываемым восторгом.

Двадцать пятого апреля они совершили поход к новому каменному мосту через Неву в конце Литейного проспекта. Там собралось много любопытствующих. Всем хотелось увидеть новое электрическое освещение. А фонарей было всего-то по шесть с каждой стороны длинного моста, и собравшихся сильно удивляло, почему так мало. Когда же все фонари, все двенадцать, одновременно вспыхнули на расстоянии от берега до берега, толпа ахнула и зааплодировала. И чем дольше петербуржцы прогуливались по каменному сооружению над рекой и чем темнее становился вечер, тем, казалось, ярче разгорались свечи Яблочкова, так их назвали в честь изобретателя.

Чудесные фонари жужжали, как могучие шмели, и заливали сияющим светом всё вокруг себя, а за пределами моста всё пропадало в тягучей тьме. Когда же молодые люди вышли на набережную, то привычные газовые фонари, расположенные вдоль улиц, показались им мелкими светлячками. Софья и Михаил вновь вернулись на мост, удивляясь чудесному освещению. Чудно́ было наблюдать, как две тени пытались убежать от них вперёд, постепенно тускнели и исчезали, а сзади возникали другие, они, наоборот, укорачивались и прятались под ногами по мере приближения к фонарям. Анненская искренне радовалась этому и вертела головой:

– Смотрите, смотрите, они опять нас догоняют и убегают.

Непослушный локон-колосок капризно выбивался из-под гимназической шляпки, и Софья непрестанно привычным движением заправляла его за ушко.

– А вот ещё, смотрите! Вокруг нас сразу по четыре тени, – восторгалась она, остановившись на равноудалённом расстоянии от фонарей, но это мгновение длилось недолго, потому что сотни фланирующих парочек беспощадно затаптывали их тени, хаотично передвигаясь по мостовой.

А потом, когда они добрались до Гороховой, Софья поблагодарила Михаила за удивительный вечер и, неожиданно чмокнув его в щёку, исчезла за высокой парадной дверью.

Что творилось в душе Михаила? «Мне иногда кажется, что я птица», – вспомнились восторженные слова Наташи Ростовой. Вот и он разогнался бы сейчас и, оторвавшись от земли, воспарил бы над теми улицами и домами, скверами и садами, где они гуляли с Софьей. В душе у него всё трепетало, и казалось, что стук его сердца был слышен всем в округе.

А вот рассказать об этом Михаил никому из домашних не осмелился: Николай не поймёт, перед Марией совестно, отец ещё и выпорет. Хотя... тятенька ни разу даже пальцем не тронул Михаила. Достаточно было того, как отец вспоминал, что его самого́ пороли до самой женитьбы. Ну, и что? А ничего! Зад твердел – ум крепчал!

Впереди Михаила ждали выпускные экзамены, к которым он отнёсся без должной уважительности, думая совсем не о научных предметах. И когда ему за письменный экзамен по математике выставили «четвёрку», он совершенно не расстроился. А ведь это означало, что золотой медали ему не видать, однако серебряную ему всё-таки вручили.

Более всего этому обстоятельству радовался глава семейства: Иван Никитич закатил пир, на котором гуляли и все родственники, и все наёмные работники, и всякий заглянувший в их семейный трактир. Гордость распирала Кудряшова-старшего: «А вот, нате вам, господа дворяне. Наш-то Михал Иваныч будет поумнее ваших высокоблагородных отпрысков».

Май промелькнул незаметно. Уже и середина июня минула. За полтора месяца Михаил ни разу не встретился с Софьей. Он понимал, что у неё тоже были экзамены, головой понимал, но сердце ныло и не давало покоя. Перио-

дически прогуливаясь под окнами её дома, он надеялся увидеть в окне девичий силуэт. Но нет! Этого не случалось.

Шестнадцатого июня Михаил, одолжившись у брата Николая, купил в книжном магазине альбом для девиц и заглянул в ближайшую цветочную лавку, там узнал, что уместнее всего в его ситуации будет купить букетик ландышей, и договорился, что завтра, ближе к обеду, он зайдёт за ним. Анненская как-то сама обмолвилась, что в июне у неё два праздника: окончание гимназии и именины. Семнадцатого июня – день святой Софии.

С утра Михаил с волнением готовился посетить Анненских. В ранец спрятал подарок для Софьи.

– Мишенька, ты опять в библиотеку? Занятия в гимназии, вроде, уже все закончились? – удивилась мать, увидев сына у выхода из квартиры.

– Маменька, мне нужно!

– Может, сначала отобедал бы?

– Я потом. Не ждите меня.

И выскользнул за дверь.

В двенадцать он стоял с букетиком ландышей, обвитых розовой лентой, у парадной на Гороховой, шесть. В груди всё дрожало: правильно ли он поступает?

Набрав поглубже воздуха в лёгкие, Михаил потянул на себя дверь и, пройдя просторный тамбур, оказался перед широкой мраморной лестницей.

– К кому изволите, извиняюсь?

Моложавый швейцар с удивлением оглядывал незнакомого гостя.

– Я? – растерялся Михаил, ведь у них в доме швейцара никогда не было. – Я к Софье Анненской.

– Как прикажете доложить?

– Кудряшов.

– Дожидайтесь!

Швейцар резво взлетел по лестничному пролёту и затем, уже степенно шагая, исчез за углом.

Михаил огляделся. Стены были покрыты мрамором. Сверху, с украшенного лепниной потолка, свисала люстра. По обе стороны беломраморной лестницы стояли резные колонны. Кованые, с вычурным рисунком, перила венчали тяжёлые дубовые поручни.

«Что я здесь делаю? – Михаила мучили сомнения. – И что я ей скажу?».

Хотя он тщательно продумывал все слова для этой встречи, сейчас в голове была пустота.

– О! Каким ветром задуло к нам Мишку Кудряшова?

Наверху лестницы неожиданно появился Антон Блюменау. Впереди него, суетливо перебирая ногами, проскочил швейцар и занял своё место у входной двери.

Барон выглядел импозантно: пышная причёска с крупно завитыми локонами, синий отутюженный фрак, атласная жилетка с золотыми пуговицами, туго накрахмаленная белоснежная манишка на груди, полосатые серые брюки без штрипок, элегантные, до блеска начищенные туфли на высоком каблуке.

– Ты по-прежнему в своём замученном гимназическом мундире! – медленно проговаривая каждое слово, Антон так же медленно спускался по ковру лестницы. – А дверью ты случайно не ошибся? Это не гимназия.

– Я к Софье Дмитриевне, – предательски робея, выдавил из себя Михаил.

– Надо же! Незваный гость!

Барон говорил громко, видимо, чтобы его слышали не только на лестнице.

– Ты, Кудряшов, от учёбы совсем рассудка лишился?

Антон остановился в центре лестничного пролёта и, без того высокорослый, он царственно возвышался над Михаилом.

– Решил вручить Софье Дмитриевне букет ландышей? Она тебе что – невеста? О светских манерах тебе, пожалуй, ничего не известно. Запомни, сословное равенство закончилось в гимназии. И никогда, учти, никогда Софья не будет с тобой на равных. Ты, конечно, упёртый, и всё-таки дослужишься в чинах до личного дворянства, но голубая кровь от этого в тебе не потечёт. Ты всегда будешь купеческий сын.

Михаил, удивляясь красноречию Антона, не понимал, что же делать дальше. Барон разрешил эту проблему просто:

– Семён, помоги незваному гостю покинуть парадную.

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – и услужливый швейцар широко отворил перед Кудряшовым дверь на выход.

– Вот, учись, Мишка. Я и для тебя «ваше сиятельство»! Запомни! А теперь пошёл вон!

Из верхнего коридора раздался капризный голос Софьи:

– Antoine, tu vas bientôt?[58]

– Иду, дорогая! – откликнулся Антон и, величаво вышагивая, поднялся по лестнице.

Опозоренный, униженный, Михаил развернулся и, вручив опешившему швейцару цветы с альбомом, живо покинул парадную.

«А что? И поделом! – решил про себя обиженный Кудряшов. – Возомнил о себе невесть что!». Это, конечно, оправдывало ситуацию, но не лечило раненого сердца. Что-то изменить уже было невозможно. «Ну, хорошо! Я сделаю нечто такое, что она узнает обо мне и всё вспомнит!». = то это будет «такое»? Он не знал. Но был уверен, это «нечто» обязательно случится. Обязательно! Потом! А сейчас...

Текли ли слёзы по его щекам? Может быть. Этого можно было не стесняться. Они сливались с дождинками и те-

[58] Антон, ты скоро? (фр.)

рялись на промокшем сукне мундира. Михаил брёл, не замечая моросящего петербургского дождя.

Остановился Кудряшов, осознав, что ноги сами привели его к арке Адмиралтейства, где не так давно он блистал эрудицией перед Софьей. Михаил оглянулся: Невский и Вознесенский проспекты не просматривались из-за обильной листвы на деревьях. А вот Гороховая улица вполне себе видна. За его спиной в высоте равнодушно сверкал золотой шпиль, как древко опущенного вниз величавого трезубца. Задрав голову, Кудряшов вдруг узрел то, что никогда не замечал: каждую летящую дождинку он видел отдельно. Капли, вырвавшись из объятий тучи, испытав захватывающее чувство полёта, ударялись о его лицо и разбивались вдребезги. Всё! Они исчезали навсегда. «Интересно, а они что-нибудь при этом испытывают?». Михаил вновь взглянул на Гороховую и вдруг представил, как его пронзает центральный зубец Петровской остроги. В груди вдруг стало нестерпимо горячо. «Господи, как больно! За что мне это? И как жить дальше?».

И тут бедный страдалец Кудряшов почувствовал, что кто-то смотрит на него в упор. Вблизи никого не было. Странно! Михаил физически ощущал, как тяжёлый взгляд буравит его темя. Он стоял между двух высоких гранитных постаментов, на них возвышались огромные морские богини. Это они, нахмурив брови, осуждающе взирали на Михаила. На своих плечах нимфы держали небесный свод. «Тебе тяжело? – вопрошал их взгляд. – А ты сравни ношу свою и нашу». И этот неозвученный упрёк пристыдил молодого человека.

ЕНОТАЕВКА. 1990 ГОД

Енотаевка – село на Волге. Небольшое. Но тем не менее районный центр. Есть и свой Дом культуры, и две большие современные школы. А главное, это природный санаторий: солнце, песок, волжская притока и бахчи с арбузами. Вот именно ради арбузов оказались Пожарские здесь и обживаются теперь на новом месте, в Астраханском крае. Кто бы мог подумать, что «судьба-индейка» найдёт столь неожиданный выход из сложившейся в молодой семье ситуации. Хотя... молодой семья была лет семь назад, а теперь у Алексея и Елизаветы – сын и дочь, Петя и Маша.

Квартира, которую чудесным образом выделили Пожарским, находилась в двухэтажном доме со всеми удобствами. Это главное условие Лизы. Она согласилась перебраться в село, но ходить в деревянный туалет напротив жилья категорически была против.

Год назад у Лизаветы начались проблемы со здоровьем. Её постоянно тошнило, голова кружилась, кожа чесалась и покрывалась коростой. Ни врачи, ни лечение не меняли ситуацию, пока один из докторов вдруг неожиданно не сделал заключение: нужно поменять место жительства – помогут солнце, тепло и арбузы. Тогда-то и поехал Алексей в разведку, в Астрахань, в арбузную столицу. В областном отделе образования даже обрадовались. В сёлах был дефицит учителей гуманитарных наук, а тут сразу такое пополнение: и литератор Алексей Егорович, и историк Елизавета Сергеевна. Учитывая пожелание Пожарского о более или менее комфортном жилье, руководитель отдела кадров и предложила Енотаевку.

В двухэтажном доме, куда поселили Пожарских, на лестничной площадке второго этажа – четыре квартиры.

Все соседи удивительным образом оказались «товарищами по несчастью».

Через стенку проживали тётя Тася и дядя Гриша Гребенниковы – пенсионеры. Они сибиряки. Год назад перебрались сюда из Бодайбо, это «где золото моют в горах». Тётя Тася – искрящаяся юмором, приветливая и хлебосольная хозяйка. По ней никак не скажешь, что она паноптикум болячек: почки, поджелудочная железа, повышенное давление, инфаркт, базедова болезнь, камни в мочевом пузыре. Короче, приехала промывать витаминными арбузами организм. Дядя Гриша – крепкий коренастый мужчина, совсем не похожий на пенсионера. Мастер на все руки, умелец-изобретатель. Он устроился в местную автобазу механиком, хотя всю жизнь просидел за баранкой грузовика.

В другой квартире, напротив Пожарских, жила старушка Смирнова, баба Зина. Её сослали сюда дети. Ну, вроде как обмен. Сами они перебрались в Вологду, там у баб Зины был свой крепкий дом. Повод, вроде бы, благой для обмена: таскать воду, топить печь, чистить снег во дворе старушке было всё сложнее и сложнее, а в Енотаевке и отопление, и водопровод, и канализация – всё обеспечено. Вот только посещают её дети раз в год, приезжают в реке покупаться, позагорать да арбузов поесть, спасибо, что хоть внуков оставляют на всё лето.

Четвёртую квартиру на площадке занимала семья офицера в отставке. Белов Андрей – афганец. Вышел он на военную пенсию после контузии. Жена его Светлана, помыкавшись по гарнизонам, приобрела букет болезней, с которыми боролась уже много лет, а тут ещё и песочек зашевелился в почках, а вот арбузы, говорят, способствуют очищению почек от шлаков.

Итак, арбузная тема объединяла всех обитателей второго этажа. Но и не только она одна. По субботам собирались

соседи на посиделки перед подъездом: то арбузик, то пивко, то домино, то картишки. Большой стол и скамейки соорудил дядя Гриша. Вкапывали опоры для них Пожарский и Белов. Лопаты и лом, опять же, нашлись в гараже у Гребенникова.

Однажды в конце лета дядя Гриша предупредил соседей, что в последнюю субботу августа намечается арбузозаготовка. Он договорился с начальством, что выпишет путёвку на бортовой газончик и поедет в подшефный совхоз, там выделили бахчу для работников автобазы, а Белов на своём «Москвиче» привезёт тех, кто в силах собирать и грузить арбузы в кузов. Вместо Лизы, она чувствовала себя не очень здоровой, поехал Петя. А что? Мальчугану семь лет, вполне себе надёжный помощник.

Сначала все вместе перекидывали и перекатывали зелёные плоды на край бахчи. Тётя Тася как опытный агроном проинструктировала соседей, чтобы на арбузах обязательно оставался хвостик, обрывать полностью стебелёк не следует, с ним ягода дольше и лучше хранится. Потом дядя Гриша подогнал грузовик и началась загрузка. Двое в кузове, остальные подают им снизу полосатые шары: крупные кидали взрослые, мелкие – Петя. Управились ещё до наступления жары. Кузов «ГАЗ-53» был наполнен до краёв, даже с горкой.

Закрытые лоджии были во всех квартирах второго этажа. Все четыре лоджии до потолка, как говорится, забили крупными арбузами, а те, что помельче, перетаскали в гараж к дяде Грише. Только у него были просмолённые бочки, в них-то он и должен был засолить сладкую ягоду. Алексей впервые узнал, что арбузы солят.

– Ничего! – с хитрым прищуром пообещал дядя Гриша. – Зимой за уши не оттащишь. Исключительная закуска.

Когда закончили с разгрузкой, договорились, что все встречаются внизу – праздничное застолье.

Конечно, главным украшением стола был огромный арбуз, его специально отобрали для общей трапезы. Сладкий, сочный, с черными семечками на фоне красной мякоти. Баба Зина, у которой всегда было заведено тесто, успела приготовить пышки.

– А то что ж это, – выставляя блюдо, объяснила бабушка Смирнова, – пузо набьёшь арбузом, пописаешь, и опять голодный!

Все посмеялись, но одобрили, с аппетитом уминая пышки с пылу, с жару.

– А можно я парочку пышек отнесу Петеньке с Машей? – спросила Лиза.

– Да ты не беспокойся, милая. Они у меня на кухне уминают их за милую душу вместе с моими внуками.

– Спасибо вам, баба Зина!

– Да чего уж там!

И тут, как всегда с прибауткой, появилась тётя Тася. В руках её был поднос, накрытый полотенцем.

– Как дурной, тяжёлый сон кончился сухой закон![59] – и она сдернула полотенце.

На подносе стояли рюмки и графин с настойкой.

Компания одобрительно загалдела.

– Правильно!

– Молодец, тётя Тася!

– Давайте за арбузную баталию!

– Хорошее предложение!

– Точно!

– Обмыть – святое дело!

Рюмки наполнили. Инициативу взял в свои руки Андрей Белов, он встал и тем самым привлёк к себе внимание:

В 1985 году в СССР началась борьба с пьянством и алкоголизмом. «Горбачёвский сухой закон» завершился 24 июля 1990 года.

– Спасибо, дядя Гриша! Вы здорово нас всех организовали. Теперь, наверное, и до зимы нам хватит этого мочегонного лекарства. Таская по одному арбузу с рынка, я бы ни за что балкон не заполнил. А тут – раз! – и битком! Ну, за нашу дружную компанию!

Все поддержали и выпили.

Одним тостом не обошлось. В очередной раз сбегав за настоечкой, тётя Тася принесла ещё и балалайку.

– Ну-ка, Григорий Иванович, – обратилась она к мужу, – давай «Камаринскую».

Дядя Гриша сел поудобнее, слегка побренчал, подкрутил колки и рассыпал кончиками пальцев правой руки звонкую дробь по струнам балалайки, и та отозвалась заливчатой трелью. Сделав паузу, балалаечник стал сперва медленно, затем ускоряясь, выводить мелодию народной песни, да так, что ноги сидящих за столом сами по себе стали приплясывать. Первой встала тётя Тася. Она, подбоченившись, сделала круг и, раскинув руки в стороны, как бы пригласила и остальных пойти за ней. Глаза у всех загорелись, но никто не решался её поддержать. Тогда она запела:

Эх, ты, сукин сын, камаринский мужик,
Заголил штаны – по улице бежит.
Он бежит, бежит, попёрдывает,
Свои штаники подёргивает.

Соседи дружно прыснули от смеха. Лиза, округлив глаз, прикрыла ладонью рот, чтобы не выскочил только что откушенный кусочек арбуза. Она посмотрела на Алексея, а тот, подмигнув ей, выкрикнул:

– Давай, тётя Тася, жги!

И та, дождавшись, когда её Гриня закончит музыкальный проигрыш, продолжила:

В кабаке гульба, веселие столбом.
Расплясался, разгулялся пьяный дом!
У кого бренчат за пазухой гроши,
Эй, пляши, пляши, пляши, пляши, пляши!

Вспомнив детство и деревенскую юность, Пожарский не удержался и, выскочив на круг, стал выделывать башмаками кренделя: с пятки на носок одной ногой, потом другой, притопывал и приседал, руки то в боки, а то одна на поясе, другая на затылке, при этом кружился, вертелся, хлопал ладошками по груди, по животу, по бедрам, по стопам – одним словом, выкаблучивался и выкамаривал. Андрей Белов в такт музыки стал звонко присвистывать, засунув пальцы в рот. Остальные увлечённо хлопали и смеялись. К весёлому подъезду стали стекаться соседи по двору. Кто-то даже присоединился к пляшущим. А тётя Тася продолжала:

Снова пьяненький камаринский мужик
У трактира с полбутылкою лежит.
Все репьи собрал поддёвкою,
Подпоясанной верёвкою.

Тётя Тася, завидев ребятишек, глазеющих на пляску взрослых, что-то шепнула на ушко Пете Пожарскому, и тот стремглав кинулся в подъезд.

Алексей, видя, что Гребенникова отвлеклась, решил продолжить песню про камаринского мужика:

– Ах, ты, сукин сын, камаринский мужик!
Ты куда опять с утра босой бежишь?
– А бегу я снова, братцы, в кабачок,
Без похмелки жить не может мужичок!

Пожарский, закончив пение, притопнул ногой, выставив её вперёд, вздёрнул руки вверх и выкрикнул:

– Всё!

Дядя Гриша, пробив ещё пару раз по струнам, тоже завершил игру.

Все собравшиеся зааплодировали. И тут тётя Тася нараспев продекламировала:

Песня вся, песня вся,
Поцелуй в жопу гуся.
А если нету гуся,
То и я нагнуся!

После короткой паузы-тишины двор взорвался от хохота. Бедный отставной офицер Белов чуть не свалился со скамьи, закатываясь от смеха:

– Ну, тёть Тася, слышал всякое, такого – никогда!

– А я что? – вполне себе серьёзно ответила Гребенникова. – Это народное творчество! Я много таких прибауток знаю.

– Её если не остановить, до утра будет петь, – подтвердил дядя Гриша. – Девкой была, в деревне её никто перепеть не мог.

– А как не запеть? – не осталась в долгу Тася. – Гринька – первый парень на деревне. Как развернёт гармонь, душа сама поёт.

– Дядь Гриша, ты ещё и на гармони могёшь? – удивился Белов.

– Он у меня и на хромке, и на тальянке, и на баяне, – не унималась Тася. – Что звучит, на том и играет.

Все с восхищением смотрели на дядю Гришу, а он смущённо оглаживал гриф балалайки.

В это время, запыхавшись, прибежал Петька. В руках у него – гармошка. Недолго думая, он вручил её отцу.

Пожарский без смущения накинул ремень на плечо.

– Лёха, вот не ожидал! И ты гармонист? – удивился Белов.

– Да, было время, на свадьбах не магнитофон был нужен, а гармошка.

Алексей в энергичном аккорде развернул меха и заиграл знакомую всем мелодию «Деревеньки».

Тёть Тася запела первая, затем подхватили и остальные.

Деревня моя, деревянная дальняя,
Гляжу на тебя я, прикрывшись рукой.
Ты в светлом платочке июльского облака
В веснушках черёмух стоишь над рекой[60].

Потом до сумерек пели застольные, задушевные песни. Многие соседи из близлежащих подъездов и домов благодарили, мол, хорошо отдохнули, как на концерте побывали.

Но не все были рады подобному веселью и народному гулянью.

На первом этаже жила пятидесятилетняя Валентина Шкодина. Как раз под её окнами и происходили застолья. Валюшка в отличие от «понаехавших тут всяких» была коренным жителем Енотаевки. Она никого не любила, ни с кем не общалась. А зачем? Как приехали, так и уедут. Нелюдимая, вечно чем-то недовольная, с обиженным выражением лица, она была такой со всеми всегда и везде: не только во дворе, но и на службе. А трудилась Шкодина в районной больнице. Когда-то, по её выражению, вкалывала она медсестрой, постоянно конфликтовала с пациентами, ругала их на чём свет стоит. В конце концов руководство предложило ей или уволиться, или перейти в разряд санитарок, проще говоря, уборщиц.

---

[60] «Деревенька» – казалось бы, народная песня, она была написана поэтом Владимиром Романовичем Гундаревым (1944–1912) и композитором Николаем Михайловичем Кудриным (1926–1997).

Валентине Шкодиной, вообще-то, всю жизнь не везло. Вот говорят же, родителей не выбирают. Мать Валюшки работала техничкой в интернате, тихая, добрая, безвольная женщина. Отец плотничал в совхозе – ремонтировал деревянные ящики под овощи. С войны он вернулся увечный, без ноги. Пил, конечно. Пьяный буянил, бил мать. Трезвый – каялся и божился, что завяжет. Хватало его «завязки» на неделю. Мать жалела его. Иногда пила вместе с ним. Жили они убого, в камышитовом бараке. Закопчённые стены, вечный сквозняк и холод зимой. Неожиданно семье инвалида-фронтовика Шкодина выделили квартиру в новом двухэтажном кирпичном доме. Валюшка поступила в Астраханское медучилище. Недоучившись, вернулась домой. Принесла, как выразилась мать, в подоле. Кто отец ребёнка? Неизвестно. Слёзы, упрёки, обиды, скандалы, непрекращающиеся пьянки отца, разборки с мордобоем, крик плачущего малыша. Полная безысходность и безнадёга. Но... Бог сначала прибрал отца, за ним ушла и мать. К удивлению, Валюшка не запила. Старалась как могла, чтобы сын был сыт и одет. Повезло ей, когда неожиданно сестра-хозяйка в больнице предложила занять освободившееся место в буфете. Так она перешла на работу в столовую. С больными не контачила совсем, видела их только через окно раздачи пищи. И слава Богу! Общаться ни с кем ей и не хотелось. Сын Витя рос, как лебеда под забором, вроде, и зелень, а никому не нужна. С виду добрый мальчик. Дома никогда не грубил. Учился, правду сказать, через пень-колоду. Мать его не ругала. Была безразлична к его учёбе. Кое-как дотянул он до окончания восьмого класса. Приняли его в астраханское строительное профтехучилище. И всё! Сначала колония для несовершеннолетних. Освободился. Снова сел Витёк уже в колонию строгого режима для взрослых. Три отсидки. Вот недавно опять вышел на свободу. С матерью не живёт. Нашёл себе

подругу. Чем занимается – не понятно. В общем, матери гордиться нечем, и не до веселья ей. Смотреть на чужое счастье больно.

Первое сентября, суббота. Дядя Гриша с утра вместе с Андреем ремонтировали беловский «Москвич». Машина и так, вроде, «бегает», но опытный слух Гребенникова уловил, что двигатель на холостом ходу троит. Провозились до полудня, меняя свечи.

– Вот это ничего себе! – дядя Гриша оторопело встал перед подъездом, когда мужики пришли домой на обед.

Он указал рукой в сторону стола со скамейками. Над ними развевалось знамёнами на ветру постиранное бельё.

– Не, ну это нормально? Какой дуре пришло такое в голову? – не переставал возмущаться Гребенников.

– Догадаться не трудно, – Белов указал рукой на форточку первого этажа, куда уходил один конец бельевой верёвки. – Валюшкина идея.

Постирушки по субботам – обычное дело. А когда ещё? Большинство хозяек сушили бельё в квартирах или на балконах. Самые смелые вывешивали простыни и пододеяльники в углу двора, им при этом приходилось следить, чтобы детвора не гоняла мяч рядом и не поднимала пыль. А вот так, под окнами, да ещё и над столом – это впервые. Ко всему прочему вместе с постельным бельём Валюшка развесила и весь набор женского «неглиже»: трусы, ночнушки, комбинашки, лифчики – всё это разного цвета и широкого ассортимента.

– Вот ведь вредная баба! – не унимался дядя Гриша. – Наверное, весь гардероб свой перестирала. На себе-то хоть что-нибудь оставила?

Мужики решили, что надо отправить к Валюшке своих жён, чтобы посоветовали той не хвалиться исподним и убрать с глаз долой непотребные тряпки.

После обеда раздосадованные соседи второго этажа собрались внизу. Валюшкино бельё невозмутимо висело на прежнем месте. Шкодина, оказывается, обругала жену Андрея, а с тётей Тасей вообще не пожелала общаться.

– Ну и что, будем сидеть за столом, над которым развеваются рейтузы? – растерянно спросил Белов.

– По-моему, на кораблях морского флота вывешивают сигнальные флажки на реях, – констатировал дядя Гриша. – Вот интересно было бы знать, о чём сигнализирует нам Валюшка?

Пожарский, медленно выговаривая слова, как бы вспоминая их, продекламировал:

Задёргались, как поплавок,
У боцмана усы,
Когда подняли на флагшток
Бюстгальтер и трусы.

Мужики ухмыльнулись и одобрительно закивали.

– А что, у классиков на все случаи жизни предусмотрены стихи? – поинтересовался Гребенников.

– Не знаю, дядь Гриша. Это не из классики. Просто сам собой родился экспромт.

– Я удивляюсь вам, мужики! – Андрей Белов не удержался от восхищения. – На инструментах играете, стихи сочиняете. Поотстал я от вас, пока по горам с автоматом рыскал.

– А у меня есть предложение, – Алексей понизил голос почти до шёпота. – Давайте попробуем на Валюшку подействовать морально.

– Как это? – не понял дядя Гриша.

– Я начну, а вы поддержите. Договорились?

Мужики встали под кухонным окном Валюшки. Она явно была именно на кухне, потому что слышны были журчание воды из крана и побрякивание посуды.

– В женщине должна быть тайна, – нарочито громко начал Пожарский.

Журчание и стук на Валюшкиной кухне прекратились.

– Вот нижнее бельё носят все, – продолжил Алексей так же громко, – а выставляют его напоказ только дуры или блудницы.

Григорий и Андрей в знак того, что поняли идею, закивали головами.

Белов тоже громко выпалил:

– Эйнштейн, по-моему, сказал, что глупость – вещь бесконечная.

Алексей поднял большой палец правой руки вверх в знак согласия.

Дядя Гриша тоже не остался в стороне, вспомнив частушку:

– Выйду в поле голая,
Съест меня медведь...
Всё равно мне, бедненькой,
Нечего надеть!

Андрей прикрыл рот кулаком, сдерживая смех. После этого возникла напряжённая тишина и в квартире Валюшки, и под её окнами.

– А что, если это ценное женское исподнее снять и отнести на рынок? – предложил Белов. – Вот ажиотаж, наверно, будет?

Но Пожарский решил продолжить общественное порицание:

– Кто выставляет напоказ своё подноготное, человек этот или глупый, или неумный...

И тут на крыльце появилась сама Шкодина.

– Впрочем, это одно и то же, – уже негромко закончил Алексей мысль кого-то из философов.

Валюшкин взгляд многозначительно говорил, что «будь её воля, она бы с удовольствием уничтожила эту мужицкую братию». Андрей, пожав плечами, протянул руки сперва перед собой, потом в направлении белья на верёвке.

– Значит, дура? Ну, посмотрим!

Валюшка уверенным шагом пошла куда-то прочь от дома.

– Да идёт она лесом, – не выдержал дядя Гриша и направился к столу.

Он, ухватив крайнюю прищепку, провел ею вдоль верёвки и отодвинул всё Валюшкино бельё к столбу, к которому и был привязан один из концов этой верёвки.

– Приступим!

Гребенников вынул из кармана коробку для домино.

В это время из подъезда выскочил Петя.

– О! Первоклассник! – приветствовал его дядя Гриша. – Как прошёл первый урок?

– Хорошо! – радостно ответил мальчуган.

– Ты теперь школьник. Науки начнёшь осваивать. А вот я сейчас проверю тебя, как ты готов к этому.

Заинтригованный парнишка подошёл поближе.

– Внимательно послушай вопрос и ответь-ка мне, Петруша, на него. Летели три страуса, одного подстрелили. Сколько страусов осталось?

Петя подозрительно посмотрел на взрослых.

Отец, усмехаясь, отвернулся. Дядя Андрей пытался незаметно для Гребенникова показать два пальца.

– Деда Гриша, эту загадку ещё в детском саду задавали. Страусы не летают.

– Точно! – удивился Белов. – А я думал, два.

– А давайте теперь я вам задачку задам. На счёт. Ехал автобус по городу. В нём находилось двадцать пассажиров. Запомнили?

– Ты давай не отвлекайся, – приготовился дядя Гриша. – Что дальше-то было?

– Хорошо! – и тут первоклассник стал тараторить. – На остановке вышли шестеро, зашли двое, на следующей вышли пятеро, а сели трое, затем опять вышли пятеро, но сели уже семеро, ещё на одной остановке вышли десять пассажиров, а зашли только два, потом вышли восемь, зашли пять, наконец, никто не вышел, но зашёл один...

– Ты не части, – остановил первоклассника Белов, – не успеваю за тобой.

– Ладно, – согласился Петя. – Скажите, сколько было остановок?

– Ты что, малец? – отставной офицер был ошарашен. – Я же пассажиров считал.

Дядя Гриша заливисто рассмеялся:

– Молодец, Петяша! Купились мы на твою хитрость. Теперь наша очередь. Люди покупают это, чтобы есть, но никогда это не едят. О чём речь?

– Это тарелки, – не задумываясь, ответил Петя и сразу выпалил: – А когда небо ниже земли?

Взрослые переглянулись.

– Ну, может, в аду? – высказал сомнение Андрей Белов.

– Какой ад, Андрюша? Мы атеисты. Да и тьма там тьмущая.

– Ты так говоришь, Григорий Иваныч, как будто сам там бывал. А я вот ещё думаю, это когда на голову встать, всё вверх ногами кажется: земля – сверху, небо – снизу. А? Правильно?

– Нет! – уверенно парировал Петя. – Это только одному так кажется, и то пока он на ноги не встанет.

– Не знаем мы ответа на твою загадку.

– Да это ж просто! Когда небо отражается в луже, – довольный своей победой, пояснил Петя.

– Фу-ты, ну-ты! Точно! – восхитился Гребенников. – Знатно ты нас уел, Пётр Алексеевич! Настоящий первоклассник. Есть у меня для тебя по этому поводу подарок. Подожди-ка, пока я наверх поднимусь.

Дядя Гриша скрылся в подъезде, а в это время из-за угла дома появилась парочка: Валюшка и с ней незнакомый парень в спортивных штанах странного зелёного цвета, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами и в кепке, надвинутой на брови.

– Вот эти, – указав на Алексея и Андрея пальцем, Валюшка быстро ушла домой.

Незнакомец сел напротив Пожарского и Белова, нагло всматриваясь в их лица. Петя спрятался за спину отца.

– Ну что, фраера, косяк за вами? А за базар надо отвечать, внатуре, – медленно, кривя губы, проговорил незваный гость.

– Ты о чём это, мил человек? – Андрей Белов обратил внимание на татуировки пришедшего парня. – Ни здрасти, не представившись!

– Ты тут, как я понимаю, за пахана?

Непрошенный визитёр вынул из закатанного рукава кинжал. Собственно, это был кухонный нож с деревянной ручкой, но вот лезвие заточено было с двух сторон.

Алексей подтолкнул Петьку к крыльцу:

– Иди домой! Молча и быстро! Маме ничего не говори.

Сначала пятясь, затем стремглав, мальчик скрылся в подъезде.

Поигрывая ножом, незнакомец нагнетал обстановку:

– Я бы мог тебе сразу мурсало покоцать, но имеешь право знать, за что?

– Послушай, – Белов взял на себя инициативу общения с уголовником, – ты, судя по наколкам, вор авторитетный,

три ходки. Но всё-таки вор, а не мокрушник. Убери нож. Давай поговорим спокойно.

– А вы зачем на мамку наехали? Я за неё могу и поменять статью.

Стало понятно, кто это. Значит, сильно мужики достали Валюшку, если пожаловалась на них сыну-уголовнику.

– Не знаю, как вас звать-величать, молодой человек, но мы сегодня и пообщаться-то не успели с вашей матушкой.

– Да вы достали её уже, то орёте допоздна под окнами, то бельё тырите, а то обзываете паскудно.

– Сам понимаешь, после трудов праведных грех не отдохнуть под рюмочку да под гармошку. Тут весь двор гулял, не только мы одни. А бельё всё в целости и сохранности. Вот, висит у столба.

– Харэ фуфло гнать, фраерок! – видно было, что блатной теряет терпение. – Дурой мамку кто называл? А проституткой? Я тебя и всё ваше кубло здесь, как яйца пасхальные, распишу.

И сын Шкодиной неожиданно ткнул ножом в направлении лица Белова. Андрей увернулся и встал. Удивительно, но на его левой руке уже был намотан фартук, в котором он час назад возился у машины. Пожарский тоже встал, но Белов отстранил его:

– Лёха, не вмешивайся. Я сам разберусь с этим уркаганом.

Шкодин первым вышел из-за стола, приглашая и Белова:

– Ну, давай, выходи на кипиш! Ты, я вижу, борзой? Я же тебя, тля поганая, щас гасить буду!

– Хватит собачиться! – неожиданно на крыльце появился дядя Гриша с двустволкой в руках. – Ты что тут распустил пальцы веером, а сопли пузырями?

– Во! Вся шобла в сборе! – видно было, что Шкодин растерялся, но не в его правилах было сразу сдаваться, и он перестроился на Гребенникова. – Ты на кого решил

наехать, падла? Рамсы попутал? Спрячь свою пукалку! Ну всё, суки, приплыли! Я вас по одному мочить буду!

– Значит, так, недоумок гунявый! – Гребенников был настроен решительно. – Ты сейчас спокойно берёшь жопу в кулак и чешешь отсюда по-быстрому.

– Или что?

– Или я загоняю твои шары в одну лузу, и конец игре в бильярд на твоём зелёном поле.

Дядя Гриша взвёл один из двух курков и навел ствол на зелёные штаны в район промежности.

– Да у тебя кишка тонка, дядя! – не унимался Шкодин. – Не на того волну гонишь!

И тут раздался глухой хлопок, как будто воздушный шарик лопнул.

Шкодин подпрыгнул, выронил нож и схватился обеими руками за причинное место, зелёные штаны там быстро намокли, и тёмная струйка нарисовала путь к коленям.

– Ты что творишь, волчара? – испуг Шкодина был неподдельным. – Это ж беспредел!

– В поле ветер, в жопе дым, – дядя Гриша взвёл курок второго ствола. – Будешь вечно молодым!

Он направил ружьё на шкодинскую грудь.

Семеня, вприпрыжку, не оглядываясь, незадачливый урка быстро слинял прочь со двора.

– Ну ты даёшь, дядя Гриша! – изумился Белов. – Ты ему и вправду отстрелил причиндалы?

– Да ты что, Андрюха? Холостые. Немного пороха и пыж.

– Да у него все штаны были в крови.

– Это он обоссался!

И мужики дружно рассмеялись.

– Но давайте, ребята, – Гребенников понизил голос, – договоримся так: стрельбы не было, ружья тоже. А нож этот...

Алексей уже хотел его поднять.

– Стоп, Лёха, не трогать.

Белов, вынув носовой платок, аккуратно завернул в него самодельный кинжал. И вдруг его как будто осенило:

– Григорий Иванович, а как ты так быстро сообразил и сразу с ружьём спустился?

– Так это... Петька, запыхавшийся, рассказал, что на вас кто-то с ножом напал. Я его домой отправил с шоколадкой, обещал ведь подарок, а сам к вам на выручку.

– Спасибо, Иваныч! А правильно, что ты его в нужное место приголубил. Если бы просто в воздух пальнул, мы бы ещё долго с этим уродом препирались.

Гребенников уже отделил приклад от стволов.

– Да чего там! Нормально всё!

Сверху спустилась Лизавета.

– Что у вас тут происходит? Петя сам не свой. Ничего не говорит, но и от окна не отходит.

– Отличный парень у тебя, Лизавета, растёт, – похвалил её сына Гребенников, пряча за спиной разобранное ружьё. – Мы тут его экзаменовали, так он нам сам проверку устроил.

Дядя Гриша подмигнул Алексею и глазами намекнул, чтобы тот увёл жену.

– Ну что ты разволновалась? Пойдём домой.

Пожарские удалились.

– Чует моё сердце, это не конец истории, – предположил Белов. – Этот придурок не успокоится.

– Да и чёрт с ним, с убогим! Пойду-ка я ружьё почищу.

Продолжение случилось уже в понедельник.

На школьной перемене к Пожарскому в учебный кабинет заглянула секретарша:

– Алексей Егорович, звонили из отделения милиции. Вас разыскивает капитан Свиридов из милиции. Вот я записала его данные.

«К чему бы это?» – подумал Алексей.

После уроков Пожарский отправился на край села, там находилось районное УВД. Дежурный выписал пропуск и назвал номер кабинета, где находился капитан.

Алексей постучался и вошёл.

– Здравствуйте, я Пожарский.

– Проходите, Алексей Егорович. Приятно познакомиться. Капитан Свиридов Евгений Евгеньевич. Мне сын все уши прожужжал после первого сентября. Мол, у них новый учитель русского языка и литературы, да ещё и мужчина. Редкое сочетание. Мужиков и так мало в школах, а уж русский язык, мне казалось, преподают только женщины. Если честно, удивлён и восхищён.

Алексей молча выслушал капитана, полагая, что не для слов восхищения его вызвали в милицию.

– А вы откуда приехали к нам?

– Из Литвы. Есть там молодой город атомщиков Снечкус. Работал в райкоме комсомола. По образованию я филолог. Сюда приехал с семьёй, так сказать, за витаминами и погреться.

– Это вы верно заметили – витамины. Их у нас хоть отбавляй. Да и жара под тридцать – полгода. А мы с вами, Алексей Егорович, в одном горниле закалялись. Я в Астрахани оттрубил в комсомоле семь лет, от инструктора до второго секретаря обкома. Теперь вот по призыву партии служу в оперативно-розыскном отделе. А знаете, у меня имеется отличный растворимый кофе «с индианками». Не желаете?

– Не откажусь.

Капитан подключил электрочайник, достал жестяную коричневую банку, сахарницу, стаканы – всё это расставил на приставном столике у стены.

– Нам бы по-комсомольски пузырёк раздавить за знакомство, но нельзя. Ограничения в торговле алкоголем,

вроде, отменили, но в органах всё ещё строго. По крайней мере, внутри стен.

Свиридов разлил кипяток и предложил Пожарскому самостоятельно, по вкусу, насыпáть себе кофе и сахар.

– Ну, за комсомол! – и «коллеги» чокнулись стаканами.

– А как там, в Литве, обстановка? Политическая, общественная, ну и вообще.

– Если честно, тревожная. Допустим, в Снечкусе, это город в основном русскоязычный, спокойно. А вот в Вильнюсе постоянные митинги, собрания, призывы к самоопределению. В магазинах пусто. Горбачёва[61] ненавидят. Это с его посыла Литве объявили экономическую блокаду. И теперь всем управляет там не партия, а «Саюдис» – литовское общественное движение за независимость.

– Да, трясёт наши национальные окраины. То в Якутии заваруха, то в Казахстане. Ладно, вот Эстония объявила о независимости тихо, мирно. А что творится в Баку, в Душанбе, в Кишинёве? Льётся кровь. Как думаешь, Алексей, чем всё это закончится?

– Не знаю!

– Вот и я не знаю!

– Мне по возрасту давно уже было пора перебираться из комсомола, – Алексею вдруг вспомнилось. – Тоже хотел в органы податься там, в Снечкусе. Зашёл к знакомому начальнику УВД, а он мне: «Да ты что? Какая милиция? Я сам не знаю, где окажусь завтра. Хорошо, если не за решёткой!».

– Во как?! Да, у нас тоже бардака хватает. Я четыре года в органах, и за это время уже четыре министра внутренних дел сменилось. И когда уже эта перестройка закончится? Ты представляешь, в Российской Федерации объявили

---

[61] Михаил Сергеевич Горбачёв (1931–2022) – государственный и партийный деятель СССР. Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991).

верховенство республиканских законов над союзными. По примеру национальных республик. Это что? Хана Союзу?

Пожарский молчал. Видно было, что Свиридову хотелось выговориться. А вот Алексей не готов был откровенничать с ним дальше.

– Да, понимаю, вопрос риторический. Надеюсь, что всё обойдётся. Dum spiro spero – надежда умирает последней!

– Пока дышу, надеюсь! – зачем-то поправил Алексей.

– Ну да! Вот только беда, что всякая шушера в это смутное время наглеет. Каждый день грабёж, разбой, поножовщина. Я вот зачем вас пригласил.

Пожарский пожал плечами и насторожился.

Свиридов пересел за рабочий стол, жестом пригласил Алексея сесть напротив, придвинул к себе папку с бумагами.

– Пока вы с ребятишками в школе литературу изучали, в вашем доме, в вашем подъезде произошла драка с применением холодного оружия. Вы в курсе?

– Нет! А что?.. Когда? – забеспокоился Пожарский.

– В десять утра в дежурную часть поступил сигнал от гражданки Зинаиды Степановны Смирновой. Вы её знаете?

– Да. Соседка по площадке. Живёт напротив.

– Так вот, гражданка Смирнова сообщила, что три грабителя ворвались в квартиру Гребенниковых. Они вам тоже знакомы?

– Да! Тётя Тася и дядя Гриша.

– Вот как? Интересно. А они по документам Анастасия Васильевна и Георгий Иванович.

Пожарский пожал плечами.

– Когда по адресу вызова прибыла оперативная группа, то застала такую картину: в квартире Гребенниковых находился другой ваш сосед, Белов Андрей Дмитриевич. Он один стоял, все остальные лежали. Анастасия Васильевна без сознания. Георгий Иванович с ножевым ранением в области живота. Трое нападавших лежали уже связанные.

– И как они сейчас, Гребенниковы?

– Георгий Иванович в больнице, ему сделали операцию. Вроде, всё обошлось. Анастасия Васильевна после осмотра от госпитализации отказалась.

– Слава Богу!

Свиридов с подозрением посмотрел на Алексея Егоровича, усмехнулся. А затем жёстко и строго, глядя в упор, спросил:

– Вас в это время дома не было?

Капитан пристально всматривался в глаза Пожарского.

– Я был в школе, – разделяя каждое слово, проговорил Алексей.

– Да, мне об этом сказала секретарша. Но вот странность. Один из задержанных указал на вас, что вы были в компании, которая напала на него в субботу, а затем, уже сегодня, избила его, связала и отнесла в квартиру Гребенниковых.

Пожарский округлил глаза.

– Евгений Евгеньевич, я с восьми утра был в школе. У меня шесть уроков. Это и завуч может подтвердить, и дети.

– Да вы не волнуйтесь, Алексей Егорович. Всё именно так и есть. С завучем я уже беседовал. Почему же именно на вас указал Шкодин?

– Шкодин? Это сын Валюшки?

– Шкодин Виктор Александрович, сын Валентины Ивановны Шкодиной, проживающей в квартире номер один в том же подъезде, в котором живёте и вы.

– Понятно!

– Что вам понятно? Поясните!

И Пожарский рассказал про субботнюю историю с бельём и про встречу со Шкодиным. О ружье упоминать не стал.

– Нож у него отобрали, он им махал перед нами и грозился всех «замочить».

– Теперь и мне понятно, – уже не так строго сказал Свиридов.

Он выдержал паузу, полистал бумаги в папке.

– Вы уж извините, что с таким пристрастием задаю вам вопросы, Алексей Егорович. Я обязан отработать все версии. То, что именно шкодинская банда напала на Гребенниковых, не вызывает сомнения. На всех ножах отпечатки только их пальцев. И Георгий Иванович, и Анастасия Васильевна показывают именно на этих бандитов. Двое ворвались с ножами, сразу ударили Гребенникова в живот, Анастасию Васильевну обухом по голове, она потеряла сознание. Искали ружьё. И тут появился Андрей Николаевич Белов. Всё произошло, видимо, очень быстро: два удара, и два грабителя лежат. Белов их связал, принёс с лестничной площадки ещё и связанного Шкодина, его он первым обработал. Тут и наши оперативники подоспели. Выяснилось, что своих подельников позвал из Астрахани Шкодин. Только вот признаться, что один Белов уложил троих рецидивистов, им не хочется. Вот они и придумали, что и вы были там, а они, мол, безвинно пострадавшие, маму друга пришли проведать.

Пожарский только и мог что пожать плечами, но всё же пояснил:

– Андрей Белов служил в Афганистане. Рассказывать об этом он не любит, но вот однажды... Мы вместе собирали арбузы на бахче. Накидали полный кузов. Машина тронулась, и один из арбузов вдруг перепрыгнул через борт. Вот тут Андрей и проявил невероятную реакцию и силу. Он на лету пронзил зелёный шар рукой насквозь. Представляете? Как шпагой. Ещё и пошутил: «Так не доставайся же ты никому!».

– Да, я в курсе, что Белов служил в спецназе, для него эти урки на понтах – лёгкая разминка. А как вы думаете,

откуда уголовникам было известно про ружьё Гребенникова?

– А что, это разве тайна? Известное дело, дядя Гриша приехал из Сибири. Там все мужики имеют ружья. Он и байки всякие постоянно рассказывал, говорил, что у него в тайге своя деляна охотничья была. А двустволку он официально зарегистрировал сразу же, как приехал в Енотаевку.

– Да, это так! Мы проверили. И хранил оружие отдельно от патронов и пороха, как положено. Кстати, ружьё в разобранном виде висело на вешалке под одеждой за входной дверью. Криминалист сказал, что стволы были свежепочищенными.

Свиридов опять внимательно посмотрел на Пожарского. Тот пожал плечами.

– Я не охотник. Ничего в этом не понимаю.

– Спасибо, Алексей Егорович, что всё подробно пояснили по настоящему делу.

– И что будет с этими бандитами?

– Как положено, сядут. У них ещё и отягчающие обстоятельства: применение холодного оружия, попытка выкрасть огнестрельное, ещё и в составе организованной группы. Срок им определит суд. А вам ещё раз спасибо. Может быть, как-нибудь пообщаемся в неофициальной обстановке? А? На берегу протоки. Я всё организую. Как смотришь, комсомольский вожак?

– Я не против.

– Давай пропуск подпишу. Ну, до встречи.

Вышел Пожарский из УВД изрядно припотевшим. Что это было? Допрос? Беседа? Вроде бы, и не проговорился он про ружьё, но от взгляда капитана до сих пор мурашки на спине. Так, что дальше? Надо срочно проведать дядь Гришу. Но сначала домой. В душ.

Дома Елизавета со слезами кинулась на грудь мужа:

– Ты знаешь, что случилось?

– Да, дорогая.

– Это же ужас! Как такое возможно? Уголовники среди бела дня ходят по квартирам. А если бы мы были дома? Они бы могли и к нам вломиться!

– Лиза, не нагнетай, пожалуйста.

– Алёша, мне страшно!

– Давай успокоимся. Дети дома?

– Да, в детской играют.

Алексей увлёк Елизавету на кухню и, притворив дверь, объявил:

– Меня вызывали в милицию. Выясняли, что я знаю про нападение на Гребенниковых.

– А ты что-то знаешь?

– Я тебя прошу, выслушай всё спокойно. В субботу сын Валюшки приходил во двор выяснять с нами отношения из-за её белья. Ну, ты же знаешь, она вывесила его над нашим столом. В общем, у Шкодина был нож. После того, как этот нож мы у него отобрали, он ушёл, но явно был очень обижен, особенно на дядю Гришу.

– И ты мне ни слова об этом не сказал?

– Прости, я не хотел тебя расстраивать. Поверь, я и сам был тогда напуган и расстроен. Смотреть, как перед тобой размахивают ножом, удовольствие не из приятных. И что, я должен был тебе рассказать, что струсил?

– Ты же говоришь, что вы вместе отобрали у него нож.

– Ну, про себя я преувеличил. У меня ноги были как каменные, а руки – словно деревянные. Это Белов и дядя Гриша проявили хладнокровие и смелость. Теперь стало понятно, что озлобленный сын Шкодиной позвал своих друзей-уголовников, они-то сегодня утром и напали на Гребенниковых. Молодец Андрей, он в одиночку расправился с бандитами.

– Да, мне об этом баба Нюся рассказала, она стояла на балконе, когда заметила внизу перед подъездом троих мужчин. Они договаривались, что двое ворвутся в шестую квартиру, а третий останется на площадке подстраховывать. Баба Нюся сначала позвонила в милицию, а потом уже, не дождавшись их, сообщила по телефону Андрею Белову. Хорошо, тот был дома, а то Бог знает, что бы было с дядей Гришей и тётей Тасей.

Алексей обнял свою фею:

– Ты только успокойся, пожалуйста. Всё уже позади. Уголовники арестованы. Все живы. Кстати, надо бы проведать дядю Гришу. Если ты не против, я бы прогулялся до больницы с Петей.

– Я не против, но ты сначала в душ, пожалуйста, а то благоухаешь, как бурлак.

– О! У тебя богатый опыт общения с волжскими ярыгами?

– Не умничай! Быстро в душ! Всё чистое я тебе приготовлю.

Неугомонного дядю Гришу медсёстры никак не могли уговорить соблюдать постельный режим. Уже через пару часов после операции он прогуливался по больничному коридору. Очень обрадовался, увидев Пожарских.

– А вам можно вставать? – удивился Алексей.

– Эх, Алёшка, если слушаться врачей, то мне пожизненно лежать. Я весь исполосован скальпелем. Аппендицит, две грыжи, вот теперь ещё и бандитским ножичком помеченный. И что? Внутренние органы целы, а пузо заживёт, как на собаке. Пойдём-ка в садик прогуляемся.

Вышли на свежий воздух, Петя убежал на детскую игровую площадку. Взрослые по садовой аллейке удалились подальше от чужих ушей, тут Гребенников и спросил о главном:

– Как там, в деле фигурирует ружьё?

– Меня вызывали к дознавателю. Он интересовался, почему грабители искали ружьё именно у вас.

– Ну и?

– Как и договаривались, я мол, ничего не знаю. А Шкодин, сын Валюшки, скорее всего, тоже про субботний выстрел промолчал.

– Ясное дело! Тогда бы надо было рассказать и про то, что он обмочился. А для блатных это позор.

– Надо же, никогда бы не подумал, что кодекс воровской чести будет и нам на руку.

– Да уж! Я, конечно, сгоряча пальнул. Но по опыту знаю, эта публика только силу уважает и напор, иначе наглеет.

Прибежал Петя:

– Деда Гриша, а вот вам рану нитками зашивали, это больно?

– Нет, Петяша, что ты! Как комарик укусил, раз и всё!

– А татуировку сделать – больно?

Алексей и Гребенников переглянулись.

– И что это тебя так заинтересовало, внучок?

– А вот у вас на пальцах написано «ЕГОР» и не стирается, – Петя указал на левую руку деда Гриши.

– Да, я тоже хотел спросить, почему «Егор», а не «Гриша»? – поддержал старший Пожарский младшего.

– История эта давняя. Мне годков тогда было, наверно, как тебе, Петяша. Глупость детская. Хотелось выглядеть постарше. Вот мы и занимались таким баловством. Прятались за амбарами, курили там махорку. Меня однажды отец за этим делом застукал. Ну и размазал цигарку по губам. У меня потом долго под носом всё опухшее было из-за ожогов, махорка, она не сразу гаснет. Правда, с тех пор больше никогда не курил. Батькин урок впрок пошёл. А почему «Егор»? Да так меня от роду все звали. Село наше Медвежка небольшое было. Родители набожные. А что? Десять лет всего после революции. Всех крестили. Вот

священник и поименовал меня в честь Георгия Победоносца. Так в святцах и записали, а потом уже в сельсовете зарегистрировали. Ну а в народе всех Георгиев или Егорами величали, или Юриями. Это ж одно имя: Юрий-Гюргий-Егорий-Георгий. «Землепашец», значит, по-старинному. Окликали меня все Егорушкой. Я и не сомневался в том. Ссыльный у нас в деревне был, вот он за какую-то плату, уж и не упомню: за яички, пирожки, лепёшки – нам ребятишкам и накалывал, кому якорь, кому имя. А вот когда в армию призывали, то выдали мне справку в сельсовете, тогда я и узнал, что звать-то меня Георгий. Сослуживцы посмеивались надо мной, мол, церковное какое-то имя у меня и предложили звать Гошей или Гришей. Я согласился на Гришу. Вот так среди сослуживцев я превратился из Георгия в Григория. А в селе жить после армии я не стал. В кои-то веки мне как демобилизованному выдали паспорт. А в сельсовете потребовали его сдать. Никто из крестьян паспортов ведь не имел. А я не сдал. Сбежал в Караганду. Там рабочие руки требовались. Это уж потом я перебрался в Забайкалье. С паспортом – свободный человек.

– А я тут случайно узнал, что тётя Тася вовсе и не Таисия, а Анастасия, – решил уж и это выведать Алексей.

– Да тут всё проще. У жёнки моей есть сестра Анна. Так в деревнях и Анну, и Анастасию по-простому Нюськами звали. Вот отец их и разделил: Анна – Нюська, Анастасия – Таська. Так и пошло. Привыкла она Тасей быть.

Гребенников решил повернуть разговор в другую плоскость:

– А я вот вспомнил тут, пока без дела валялся на больничной кровати, труднейшую загадку. Справишься, Пётр Лексеич, или нет?

– Загадывайте!

– А скажи-ка, о ком это идёт речь: два-ста бодасты, четыре-ста ходасты, один махтун, два ухтыря.

Мальчуган удивлённо вскинул брови.

– Да, Пётр Лексеич, это очень сложная загадка.

– Если честно, деда Гриша, я вообще ничего не понял. Ты по-болгарски что ли говоришь?

– Почему по-болгарски? На чистом русском народном языке, мне её мой дедушка загадывал: два-ста бодасты, четыре-ста ходасты, один махтун, два ухтыря.

Петя задумался. Поджал губы. Покачал головой из стороны в сторону. Разгадка на ум не приходила.

– Тут какой-то подвох, – высказал он сомнение.

– Может быть! – согласился дядя Гриша. – Ты подумай.

Поначалу шли домой молча. Потом Петя не выдержал и спросил:

– Пап, а ты знаешь ответ на дед-Гришину загадку?

– Да! Мне её тоже как-то давно мой дедушка загадывал.

– И в чём секрет?

– Видишь ли, сынок, эта загадка для сельчан, а ты городской мальчишка, поэтому значение слов из загадки тебе сложно представить образно.

– И что же это такое?

– Это бык или корова.

– Как это?

– Два-ста бодасты – это два рога. Четыре-ста ходасты – четыре ноги. Один махтун – хвост. Два ухтыря – уши. Вот и всё! Загадка про быка.

– Ну это же нечестно!

– Почему?

– Нет таких слов: ухтырь, махтун, бодаста, ходаста.

– С точки зрения обиженного человека, который не смог догадаться, ты прав. А если подумать, то такие слова вполне могли бы быть. Они созданы по аналогии с другими словами. Ты же часто употребляешь слово «пожалуйста»? Оно такое же, как и «ходаста» или «староста». «Махтун» –

похоже на «хвастун», «болтун». «Ухтырь» – на «богатырь» или «монастырь».

Опять молча шагали по пыльной дороге.

– А ты бы мог дать мне восемьдесят копеек? – неожиданно спросил Петя.

– Зачем?

– Куплю шоколадку «Алёнка». Отдам деду Грише. Он же выиграл.

– Нет, сынок, не стоит. Во-первых, вы не спорили на приз. Во-вторых, он дал тебе шоколадку не только за отгадки. Это было поздравление тебя с первым сентября, подарок первокласснику.

– Правда?

– Конечно!

– Но всё равно деда Гриша молодец! Он мне хороший урок русского языка преподал.

Алексей приобнял сына и прижал к себе, порадовавшись за него, что он необидчивый. Повезло Пете. Пусть получит удовольствие от общения с дедушкой Гришей, родных-то дедов у него нет.

Поздно вечером, уложив детей спать, Лиза и Алексей на кухне, сидя за столом напротив друг друга, продолжили разговор о произошедших событиях.

– Мы тут, пока вы с Петрушей в больницу ходили, с соседками пообщались. Пришли к выводу, что Валюшка – несчастная женщина. Всё время одна. Никого у неё нет. Единственный сын, и тот лишь несчастья приносит.

– И что? Пожалели её? Так ведь это она и натравила своего Витеньку на нас. Не знала, чем всё закончится? Он ведь у неё уже трижды в тюрьме сидел. Сядет теперь опять и надолго.

– Да не о нём речь! Это же беда Валентины. И за что ей такое наказание – сын уголовник. Может, она потому и не общается ни с кем, что стыдно. Чем ей поделиться с нами?

– Женская солидарность, да? Вот какая несчастная Валюшка Шкодина! Сын у неё уголовник, а-я-яй! Бедная-пребедная!

– Не ёрничай, Князь. Это тебе не к лицу!

Алексей, напротив, прибавил иронии:

– Она всю жизнь одна горбатилась на него, а он не оправдал её жертвы. Надо же! Да не в жертвенности дело, Лиза. Дело в том, любит ли Валюшка своего сына? И любит ли Шкодин свою мать? Вот Сашка Соломов, друг наш незабвенный, на себе во всём экономил, а домой каждый месяц деньги пересылал, у него ведь ещё две сестрёнки младшие были. И мать их всех троих одна воспитывала. Вот она любила своих детей. И Сашка любил свою маму по-настоящему. Когда с Соломовым прощались, она рассказывала, что Сашка звал её переехать к нему из коммуналки сразу же, как он квартиру получил в Снечкусе. Но она не хотела мешать его счастью. Вдруг найдёт себе суженую.

– Да, я помню это её причитание на похоронах, какой он хороший был, добрый, заботливый. Санька действительно большого сердца был человек, такой искренний, честный и благородный.

– Это точно! Ребята из отряда «Поиск», мальчишки-школьники, в нём души не чаяли. Он им и за командира, и за старшего брата был, бережно опекал и душевно привечал. А как берёг? Сколько неразорвавшихся снарядов разминировал?!

– Я так и не смогла понять, как такое возможно: молодой, пышущий здоровьем парень за месяц увял и ушёл из жизни.

– Да, просто кошмар!

Супруги, каждый думая о своём, на некоторое время умолкли. Алексею вспомнилось, что Соломов дважды звал его в поисковую экспедицию, но не срослось. Сначала смерть отца Лизаветы его остановила, они тогда втроём

с Петей уехали в Ленинград. В другой раз Алексей улетел в Казахстан, ушла из жизни его мама в Бугровке. В тот год команда Александра Соломова подняла из болот останки пятерых красноармейцев. Троих удалось опознать по сохранившимся «смертным медальонам». А Сашка всё мечтал найти без вести пропавшего деда. «Вахта памяти», так назвали акцию по розыску и перезахоронению павших в боях Великой Отечественной. Соломов всегда тщательно готовился к поисковой экспедиции, тренировал членов отряда, прививал им навыки походной жизни. К нему записывались парни со всей Литвы, желая принять участие в экспедиции. Сашка вёл строгий отбор. Организовывал обязательный медицинский осмотр. Проводил сборы в летних военно-патриотических лагерях. Ни одного несчастного случая не было в его отряде. Беда случилась в самые жаркие дни июля. Соломов только что вернулся из отпуска, а проводил он его под Новгородом, опять же в болотах, где проходили ожесточённые бои в 1942 году, в так называемом «Демянском котле»[62]. Сашка был в той экспедиции в качестве рядового участника поискового отряда. Вернулся Соломов с температурой. Как он умудрился подхватить воспаление лёгких? Лето было жаркое. Ужасное началось во время госпитализации. Поражёнными оказались не только лёгкие, но и многие внутренние органы. Это было необъяснимо. Врачи так и не смогли понять, почему вдруг появилась внезапная почечная недостаточность, затем воспалилась поджелудочная железа, а когда отказалась работать печень, спасти Сашку уже было нельзя. Во время похорон Александра Викторовича Соломова над его могилой прозвучал троекратный салют. Только тогда все узнали, что Сашка был награждён орденом Боевого

[62] Демянская фронтовая операция. Там полегло – о ужас! – четверть миллиона советских военнослужащих.

Красного Знамени. Конечно, поползли слухи о незримых бактериях, которые проникли с воздухом в лёгкие Сашки при раскопках, про трупный яд, которым он случайно заразился, про то, что покойники, которых он потревожил, забрали его с собой. Верить в это атеисты-коммунисты не могли, но и объяснить, почему молодой, вчера ещё здоровый парень вдруг скоропостижно скончался, никто не мог.

– А помнишь, как он на нашей свадьбе отплясывал? – Алексей улыбнулся, вспомнив ещё и это. – С круга не сходил!

– Я тебе никогда не говорила, Санька перед твоим появлением в Снечкусе объяснился мне в любви.

– Вот это откровение! А ты что же?

Лиза обошла стол, уселась на колени к мужу, обняла его, поцеловала в щёку.

– Я не могла ответить ему взаимностью. Он был инструктором в моём отделе, то есть подчинённым, младше меня на пять лет, и потом... Я не его ждала.

– А кого?

Лиза взъерошила волосы Алексею.

– Я ждала великого князя. И он пришёл ко мне.

Алексей обнял свою любимую фею и поцеловал её в губы.

Дверь на кухню отворилась и из-за неё появилась голова Пети.

– Вы целуетесь тут, а ваш сынок дорогой никак уснуть не может!

Пристыжённые родители всполошились.

– Почему?

– Что случилось?

– А пусть папа со мной рядом посидит.

– Хорошо, Петя, пойдём.

Когда сын, укутанный в одеяло, был уложен, отец присел рядом с ним.

– И что тебя беспокоит? Почему не спится, сынок?

– Мне деду Гришу жалко. Я понимаю, что он виду не показывает, а всё-таки это больно, когда тебя ножом проткнут. Я как-то палец порезал и то плакал. Может, я зря сделал, что ему в субботу сказал, что тот дядька на вас с ножом напал? Он же сегодня мстить приходил.

– Не переживай из-за этого, Петя. Ты сделал всё правильно. С дядей Гришей всё хорошо, ты же видел, какой он бодрый.

– Да! И весёлый!

– Вот! А если бывает больно, то мужчины терпят и не подают вида, ты это верно подметил.

– Я теперь тоже терпеть буду, а не плакать. Я уже большой, в школу хожу.

– Правильно! Ты молодец! Маме ведь ты ничего не сказал в субботу. Женщин беречь нужно. Они очень быстро расстраиваются и сильно переживают.

– Я знаю! Помнишь, дядя Андрей арбуз рукой проткнул? Я потом на балконе тоже попробовал это сделать, чуть палец не сломал. Мама увидела распухший палец, заплакала.

– Дети не должны повторять то, что делают взрослые, сынок. Придёт время, и ты всему научишься.

– Скорей бы! А почему деда Гриша старенький, но живой, а мои дедушки умерли?

Алексей был удивлён, что его малыш думает о смерти. Когда-то подростком он и сам задавался этим вопросом: почему одни люди умирают, а другие продолжают жить. Но вот озвучить свои сомнения он не решался, а Петя спросил. Теперь надо как-то объяснить это сыну.

– Вот если ты возьмёшь ручку и проведешь по чистому листку бумаги линию, потом другую, потом ещё одну, ещё и ещё, пусть они будут разные: короткие, длинные, прямые, волнистые. У каждой из них будут начало и конец. И, заметь, они в том не виноваты, что неодинаковой длины.

Вот так и люди. Всем предначертаны начало и конец. Всем по-разному. Я не знаю правильного ответа, почему одни умирают раньше других.

– Я тоже умру?

– Ты будешь жить долго-долго! У тебя будут дети, внуки, и ты будешь счастливым.

– А ты?

– А я буду радоваться, глядя на вас.

– А мама?

– Мы будем радоваться вместе с мамой.

– А я буду вас беречь!

– Спасибо, дорогой! А сейчас – спать! Завтра в школу. Давай я тебя поцелую, а ты закрывай глазки. Спокойной ночи!

Елизавета встретила Алексея нетерпеливым вопросом:

– Уснул?

– Надеюсь.

– А что случилось-то?

– Растут наши дети, Лиза! Петруша вот задумывается о жизни и смерти.

– С чего это вдруг? Что произошло?

– Спрашивал, почему у него нет дедушки.

– И что ты ему ответил?

– Выкрутился. Однако у меня есть предложение. Давай на каникулах проведаем твою маму в Ленинграде. Пусть дети чаще общаются с бабушкой. Она у них одна. Я думаю, Пётр уже созрел, чтобы рассказать ему о твоих предках, Кудряшовых. Помнишь, ты мне показывала дом напротив Главпочтамта, там, где жил твой прадед с семьёй? Думаю, стоит Пете показать и тот документ, в котором сообщается, что Иван Иванович Кудряшов был арестован в 1930 году, а в 1989 году реабилитирован как незаконно репрессированный. Пора узнавать историю семьи.

Лиза бросилась в объятия мужа.

– Спасибо! Я не решалась тебе предложить, а ты сам это сделал. Я сильно-сильно тебя люблю!

– А скажи, как ты себя чувствуешь?

– Намного лучше, чем в Снечкусе.

– Тогда вот тебе княжеский наказ: набирайся побольше солнца и витаминов, чтобы их хватило для поездки в холодный и дождливый Ленинград.

– Слушаюсь и повинуюсь, ваше сиятельство.

– А сейчас мигом в душ и в постель. Я тебя там жду!

МИХАИЛ КУДРЯШОВ. 1890 ГОД

19 октября 1890 года в Императорской Академии наук состоялось вручение Пушкинской премии. Среди награждённых был и Михаил Кудряшов. Так высоко оценили его перевод немецкой старинной поэмы «Песнь о Нибелунгах»[63]. Лауреатам полагались денежное вознаграждение и золотая медаль с профилем Пушкина.

Не успел этому событию порадоваться отец, за год до того скоропостижно скончавшийся, как сказал Александр, третий из братьев Кудряшовых, от неизлечимой быстротекущей болезни карциномы, именуемой в народе раком. Сашка – молодец, он уже окончил Военно-медицинскую академию. А вот Колька, унаследовав трактир, не сумел продолжить отцовское дело. Сначала он стал изымать оборотные средства. Ему казалось, что на бирже можно быстрее обогатиться. Потом, увлечённый рассказами про

[63] «Песнь о Нибелунгах» – средневековая германская эпическая поэма безымянного автора. Принадлежит к числу наиболее известных литературных произведений человечества.

некоего дельца, который за неделю увеличил свой капитал на пятьдесят тысяч рублей, Николай заложил трактир. Пятьдесят тысяч будили его воображение! Да ему и за десять лет таких денег не скопить! Но ценные бумаги, купленные им, как-то быстро обесценились. А когда он не смог расплатиться по закладной, отцовский трактир пустили, так сказать, с молотка. Михаил обозвал мечты брата «фата-морганой», но помочь ему сохранить семейное дело не смог, не знал, каким образом это сделать. С матерью и братьями они вынуждены были перебраться с Вознесенского проспекта в Коломну и сняли там комнаты в Усачёвом переулке[64].

Мать сильно переживала из-за потери мужа, но стойко держалась. Дочерей они с Иваном Никитичем, как говорится, пристроили, все благополучно вышли замуж, а вот четверо сыновей – все безжённые. Старшему Михаилу уже тридцать исполнилось, и младшие братья, Николай, Сашка да Иван, глядя на него, тоже холостяковали. А ведь Михал Иваныч, родительская гордость, уже дослужился до личного дворянства. Мог бы и не из купчих, а из благородных девиц найти себе пару. Маменька беспрестанно его соседкам расхваливала: «В Императорском университете он исправляет должность помощника библиотекаря, а ещё и на Главпочтамте служит в отделе цензуры иностранных газет. И когда он всё успевает? Вот и книгу издал, большую такую, толстую. Премию за неё получил за то, что с немецкого перевёл. Да, он и другие языки знает. Почитай, с десяток разных там. Беда вот, один всё. Трудится без устали. Мы его уговорили отдельную от нас квартирку снять, чтоб мы

[64] Небольшой переулок за Крюковым каналом, между Садовой и набережной реки Фонтанки. С 1952 года переименован в честь советского педагога Антона Макаренко.

не мешали ему. Авось и найдёт себе хозяйку по душе. Он в соседнем доме проживает».

После торжественного заседания в Академии наук Яков Петрович Полонский по-отечески приобнял Кудряшова:

– Поздравляю, дорогой мой! Сердечно рад! Так рад и так торопился тебя поздравить, что вот где-то забыл свой костыль. Не поищешь его, бездельника, валяется где-нибудь, отдыхает от меня.

Костыль нашёлся под креслом, на котором сидел Полонский. Подставив его себе под мышку, Яков Петрович плутовски подмигнул:

– А что, мой друг Михаил, не заскочить ли нам в какой-нибудь кабак, да и обмыть там твою премию?

– А я не против, – поддержал старшего товарища Кудряшов.

– Ишь ты, прыткий какой! Это я шутканул. Куда мне по кабакам с моим костылём? Давай-ка лучше ко мне. Моя Жозефина самовар прикажет поставить. Чаёк у нас, сам знаешь, пряный, со смородиновым листком. В общем, я на своей клюшке потихоньку буду скакать по ступеням вниз, а ты ищи извозчика.

Пока Полонский спускался по лестницам и с крыльца академии, его уже на покрытой свежевыпавшим снегом мостовой ожидала рессорная карета с двумя каурками в упряжке.

Увидев хромоногого, с костылём, барина, возница соскочил с ко́зел:

– Милости прошу, ваше превосходительство! – и с грохотом опустил складные ступеньки.

Полонский не без труда взобрался на бархатное сиденье.

– Знаменская, на углу с Бассейной, любезный, – успел напомнить Яков Петрович перед тем как извозчик попытался захлопнуть дверцу.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Доставим, куда следовает. С ветерком. Я ж в турецкую при штабе генерала Скобелева служил. Ох и любил же Ак-Паша[65] быструю езду.

В это время Михаил скатал в руках снежный колобок и, прицелившись, впечатал его в одну из колонн Академии наук.

– Это, видимо, вместо надписи: «Миша и Яша были тут!» – усмехнулся Яков Петрович.

Михаил, подмигнув, кивнул и, обежав карету, уселся рядом со старшим товарищем.

– Трогай! – крикнул он извозчику.

Карета мягко двинулась, выдавливая после себя снежную колею.

– А то ведь не соглашался ехать, негодник эдакий, пока я не сказал, что генерала повезёт, – это уже захлопнув свою дверцу, прокомментировал Кудряшов ситуацию.

– То-то, я гляжу, он передо мной ужом вертится. Не знает, бедолага, что я генерал с костылём, да не боевой, а гражданский[66]. Ну да и Бог с ним. А ты вот снежком запустил так молодецки, и я вдруг вспомнил из «Записок Ивана Пущина о Пушкине»: «Как нарочно для нас в тот год рано стала зима». Это он описывал 19 октября 1811 года, день торжественного открытия Царскосельского лицея. «Сбросив парадную одежду, мы играли перед лицеем в снежки и тем заключили свой праздник».

– А вы и с Пущиным были знакомы?

---

[65] «Ак-Паша» или «Белый генерал» – так в войсках называли генерала М.Д. Скобелева (1843–1882).

[66] Полонский служил в Главном управлении по делам печати в чине действительного статского советника, что в Табеле о рангах соответствовало военному чину генерал-майора.

– Нет! Что ты! В пятьдесят девятом году я редактировал журнал «Русское Слово», так захотел граф Кушелев-Безбородко[67]. Опыта в этом деле у меня было немного, поэтому я интересовался тогда всеми литературными журналами, издаваемыми в Питере. Так вот, в мае того года вышел в свет последний номер журнала «Атеней», его издавал Евгений Корш[68].

– Это тот самый Евгений Фёдорович, который ныне библиотекарь Румянцевского музея?

– Да, именно он. Тогда его журнал почему-то закрылся. Вот я и изучал все опубликованные в нём статьи и литературные произведения, хотел понять: что не так, почему журнал недолго прожил? «Записки о дружеских связях с Пушкиным» тогда меня просто поразили. Иван Иванович Пущин[69] ведь только вернулся из Сибири.

– Яков Петрович, вы неисчерпаемый кладезь истории нашей литературы!

– Лесть приятная, мой друг, и по адресу послана. Вот сегодня ты стал лауреатом Пушкинской премии. Событие неординарное. На всю жизнь слава. Ну ты же знаешь, что первыми, на кого возложили эти лавры, были мы с Аполошей Майковым[70]? Ещё в 1882-м году. Нам тогда уже было за шестьдесят. Но, что характерно, и сейчас, в семьдесят лет, совершенно не исчезло желание славы.

---

[67] Граф Кушелев-Безбородко, Григорий Александрович (1832–1870) – русский литератор, композитор, шахматист, меценат.

[68] Евгений Фёдорович Корш (1809–1897) – журналист, переводчик, издатель, первый и единственный библиотекарь Румянцевского музея в Москве. Был настолько выдающимся библиотекарем, что к его мнению прислушивались все другие европейские библиотекари.

[69] Иван Иванович Пущин (1898–1859) – декабрист, друг и одноклассник А. С. Пушкина по Царскосельскому лицею.

[70] Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) – русский поэт, член-корреспондент Академии наук.

Полонский замолк ненадолго, видимо, хотел яснее сформулировать свою мысль. Карета катила уже по Невскому, мимо Екатерининского сквера, над которым возвышался бронзовый монумент великой императрицы, а у её ног стояли и восседали прославленные государственные мужи.

– Да, я действительный статский советник, но в комитете всего лишь младший цензор. Ну, не чинолюбив я. Должности меня не прельщают, потому что нет во мне властолюбия. Денег всегда не хватало, а если они появлялись, то тратил их без разбору – не сребролюбив потому что. А вот к чему имею слабость, да простит мне Господь, – Яков Петрович перекрестился, – так это к славолюбию. Слаб человек, потому что грешен. Однако грех этот не смертельный. Надо же человеку хоть какую-нибудь страстишку иметь.

Михаил удивлённо вскинул брови, но Полонский жестом руки предупредил его возражения.

– Дряхлость и немощь телесная в семьдесят лет совершенно не соответствуют молодой душе, которая по-прежнему дружит с юными музами. Летом я оставил Афанасию Фету в его поместье вот такой экспромт:

Полонский здесь не без привета
Был встречен Фетом, и пока
Старик гостил у старика,
Поэт благословлял поэта.
И, поправляя каждый стих,
Здесь молодые музы их
Уютно провели всё лето.

Опять помолчали, наблюдая в обледенелые окна за прогуливающимися по Аничкову мосту горожанами.

– Если кто из литераторов тебе вдруг скажет, что ему плевать на славу и успех, не верь. Это значит, он врёт.

И наоборот, всякая критика глубоко ранит поэта в самое его трепетно бьющееся сердце. Вот лет двадцать назад, тогда ещё был жив Маврик Вольф[71], ну... известный издатель... – Полонский испытующе посмотрел на Кудряшова, ожидая, что молодой человек хоть что-то знает о Вольфе.

– У него книжный магазин на углу Невского и Морской, – высказал догадку Михаил.

– Да. Только теперь его держат сыновья, Маврикий же семь лет назад покинул наш мир, а тогда его издательство пользовалось бо-ольшим успехом. Он печатал собрания сочинений Пушкина, Лермонтова и меня решил издать в четырёх томах. Только вышли в свет первые мои книги, как в «Отечественных записках» появилась разгромная статья. Обидная, уничижающая. И написал её не кто-нибудь, а Михаил Евграфович Салтыков[72].

– Николай Щедрин? – удивился Кудряшов.

– Он самый. Ох и досталось мне от него. Спасибо Ивану Сергеевичу Тургеневу[73]. Он не остался в стороне. Написал открытое письмо в мою защиту, его опубликовали в «Санкт-Петербургских ведомостях». Досталось от Тургенева и критику, и редактору журнала «Отечественных записок» Некрасову[74]. Мне пришлось извиняться перед Николаем Алексеевичем. Мы же с ним, было время, тесно сотрудничали. А Тургеневу, он сам-то в Париже тогда жил,

---

[71] Маврикий Осипович Вольф (1825–1883) – русский издатель, книгопродавец, просветитель, энциклопедист. Основал журналы «Вокруг света», «Новый мир» и многие другие.

[72] Михаил Евграфович Салтыков (псевдоним Николай Щедрин) (1826–1889) – русский писатель, журналист.

[73] Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) – писатель, публицист, драматург. Классик мировой литературы. Член-корреспондент Академии наук, почётный доктор Оксфордского университета.

[74] Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877) – русский поэт, прозаик, публицист. Классик русской литературы.

я написал, что его слова были для меня как освежающий дождь на изнывающее от зноя дерево.

– Красиво сказали, – восхитился Михаил.

– А мы с дорогим моему сердцу Иваном Сергеевичем в переписке всегда образы придумывали. Это было частью нашего литературного ритуала при общении. Да вот нет его уже как семь лет. А было время, он обычно, приезжая из Парижа, проводил лето в своём родовом имении Спасском. И мы с женой и детьми по его приглашению с удовольствием гостили у него. Красивые там места, скажу я вам, молодой человек. Мною много этюдов написано в окрестностях тургеневской усадьбы.

– Вы и маслом пишете?

– И маслом, и акварелью, и карандашом, и углём – всем, что под руку попадётся. А ты не знал? Тогда я похвалюсь: после моей выставки пару лет назад мне присвоили звание почётного вольного общника Императорской Академии художеств[75]. А к слову сказать, моя супруга, Жозефина Антоновна[76], тоже удостоена этого звания. Да! Она великолепный скульптор. Вот над могилой Ивана Сергеевича Тургенева установлен прекрасный бюст, это её работа. А в Одессе в прошлом году воздвигли целый комплекс: дельфины, фонтан, гранитный пьедестал, а на нём бюст Пушкина, его тоже изваяла Жозефина. Если хотите увидеть, как он выглядит, в Одессу ехать не обязательно. Загляните в сад Александровского лицея, это на Каменноостровском проспекте, и увидите там такого же Пушкина. Во как!

---

[75] Почётный вольный общник Императорской Академии художеств – этого академического звания удостаивались непрофессиональные живописцы, скульпторы, гравёры, а также меценаты, критики, коллекционеры.

[76] Жозефина Антоновна Полонская (1844–1920) – русский скульптор. Супруга поэта Якова Полонского.

Кудряшов в восхищении закивал головой. И неожиданно стукнулся ею о стенку кареты, это так качнуло экипаж: возница на скорости круто завернул лошадей у Николаевского вокзала с Невского на Знаменскую.

– Что поделаешь! Как и обещал солдатик, мчит он нас с ветерком, – сочувственно улыбнулся Яков Петрович. – Слово он своё держит. Молодец! Я вот тоже скажу твёрдое слово, что, глядя сегодня на твоё торжество в Академии наук, возгорелся я мечтой и обещаю, что на следующий год мне опять присвоят Пушкинскую премию. За мою новую книгу стихов «Вечерний звон». Откуда такая самоуверенность, спросите вы. Да уж знаю! Из нынешних поэтов пушкинским слогом могут писать только трое: Фет[77], Майков и ваш покорный слуга. Собратья мои по перу хоть и помладше меня, но уже всё, исписались, перестали публиковать своё стихотворчество. А лучше меня уже, всё одно, никто не пишет. Это не в обиду вам, переводчикам.

– Какая уж тут обида? – возразил Михаил. – Мои потуги в стихосложении и близко не могут сравниться с вашими талантами. Спасибо, что подвигли меня выдвинуть моих «Нибелунгов» на соискание. Сам бы я и не додумался.

– А вот и Бассейная, – прервал кудряшовский панегирик Полонский.

Карета остановилась. У парадной ватага молодых людей весело играла в снежки. Кудряшов не стал откидывать ступеньки, а, перескочив через них, выпрыгнул наружу, но несколько неудачно, и, поскользнувшись, приземлился на пятую точку.

– Михаил Иванович, ты жив, братец? – Полонский своим густым басом громко окликнул Кудряшова.

---

[77] Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892) – поэт, переводчик, прозаик. Член-корреспондент Академии наук.

– Да, всё хорошо! – откликнулся незадачливый прыгун, поднимаясь и отряхивая снег. – Что со мной будет?

– Лет тридцать назад я так же думал. А вот! Неудачно оступился, выходя из экипажа, и всё, теперь без третьей деревянной ноги я никуда. Так что беречь себя надо, дорогой мой.

Услышав голос Полонского, к карете подскочили участники снежной баталии.

– Яков Петрович, здравствуйте. Жозефина Антоновна приказала вас внизу ждать, вот мы здесь и приготовились.

Пока одни молодые люди приветствовали поэта, другие уже поднесли жёсткое кресло, Полонский привычно занял место на своём троне. Бравые молодцы подхватили его превосходительство и понесли к входу на парадную лестницу.

Извозчик восхитился таким почитанием барина:

– Да, уважают молодые господа генерала! А где ж он ранение получил?

Михаил решил не разочаровывать участника перехода через Балканы и сам порадовался своей придумке:

– Это он пострадал на горе Парнас в сражении у Кастальского ручья под командованием его высочества Аполлона Зевсовича[78].

– Ух ты! Ну надо же! Оно конечно – орла видно по полёту!

Кудряшов, скрывая улыбку, щедро рассчитался с извозчиком. Оживлённую компанию догнал уже на площадке третьего этажа. Здесь одни носильщики сменяли других.

– Обратите внимание, милостивые господа, – Яков Петрович представил своего спутника, – перед вами новоиспечённый лауреат Пушкинской премии, Михаил Ивано-

---

[78] Парнас в древнегреческой мифологии связан с музами, символическое местообитание поэтов. Их покровитель Аполлон – сын Зевса. Кастальский ключ – родник на Парнасе, источник вдохновения.

вич Кудряшов. Он потрясающе перевёл со старогерманского «Песнь о Нибелунгах». Так что не меня, а его вы должны бы нести на руках.

И весёлая компания дружно запела по-немецки бетховенскую «Оду к радости», затем, подхватив и Полонского, и Кудряшова, бодро понесли поэтов вверх, на пятый этаж.

Двери в квартиру были отворены. На пороге стояла хозяйка.

– Жозефина! – приветствовал её Яков Петрович. – Я не один.

И пышущая молодым задором свита торжественно внесла двух пушкинских лауреатов в гостиную, где большой обеденный стол с самоваром был уже уставлен чайными приборами и угощениями. Гостевая зала, наполненная разношёрстной, разновозрастной публикой, загудела, приветствуя хозяина.

«Да сегодня же пятница!» – осенило Кудряшова.

А каждую пятницу по давно сложившейся традиции у Полонских собирались многочисленные друзья, знакомые, а порой и незнакомые люди. Среди приглашённых и являвшихся по своей инициативе господ бывали здесь и маститые, и начинающие литераторы, художники, скульпторы, а также люди чиновные. Частенько посещал «пятницы Полонского» сам обер-прокурор Святейшего синода Константин Победоносцев[79]. С ним Яков Петрович общался дружески, проводя вечера в философских беседах.

Бывали с приходящими и конфузы, о которых Полонский любил рассказывать, прихлёбывая горячий чай:

---

[79] Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) – государственный деятель, правовед, писатель переводчик, профессор, обер-прокурор Святейшего синода с 1880 по 1905 годы.

– Года три назад зазывал я к себе одного талантливого автора, Антона Чехова[80]. В лицо я его не видел ни разу, а вот прозой молодого писателя наслаждался, удивляла и радовала она на фоне литературной серости. Я сам хлопотал в академии, чтобы дали ему Пушкинскую премию. Страсть как хотелось пообщаться с этим господином. И вот в одну из пятниц, как-то уже ближе к полуночи, супруга моя призывает попрощаться с гостем, мол, он уезжает домой в Москву. Стоит передо мной ладный такой высокий молодой человек с тёмно-карими глазами, волосы, небрежно закинутые на затылок, открывают высокий лоб, под реденькой бородёнкой небрежно повязан галстук, стоит, значит, извиняется, что вынужден покинуть нас. Я видел, он весь вечер просидел в уголочке, ни с кем не общаясь. Такие вечеринщики у нас случаются, забредают к нам разные люди. Он ведь и представился, когда пришёл, как-то стеснительно, невнятно. «Что ж, – говорю я ему из доброго уважения и из вежливости, – счастливого пути, господин Чижов, заглядывайте к нам, не смущайтесь». А он мне неожиданно в ответ: «Только я не Чижов, а Чехов». Ну, я тут и опешил. А он, обиженный, уехал. Потом-то мы с ним подружились. Я ему посвятил стихотворение «У дверей», а он мне свой рассказ «Счастье». И премию Пушкинскую ему по заслугам через год присвоили. А, кстати, Михаил Иванович, вы же с Антон Палычем ровесники. Дружите, небось? Давно он не напоминал о себе.

– Так с весны он на Сахалине, – как бы очнувшись, испуганно-радостно сообщил Кудряшов.

– Ай да молодец! Как вернётся, надо ждать от него свежих произведений, я очень на это надеюсь.

---

[80] Антон Павлович Чехов (1860–1904) – русский писатель, драматург. Классик мировой литературы. Лауреат Пушкинской премии Академии наук за 1888 год.

Зима 1890 года пришла в Петербург как-то неожиданно быстро. К концу октября извозчики уже поменяли колёса на полозья. Морозы чередовались с оттепелью, и дворники усердно сдалбливали с каменных тротуаров лёд. А снег всё сыпал и сыпал.

В один из поздних вечеров Кудряшов возвращался со службы к себе домой в Коломну, в Усачёвский переулок. Квартиру эту Михаил Иванович не любил. Пустая, холодная, неуютная. Перед аркой, ведущей во двор, Михаил с поклоном уступил дорогу одиноко бредущей даме, а та, неожиданно взмахнув руками, вдруг, поскользнувшись, упала навзничь и, наверное, ударившись головой, застыла недвижно. Растерявшись, Михаил только и смог что крикнуть:

– Помогите, кто-нибудь!

От арки дома напротив, бросив свою лопату, уже бежал дворник.

– Жива? – спросил он, приблизившись.

– Не знаю, – растерялся Кудряшов.

– Вот ведь, Митрофан-лоботряс, дворник ваш, дрыхнет, небось, пьяный. Постоянно говорю ему, ты с вечера снег почисти перед входом во двор, так нет, он только отмахивается. А оно, вишь, как обернулось, дамочка зашиблась насмерть.

– Да подожди ты, Тимофей, хоронить её, может, жива она. Что делать-то?

– А я вот могу, ваше благородие, до фершала Кинцеля добежать, он на соседней улице живёт.

– Да пока ты бегаешь, она уж точно замёрзнет на снегу и преставится.

– А давайте, ваш благородь, её пока к Митрофану занесём. Я вот за плечики возьмусь, а вы – за ножки.

Дамочка оказалась, вроде, и лёгкой, но в зимнем одеянии очень неудобной для переноски.

– Барышня, видать, благородных кровей, вон как они духами благоухают, – не преминул сообщить свою догадку Тимошка.

Когда доставили её к дворничьей каморке, Тимофей стал пяткой долбить в запертую дверь.

– Не! Пьяного Митрофана теперь до утра не разбудить! – уверенно заключил он. – Что делать-то будем, ваш благородь?

– Давай ко мне, я на первом этаже живу, – предложил Михаил.

В полумраке прихожей уложили бездвижное тело на стулья. Кудряшов засветил керосиновую лампу.

– Я всё ж за фершалом сбегаю, – утирая шапкой пот со лба, сообщил Тимофей, – а вообще-то, первым делом нужно обо всём доложить городовому.

– Никуда бежать не надо, – неожиданно раздался женский голос.

Мужчины, вздрогнув, увидели, что дама уже сидит.

– Подайте мне лучше воды.

– О! Ожила ушибленная! – обрадовался дворник и перекрестился: – Ну и слава тебе, Господи!

– Михаил Иванович, что вы замерли на месте, принесите даме воды, – уже более настойчивым голосом потребовала госпожа.

– Конечно, конечно!

Кудряшов, спотыкаясь, ринулся в соседнюю комнату.

– Так вы знакомы с их благородием? – удивился Тимофей.

– А ты ступай, любезный, спасибо тебе, докладывать никому ни о чём не надо, – и она уверенным жестом сунула дворнику в руку медную монету.

– Благодарствую, вашесть! Как прикажете!

– Иди, иди уже!

Когда Михаил вернулся с кружкой воды, дворника в комнате не было, а дама опять лежала на стульях навзничь, закрыв глаза.

Кудряшов наклонился над ней, чтобы разглядеть получше, и тут руки дамы обвились вокруг шеи Михаила, и женские губы впились в мужские.

Поцелуй был долгим. Всё это время хозяин квартиры находился в неудобной согбенной позе с широко разведёнными врозь руками, стараясь не разлить воду из кружки.

Михаил таращил глаза, не понимая, что происходит.

– Здравствуй, Кудряшов, – выдохнула ожившая дама после поцелуя и потянулась.

Отпрянув от неё на пару шагов, Михаил вцепился двумя руками в кружку как во что-то спасительное и с трудом выдавил из себя:

– Вам полегчало?

– О да! Спасибо! Ты, Михаэль, мой спаситель.

И сняв с головы шляпку-капор, дама лёгким движением пальчиков заправила за ушко выбившуюся прядку песочных волос.

Перед Кудряшовым сидела очаровательная Софья Анненская. Годы, а прошло после их последней встречи десять лет, превратили милую гимназистку в прелестную даму.

– А в этом доме, кроме воды, другие напитки, покрепче, имеются? По-моему, надо выпить, я что-то продрогла.

Михаил суетливо засеменил в соседнюю комнату. Софья внимательно осмотрела прихожую и, не обнаружив ни женских тапочек, ни верхней дамской одежды, сделала вывод: хозяйки в доме нет и, видимо, никогда не было.

С того дня, точнее с той ночи, жизнь Михаила Кудряшова совершенно преобразилась. Софья осталась у него навсегда. Теперь каждый вечер Михаил Иванович как на крыльях летел домой, где каждый вечер ожидали горячий ужин и ночь любви, премудростям которой обучала его

опытная Софья. Она рассказала милому другу Мишелю историю своей трагической жизни.

Почти сразу после окончания гимназии она вышла замуж за своего кузена Антона и стала, как и мечтала её мать, баронессой Блюменау. Поначалу в церкви им было отказано в венчании как родственникам, но папенька, недаром же он служил при Синоде, всё устроил. Однако счастливым замужество Софьи Дмитриевны не получилось. Антон оказался неприспособленным к семейной жизни: его интересовали только дружеские попойки да загородные гулянки с девицами вольного поведения – всё это не прекращалось, даже когда родился у них сын. И тут неулыбчивая судьба завела свой прискорбный хоровод. Летом 1882-го года Антон укатил с друзьями в первопрестольную. Как и почему он оказался в злополучном экспрессе между Мценском и Чернью в ночь с 29-го на 30-е июня, никто объяснить не мог. Хлябь небесная разверзлась тогда. У деревни Кукуевка[81] железнодорожную насыпь смыло в овраг, и поезд на всём ходу влетел в образовавшуюся глубокую промоину, вагоны громоздились один на другой, хороня под собой спящих пассажиров. Измятое до неузнаваемости тело барона Блюменау откопали только через две недели после катастрофы. Родители Антона были настолько разбиты горем, что тронулись рассудком, и через пару месяцев их пришлось передать на попечение врачей в больницу «Всех скорбящих».

Не успела Софья оплакать потерю мужа, как Господь призвал к себе и младенца-сыночка. Годика не исполнилось мальчику, когда он, опухший от дифтерии, задохнулся из-за паралича дыхательных путей. Убитая горем Софья три года не снимала траур. Жила она с родителями на Гороховой в ожидании новой беды, которая и пришла,

[81] Кукуевская железнодорожная катастрофа 1882 года. Погибло 42 человека.

неминуемая, осенью 1888 года. Родители Анненской были включены в список свиты, сопровождающей императорскую семью на отдых. Ничего не предвещало несчастья. Замечательный месяц путешествия по Кавказу завершился морской прогулкой в Крым. Семнадцатого октября поезд из Севастополя мчался в Москву. По желанию государя он летел на всех парах. Крушение случилось средь бела дня[82]. До Харькова оставалось вёрст сорок, когда колёсные пары одного из вагонов оторвались от салазок. В мгновение задние вагоны стали налетать на передние, круша и сминая друг друга. Из всего царского экспресса неповреждёнными остались только два паровоза впереди и три вагона в конце состава. От неминуемой гибели императорскую семью чудесным образом спас Бог. А вот супруги Анненские, видимо, мгновенно были раздавлены насмерть.

Через неделю радостная северная столица восторженно встречала спасённую царскую семью.

Софья, находясь периодически в полуобморочном состоянии, не знала, как ей жить дальше. Хорошо ещё, что всеми похоронными мероприятиями занималась канцелярия Святейшего синода, где служил покойный отец. Бедная Блюменау не представляла себе, как справиться с навалившимся на неё горем. Высочайшим повелением ей был назначен пожизненный пенсион. Однако этих средств было недостаточно, чтобы содержать дорогостоящее жильё на Гороховой. И в скором времени вдова начала своё мытарство в поисках дешёвого проживания, всё дальше и дальше уезжая от центра Петербурга. Так она оказалась в Коломне, за Крюковым каналом.

---

17 октября 1888 года произошло крушение императорского поезда у станции Борки под Харьковом, в результате которого погиб 21 человек.

Рассказывая обо всём этом Михаилу, Софья непрестанно заправляла за ушко непослушную прядку и подносила белоснежный платочек к мокрым глазкам.

Кудряшов с жалостью и обожанием смотрел на эту шмыгающую носиком прелесть. Поцеловав нежную ручку, он приобнял её за плечи и ощутил взаимный трепет прелестной Софьи.

– Меня Господь направил в твои объятия, мне так хорошо и спокойно с тобой, Мишель.

Поцелуй предвещал страстное продолжение.

Перед тем как забраться в постель, Софья, неожиданно скинув с себя ночное одеяние, обнажённая, выскочила на середину комнаты и закружилась в танце:

– А скажи, дорогой, я ведь выгляжу не хуже Флоры? Той богини, о который ты мне рассказывал, когда мы гуляли в Александровском саду?

– Ты прекрасна и восхитительна! И никакая мраморная богиня не способна сравниться с тобой. Забирайся скорее под одеяло, а то замёрзнешь.

Отныне каждый день Михаила был наполнен ожиданием вечера, и после службы, кликнув извозчика на Васильевском острове у библиотеки Императорского университета, просил того быстрее мчать в Коломну. А дома молил Бога, чтобы вечер не кончался как можно дольше. Софья встречала его жарким поцелуем и трепетным объятием.

Обычно после ужина они устраивались на канапе поближе к изразцовой печи и, укрывшись пледом, подолгу полулежали, прижавшись друг к другу. Михаил с обожанием слушал чудесный голосок Софьи, и она каждый раз удивляла его, рассказывая о своих переживаниях.

– А знаешь, странным образом совпало, что останки и мужа, и покойных родителей я хоронила спустя три недели после их гибели. И оба раза в закрытых гробах. Наверно, тела их были изувечены до неузнаваемости.

Сама я их как покойников не видела, поэтому они мне порой снятся совершенно живыми. Антона, понятно, откопали из-под обломков только на пятнадцатый день, а тела маменьки и папеньки прибыли в Петербург вместе с царским поездом уже через неделю. Но тогда и речи не могло быть о похоронах, потому что вся столица праздновала спасение порфироносной семьи. А тем временем прокуратура разбиралась, «не покушение ли это было на императора». То ли из-за уголовного расследования, то ли из-за бюрократических проволочек, то ли ждали отмашки сверху, но предать прах родителей моих земле я смогла только через двадцать дней после гибели. Всё бы ничего, но как-то, ещё до похорон, обер-прокурор Синода Победоносцев Константин Петрович – он часто заглядывал ко мне посочувствовать, успокоить – неожиданно обмолвился, что был вот у императора в Гатчине, и тот неимоверно переживал из-за гибели Камчатки[85]. Это так звали собаку, любимицу его величества, погибшую в тот злополучный день. Она ведь находилась в том же вагоне прямо у ног царя. Захоронили её под окнами рабочего кабинета монарха на следующий день после возвращения из злополучного путешествия. Представляешь, собаку похоронили сразу же, а моих бедных отца с матерью – через три недели.

И Михаил ощутил, как Софью пробивает дрожь от переживания, возмущения и беспомощности. События двухлетней давности не притупили в ней чувства возмущения от несправедливости судьбы. Он крепко прижал её к себе, сам заправил за ушко завиток пшеничных волос, поцеловал в висок и стал укачивать её, как ребёнка, ласково похлопывая и поглаживая ладонью.

---

[85] Камчатка – белая собака породы лайка. Обелиск над её захоронением сохранился до наших дней.

Подобные откровения Софьи порой прорывались как мучительные страдания души. Ей хотелось выговориться, и Михаил был благодарный слушатель: он сопереживал, хмурил брови, сочувственно вздыхал. А Софья как будто давно ждала такой возможности – выразить словами наболевшее.

– А ты представляешь, Мишель, что никакого суда после крушения поезда, в котором погибли мои родители, так и не было? Никто не наказан. И знаешь, почему?

Кудряшов пожал плечами.

– Вот! И никто не знает. И все молчат. А как думаешь, кого назначили расследовать причины катастрофы? Анатолия Фёдоровича Кони[84]. Да, того самого юриста, который был судьёй в процессе Веры Засулич[85], стрелявшей в градоначальника Петербурга Трепова[86]. Случилось это как раз на Гороховой, рядом с нами. Генерал жил в соседнем доме. Ты же помнишь, на суде Засулич оправдали.

Михаил кивнул в знак согласия. Однако он этого всего не знал. В 1878-м году Кудряшов-гимназист с головой был погружён в учёбу и после занятий всё своё свободное время проводил в Публичной библиотеке. Газеты он не любил читать. Это скучное занятие только отнимает время, считал он тогда.

– Представляешь, какое иезуитство, – Софья и не обратила внимания на скучающее выражение лица Михаила. – Все ведь тогда, в восемьдесят восьмом, считали, что поезд с императором подорвали революционеры. Вот и реши-

---

[84] Анатолий Фёдорович Кони (1844–1927) – юрист, судья, литератор, государственный деятель, академик.

[85] Вера Ивановна Засулич (1849–1919) – революционерка, одна из первых российских социал-демократов. В 1877 году совершила покушение на петербургского градоначальника Трепова.

[86] Фёдор Фёдорович Трепов (1812–1889) – русский государственный и военный деятель, генерал от кавалерии.

ли, пусть главный их заступник Кони сам и разоблачит, и приговорит к смерти виновных. Ведь за год до этого повесили участников даже несостоявшегося покушения на царя. Помнишь, в восемьдесят седьмом году шумный процесс проходил над студентами? Господи, мальчики ведь совсем были. Пахомию Андреюшкину – двадцать один, Александру Ульянову – двадцать, а Василию Генералову и вовсе девятнадцать лет, другие студенты ненамного их старше – всех на плаху[87].

«Надо же, она не только имена помнит, ещё и про возраст знает», – удивился про себя Михаил.

– Он их боится! – неожиданно подытожила Софья.

– Кто кого? – не понял Кудряшов.

– Помазанник божий революционеров. Иначе зачем было казнить этих молодых людей? Монарху не позавидуешь. Он взошёл на престол после убийства своего отца и живёт теперь в ожидании покушения на себя. И оно будет. Пушкин предсказал:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Михаил вздрогнул от услышанного трагического откровения: «Жизнь, зачем ты мне дана, ты на казнь осуждена?». К кому угодно лично, но применять эти слова поэта по отношению к царственной особе он бы сам не додумался. Даже как-то жутковато стало.

Софья, заметив округлившиеся глаза Кудряшова, спросила:

---

[87] Пахомий Андреюшкин, Василий Генералов, Василий Осипанов, Пётр Шевырёв, Александр Ульянов были казнены 8 мая 1887 года.

– А ты присутствовал на казни «первомартовцев»?

Михаил мучительно стал вспоминать, почему он не присутствовал на этом страшном зрелище. В восемьдесят первом году первого февраля провожали в последний путь Фёдора Михайловича Достоевского. Проститься с ним пришли тысячи людей. Кудряшов, тогда уже второкурсник, был в составе делегации от Императорского университета. Все студенты предлагали посильную помощь. Приземистому, низкорослому Михаилу нести гроб не доверили, зато поручили раздавать всем пришедшим на память от вдовы траурные листки с литографированной факсимильной подписью «Фёдор Достоевский». А потом Михаил три версты нёс венок. Шагали медленно. Руки чуть не отвалились. То ли он держал венок, то ли сам держался за него онемевшими пальцами. Замёрз и продрог так, что не чуял ни рук, ни ног, а не упал лишь потому, что все стояли настолько плотно друг к другу, что не могли даже перекреститься. Так внутри людского монолита и ждал он, пока пройдёт отпевание. Как он только не потерял сознание? Домой возвращался на несгибаемых ногах-ходулях. Опять медленно в печальном людском потоке. Возле Николаевского вокзала людей поубавилось, и Михаил опрометью помчался домой, пытаясь согреться на бегу. С той поры он неимоверно страшился мест, где много людей. Когда через месяц народовольцы взорвали бомбу у ног Александра II, Кудряшов даже мысли не допускал оказаться в траурной похоронной процессии. И уж тем более не было никакого желания побывать в толпе, жаждущей жуткого зрелища – казни изуверов-преступников, убийц царя. Эти мысли промелькнули внезапной искрой памяти. И на вопрос Софьи он лишь отрицательно покачал головой.

– А я там была! Семёновский плац расположен в конце Гороховой. Полчаса ходьбы от дома. Подруги меня уговорили. Мол, что сидеть одной, когда муж в загуле

где-то. Я и пошла. У меня до сих пор в ушах не стихает гул барабанов.

Софья закрыла глаза, вспоминая детали ужасного зрелища. Михаилу хотелось прервать это воспоминание, но он не посмел.

– Ничего не было слышно: ни людских голосов, ни ржания жандармских лошадей, только барабанная дробь. И вдруг вся площадь наполнилась единым вздохом ужаса. От веса самого рослого из мучеников, Михайлова, оборвалась верёвка, все услышали грохот обрушившегося на помост тела. Помощники палача бросились его поднимать, кто-то по приставной лестнице добрался до перекладины и стал крепить новую верёвку на крюк. Палач снова накинул петлю на шею уже единожды казнённого – и опять она не выдержала. Толпа загудела и заколыхалась. Послышались возгласы: «Его надо помиловать! И это будет по-христиански!». На помосте суетились палач и его помощники, пока Михайлов лежал бездвижно. Пауза затягивалась. А когда вдруг стали накидывать новую верёвку, живое многолюдье зашевелилось и двинулось в направлении к виселице. Если бы не солдатские заслоны вокруг эшафота, то место ужасающей пытки было бы снесено возмущённым людским скопищем. «Простить его нужно! Отпустить!». Но казнь всё же продолжилась. И только с третьего раза тело бедного Михайлова наконец-то повисло недвижно и больше не сорвалось. Но ужасы на этом не закончились. Желябова пришлось палачам вынимать из петли, потому что она на нём никак не затягивалась. Поправив узел, злобный исполнитель приговора никак не мог выбить из-под висельника подставку, пришлось толкнуть его, и тело стало раскачиваться и вращаться. Верёвка могла перетереться. Тогда изувер, изловчившись, накинул на жертву ещё одну петлю и растянул две верёвки в разные стороны. Людское море тревожно колыхалось и злобно шумело. И всё это время

гремела барабанная дробь. Она смолкла лишь после того, как повесили всех пятерых. И тогда наступила смертная тишина. Всё. Никто больше не возмущался. Большинство молча молились. Кто-то плакал. Кто-то скрежетал зубами. Иные, задрав головы, смотрели в небеса. Но никто не уходил. Разбредаться стали только после того как трупы уложили в гробы. Я шла домой и думала: «Царю будут мстить! И не только ему. Всем. Ведь у убиенных остались братья, друзья, соратники. И этому не будет конца. Одни будут убивать за других».

Софья со вздохом умолкла.

Подавленный услышанным, бледный Михаил, казалось, не дышал.

– Михаэль, тебе что, плохо? – встревожилась Софья.

Она поцеловала Кудряшова в лоб.

– Да у тебя жар! Я так и думала, что всё этим и закончится. Холодный пол, из входной двери сквозит, в окна дует. Я днём постоянно хожу продрогшая, накинув на плечи пальто. Нам надо поменять жильё. Приличное – только ближе к Невскому. Да и к месту службы надо бы тебе жить поближе, а не извозчиков кормить. Или у тебя средств недостаточно?

– У меня достаточно средств, – возразил Михаил, приходя в себя. – Просто мне некогда этим заниматься: искать новую квартиру.

– Хорошо! Давай я подыщу варианты.

Уже на следующий день Софья сообщила Михаилу, что нашла чудесную квартирку на Малой Морской. Очень ей понравилась. Изящно меблирована. Водопровод есть. Вот только хозяин просит годовую оплату сразу.

«Ну, вот и нашлось, куда потратить премию за «Нибелунгов», – подумал Михаил и выдал нужную сумму дорогой Софье.

– Завтра же переберёмся! – обрадовалась баронесса.

Ещё через день Михаил пришёл со службы в остывшую квартиру. Софьи не было. Он не спал в тревоге всю ночь. Передумал всякое. Винил себя, что разрешил Софье самой заниматься поиском нового жилья. «А вдруг там бесстыдные мошенники? А что, если её какие-нибудь душегубы злые, супостаты непотребные ограбили и надругались. Лежит она, бедняжка, холодная и неживая, в сугробе зарытая. И всё из-за меня, лободырого!».

И тут в дверь постучали. Было раннее утро. Михаил метнулся к входной двери. Отворил её. На пороге стоял брат Николай.

– Слава Богу, Михал Иваныч, ты дома.

– Это ты?! – разочарованно выдохнул Михаил.

– А ты кого-то другого ждал? – Николай протиснулся между косяком и старшим братом. – А холод-то у тебя какой! Как в мертвецкой!

После этих неожиданных слов накопившаяся тревога, безысходная печаль Михаила прорвались горькими слезами, и он разрыдался, уткнувшись в Николкину шинель.

– Так! – Николай похлопал брата по спине, он был на голову выше. – Первый раз вижу плачущего Михал Иваныча. Давай-ка успокоимся, присядем и поговорим.

Они прошли в комнату. Сели у стола. Николай подал брату воды, тот сделал несколько напряжённых глотков.

– Её, наверное, убили... Из-за меня.

– Кого?

И Михаил насколько возможно подробно рассказал о своей любви, о судьбе бедной Софьи, о деньгах и о её исчезновении.

– Ты её мёртвой видел? – жёстко и в упор спросил Николай.

Михаил отрицательно покачал головой.

– Тогда и нечего слёзы лить. Давай так поступим: мы сейчас вместе пойдём к городовому. Одевайся. А, кстати,

я-то зачем пришёл? Женюсь, брат. В субботу венчание. Нашёл я себе приют у одной петергофской купчихи. Вдова. Богата. Правда, полновата несколько. Как говорится, хорошего должно быть много!

Весь день потратили Михаил с Николаем на поиски Софьи. Городовой Ивашкин с вниманием и сочувствием выслушал господ Кудряшовых и вместе с ними отправился к околоточному надзирателю Зуйкину, тот, в свою очередь, был обязан доложить о происшествии участковому приставу Твердугину. Были опрошены все дворники близлежащих домов. Всё впустую. Когда же к расследованию подключился чиновник сыскной полиции Шандырин, то дошло дело и до обыска квартиры Кудряшова. Оказалось, что из комода исчезла серебряная гимназическая медаль, а также золотая медаль, полученная за научную работу ещё в студенческие годы, и вместе с ними уплыла в неизвестность большая золотая медаль за Пушкинскую премию. Как-то не связывались в голове бедного Михаила воедино пропажа наград и исчезновение Софьи. К вечеру выяснилось, что по всем приметам в гостях у Кудряшова побывала аферистка Сонька по кличке Бесстыжая. Так её прозвали не только потому, что она умело втиралась в доверие к одиноким мужчинам, но и потому что окончила Бестужевские курсы.

– Так что жива она наверняка и здоровёхонька. Залегла на время где-нибудь на тайной квартирке, – сделал вывод следователь. – Будем искать! Найдём, и под суд!

– Не надо! – вдруг выкрикнул Михаил, испугав всех присутствующих. – Искать не надо! И так всё ясно! Я забираю своё заявление.

– Ну вот! И вы туда же! Каждый, кого она обокрала, а вы далеко не первый, забирал заявление, – Шандырин разочарованно передал Кудряшову листок с заявлением.

Михаил ухватил бумагу двумя пальцами, но сыскной чиновник придержал её:

– А может, передумаете? – Шандырин испытующе и с надеждой посмотрел в глаза Кудряшова.

– Нет! Не передумаю! – убедительно заявил Михаил, а про себя подумал: «Мало ли что! А вдруг ей очень нужны эти деньги, а я на неё в полицию заявление. И как же я ей после этого в глаза взгляну, если случайно встречу?».

– Дурак ты, Михал Иваныч, – уже на улице сделал вывод Николай, когда братья остались вдвоём. – Пожалел мошенницу. Да не любовь ей нужна была, а твои деньги.

Михаил, вжав голову в плечи, брёл молча, не пытаясь оспорить брата.

Вечером того же дня Михал Иваныч перебрался на квартиру к маме и братьям: оставаться одному в постылом жилище не было ни желания, ни сил.

ГОРЫЧ. 2018 ГОД

Вот уже второй год Пожарский не сказать, что не просыхал от пьянства, но пил каждый день. И всё же он ответственно относился к своим обязанностям в школе. Был признателен руководству, что давали ему, пенсионеру, учебную нагрузку. Это спасало его. Кроме уроков, Алексей Егорович вёл ещё и кружковую работу. Вспомнил, что в студенческие годы серьёзно увлекался шахматами, потом всё как-то было не до них. А тут оказалось, что директор школы хотел бы ввести в учебный план эту древнюю игру, в районо советуют, да где взять специалиста. Пожарский предложил себя. А почему бы не попробовать? И всё получилось. Небольшая сельская школа, в которую он ка-

ждое утро добирался на маршрутном автобусе из Ценска, неожиданно для всех выбилась в лидеры на районных и областных командных соревнованиях. Пожарского хвалили, отмечали грамотами, дети в нём души не чаяли, а их родители с восторгом осознавали, что их сельские чада не хуже городских, способные и талантливые.

Все видели в Пожарском образцового педагога: любящего своих учеников, добросовестного, серьёзного, солидного. Да, «солидности» в Алексее поприбавилось. Он неожиданно очень сильно набрал в весе. Привычный пиджак не сходился на животе, брюки без подтяжек не держались. Теперь просторная джинсовая рубашка навыпуск нарядно смотрелась на учителе-шахматисте, создавая имидж творческого человека. «Горыч», любя, называли его за глаза и коллеги, и школьники вместо отчества Егорович.

Никто не знал, что, приходя домой, в свою осиротевшую квартиру, Пожарский каждый вечер выпивал стаканчик-другой водки или коньяка. Квартиру эту они с Лизой получили перед самым её выходом на пенсию. До этого много лет теснились в съёмных комнатках после переезда из Енотаевки в подмосковный Ценск. Как радовалась своему родному гнёздышку Елизавета Сергеевна: придумывала и сама шила ажурные шторы на окна, предлагала дизайнерское решение, располагая полки и книжные стеллажи, устраивала летний сад на лоджии. А выйдя на пенсию, Елизавета увлеклась кулинарией. Придумывала оригинальные супы. Готовила удивительно вкусные салаты. А какие пироги и пирожки у неё получались! Ими она любила угощать соседей, друзей и родственников. «Горыч» с пирожков-то и начал поправляться.

И вот полтора года назад Лиза неожиданно очень плохо себя почувствовала. Больница. Страшный приговор. Четвёртая стадия рака. Как? Откуда? Почему? Что делать? Оперировать. Операция длилась долго. Однако, как ска-

зал хирург: «Врачи не всемогущи!». Жить ей оставалось буквально несколько дней.

Выслушав страшный приговор, Алексей Егорович дрожащим голосом попросил пустить его в реанимацию. Врачи отговорили, дали успокоительного. Посоветовали взять себя в руки, пообещали на завтра перевести её в отдельную палату, тогда-то и проведать её можно.

Придя домой из больницы, он достал бутылку коньяка, дрожащей рукой налил почти полный бокал. Выпил как воду. «Дети ждут сообщения. Надо позвонить им». Три раза: сыну и дочерям по очереди – повторил всё, что сказал врач. Говорил спокойно, удивляясь этому сам. А сказать необходимо было правду, горькую, жестокую. Всю жизнь они с Лизой берегли своих детей от лишних переживаний по поводу родительских проблем. И вот она, последняя мамина проблема. На беспокойство детей о себе заверил, что всё хорошо, за него пусть не переживают. Закончив переговоры, расслабился, сел на диван и разрыдался. Вот и ему задан судьбой вопрос, не имеющий ответа: «Почему?». Когда умер отец, терзала боль утраты. Но он сам тогда был юн, и жизнь его только начиналась. Мама – самый добрый, дорогой сердцу человек. Он долгие годы любил её на расстоянии. В семнадцать лет выпорхнул из уютного гнезда и после этого всё реже и реже заглядывал на родину, но в мыслях мать всегда была рядом. Потеря мамы стала неизбывной, горестной печалью. И вот теперь Лиза! Драгоценная Лизавета! Волшебная фея! Почти тридцать пять лет прожили они вместе, каждый день, каждую ночь. Ближе и роднее её никого рядом нет. Старшие дети, Пётр и Мария, давно создали свои семьи, младшая, Наталья, учится в столичном университете. «И как же я теперь жить буду – один?!».

Алексей налил себе еще коньяка, подошёл к зеркалу. «Вот сволочной же ты мужик, Алексей Егорович! Только о себе печёшься. Тебе больно? А Лизочке каково?».

На следующий день Елизавета встретила его в больничной палате с лёгкой улыбкой. Была она бледна, но спокойна.

– Привет, фея моя! – Алексей поцеловал её, присел с противоположной стороны от капельницы.

– Я всё поняла. Судя по сильным дозам и количеству лекарств, всё плохо! – ошарашила Алексея жена.

– Ну что ты? Это же после операции. Для восстановления.

– Я была готова к такому исходу. Начиталась в Интернете ещё до операции.

– Там же пишут те, кто уже выздоровел, – Алексей попытался найти в этом добрую поддержку.

– Давай не будем терять времени, – Лиза говорила тихим, слабым голосом, но спокойным, строгим и уверенным.

Алексей понял, что это предвестник серьёзного разговора.

– Мы с тобой всегда, если и заходили в церковь, то как в музей, посмотреть на росписи стен и богатое убранство. Потому что убеждены: того света нет. А вот когда стоишь у порога, начинаешь сомневаться. А вдруг? С телом всё понятно. Прах. А душа? Это, наверно, как во сне. Тело лежит само по себе на кровати, а нам снится, что мы бодрствуем. И даже летаем. Может быть, так и будет?

Алексей понимал, что Лиза не ждёт от него подтверждения её мыслей, поэтому слушал молча. Правда, горло предательски сжималось, и требовалось периодически проглатывать несуществующий ком.

– Я так думаю, что там я встречусь со всеми, кто уже ушёл. И с Сашей Соломовым. Ты не возражаешь, если мы с ним будем там дружить? Мы будем ждать тебя. Но ты не спеши. Не надо. Живи долго-долго. И учти: одиночество –

это плохая компания для тебя. Одинокая свеча и от лёгкого дуновения ветерка гаснет. А пламень двух сердец любой ветер только ещё больше распалит, как угли жаровни. Так было с нами. Спасибо тебе, любимый мой князь, что нашёл меня и мы так славно, так чудесно радовали друг друга.

Лиза с каждым словом была всё уверенней в своей правоте. Говорила она спокойно, как будто читала знакомый текст. Алексей видел перед собой знакомую, любимую фею, только она сильно исхудала.

– И не надо плакать. Просто моя линия жизни оказалась короче твоей. Конец жизни – это не наказание, это закон. Его не изменить. У меня всё было. Я была счастлива с тобой, с нашими детками, внуками. Это навсегда останется со мной, в моём сердце, в моей душе. Минувшего меня уже нельзя лишить. А будущее? Его тоже нельзя отнять. Нельзя отнять то, чего у меня нет.

Елизавета прикрыла глаза, как будто устала. Улыбнулась своим мыслям.

– Только не женись прям сразу! Год хотя бы подожди.

Ошарашенный таким переходом, Алексей не знал, как ему реагировать, что сказать. Надо же, какая сила в этом хрупком теле. Она ещё и юморит, как прежде.

Через два дня фея во сне ушла навсегда. Алексей на глазах детей и внуков держался мужественно. Дорого это ему стоило. Сердце работало со скрипом.

После похорон сын Пётр, помогая разобрать родительские документы, заметил, что по трудовой книжке стаж у отца начинался с восемьдесят второго года, с начала работы в комитете комсомола Снечкуса, чему очень сильно удивился. Оказывается, и пенсия у отца была меньше маминой. Ну, им вроде как хватало, тем более отец продолжал работать в школе.

– Как так? Ты ж рассказывал, что официально начал работать в совхозе, ещё будучи школьником. А потом

институт, Явленка, армия. Где эти семь-восемь лет? – возмутился Петя.

– Да это ж было в Казахстане, сынок.

– Какая разница? Нет, батька, так не пойдёт. Ты давай-ка, собирайся и проведай свою родину: Петропавловск, Явленку. Там наверняка в архивах всё сохранилось. Тебе обязательно пенсию пересчитают.

Послушав совета сына, Пожарский сел в поезд и отправился в спальном вагоне в своё прошлое, благо, было лето, отпуск. Дорого! Но Петя сказал, что это ему подарок от детей.

Петропавловский вокзал почти не изменился, разве что фасад слегка поменяли, а вот площадь перед ним – совершенно другая. И в центре её вместо монументального, энергично вскинувшего руку Валериана Куйбышева ныне скромно стоял с книжкой в руках поэт Магжан Жумабаев[88]. Понятное дело, что магазин «Ласточка» в пятиэтажке напротив вокзала не сохранился. Зато по-прежнему слева возвышалась водонапорная башня, а справа стоял автовокзал, жив был и железнодорожный техникум. «Троллейбусов нет», – отметил про себя Алексей, усаживаясь на сиденье небольшого автобуса. О том, что рассчитываться за проезд надо будет не рублями, а тенге, узнал от разговорчивого пассажира-попутчика, поэтому в привокзальном обменнике приобрёл национальную валюту. Областной центр очень удивил Пожарского: чисто, зелено, уютно. Что-то узнаваемо, что-то было совершенно не знакомо. Колхозный рынок закрыт нескончаемым рядами бутиков. За высокими елями промелькнул фасад кинотеатра «Казахстан», правда название это было выведено латинскими буквами «QAZAQSTAN». А вот дальше улица

[88] Магжан Бекенович Жумабаев (1893–1938) – казахский поэт. Незаконно репрессирован.

Интернациональная мало изменилась. Всё те же старые пятиэтажки, и на прежнем месте автобусные остановки. Напевно и прямо в душу прозвучало объявление: «Остановка «Улица Пушкина», следующая – «Черёмушки». Ну, точно, как и сорок лет назад. Вышел из автобуса и упёрся взглядом в название «Буратино». Помнится, что раньше большие буквы были установлены на крыше, а теперь лишь на козырьке над входом в магазин, и всё же название сохранилось. Приятно! А вот пединститут поразил своим размахом и красотой, теперь это уже университет. Пришлось побродить по лабиринтам коридоров, пока добрался до архива. Выписку о годах обучения, спасибо сотрудникам, приготовили быстро. На русском языке, но предупредили, что необходимо обратиться за нотариальным переводом печати, она была на казахском языке.

Прогулялся между корпусами общежитий. Стоят родные, как и прежде! Такие же обшарпанные и неприкаянные. Зимой в советское время из окон студенты вывешивали авоськи с продуктами. Сейчас, наверное, холодильники в каждой комнате. Вернулся на улицу Пушкина, и ноги сами понесли по знакомому тротуару до улицы Ленина. Перед театром – бетонные приспущенные знамёна у Вечного огня, их покрасили в красный цвет. Две скульптурные композиции: справа – фронтовики, слева – аксакал с саблей и рядом красноармеец. Живы, в том смысле, что сохранились медные изваяния, и слава Богу. Правда, сейчас только задумался об удивительном: вроде, мемориальный комплекс посвящён погибшим в Великой Отечественной войне, а почему же тогда изображён будёновец и всадник времён гражданской? Ну это ладно, типа преемственность поколений. А вот что делают два батыра Карасай и Агынтай перед русским драматическим театром? «Эх, Алексей! – упрекнул сам себя Пожарский. – Стареешь и становишься

ворчливым. Ты был здесь четыре десятка лет назад. Другая жизнь! Другая страна!».

Улицу Ленина переименовали в улицу Конституции Казахстана. Но она по-прежнему пешеходная, и это порадовало. Теперь она вся уложена брусчаткой. Здания ухоженные, добротно отреставрированные. Горком партии просто не узнать, кроме того, что исчез фонтан перед ним, так ещё и козырёк над крыльцом вынесли метров на двадцать. Понятное дело, теперь здесь другая городская власть – «акимат», название видно издалека. Особенно восхитили Алексея корпуса краеведческого музея. Стены, очищенные от краски и штукатурки, во всей красе блещут красными кирпичными кружевами. Просто восхитительно! А помнится, здесь располагались магазины, и здание было белым. На углу с улицей Парковой на музейной стене прикреплена объёмная мемориальная доска с барельефами Фёдора Достоевского и Чокана Валиханова[89].

Парк культуры и отдыха. Его совершенно не узнать. Рядом с памятником Шаталову установлен бюст Ашимову[90]. Алексей вспомнил, что в годы его студенчества Байкен Ашимович Ашимов был председателем Совета министров Казахстана, а вот то, что он земляк, удивило. Тогда об этом не знали.

Прогуливаясь по незнакомым аллеям, Пожарский вспоминал то, что было в парке его юности. Исчезли гипсобетонные фигуры. «Наверное, сильно обветшали? – решил Алексей. – Да и по теме, видимо, устарели дамы с пучком пшеницы, с бараном и с веслом». Однако медведица с медвежонком сохранились. И пусть со временем под слоями

---

[89] Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865) – казахский учёный, историк, просветитель.

[90] Байкен Ашимович Ашимов (1917–2010) – политический деятель Казахстана.

краски спрятались скульптурные изыски: прорисовка мышц, шерсти, глаз животных – всё же белые медведи «живы». В целом Алексей отметил для себя, что в новой планировке парка вместе с колоннами, арками и брусчаткой появилась искусственная помпезность, но исчезли уют и душевность. «А, может, это я так отстал от современного паркового дизайна?» – упрекнул сам себя Алексей.

– Князь, это ты? Лёха? Ну, точно – Пожарский!

Навстречу шёл такой же, как Горыч, круглый, пузатый, седовласый мужчина, раскинув для объятий руки и широко улыбаясь.

– Нурашка! – удивился и обрадовался Алексей, узнав доброго товарища студенческой юности Нурасыла Ахметова.

Друзья обнялись.

– Ты откуда? Потерянный, исчезнувший, испарившийся после института Лёшка Пожарский. Хотя, судя по необъятности, жизнь тебя не обижала!

– Да ладно, ты тоже вон не худышка. Явно не от голода опух.

Ещё раз обнялись после обмена шутками.

– Что? На родину потянуло? – не унимался Ахметов.

– Да! По бешбармаку соскучился.

– Во! Молодец! Это мы организуем! Ты надолго? Где остановился?

Алексей объяснил, что приехал собрать справки для уточнения трудового стажа. Где остановиться, ещё не решил.

– Отлично, Князь! Давай ко мне. Домой не зову. Тёща приехала. Не поговорить, не выпить. Поживёшь под моим шаныраком[91]! Прямо сейчас и пойдём.

Оказалось, что его «шаныраком» была самая большая гостиница в городе. Пока Пожарский заселялся в номер,

---

[91] Шанырак – круглый, решётчатый купол юрты. У современных казахов символически этим словом называют гостеприимный, хлебосольный дом.

принимал душ, Ахметов ожидал его в отдельном кабинете ресторана за уставленным закусками столом.

Да уж! Алексей и в сказочном сне не мог себе представить, что скромный парень Нурашка вдруг станет местным богатеем. Объясняться, как он возглавил большой, пятиэтажный комплекс, Ахметов не стал. Мол, всё происходит по воле Аллаха. Да и ладно! Было за что выпить и без того. Почти сорок лет не виделись – за встречу! Оказалось, у обоих уже внуки подрастают – за детей! Алексей сказал, что овдовел – тогда за всех ушедших! Вспомнили институтских друзей, преподавателей – за альма-матер!

Нурашка, добрейшей души парень, постоянно общался со многими однокурсниками, разлетевшимися по свету. Есть для этого современные коммуникации, социальные сети, к примеру: «Одноклассники», «ВКонтакте», «Инстаграм» и подобные им. Алексей ни одной из них не пользовался. Как-то так сложилось. Нет, он не отсталый «ботаник», говорил по «Скайпу», общаясь с детьми. И всё.

Нурасыл посмеялся над Лёшкой:

– Ты, я вижу, противник прогресса. Телефон тебе нужен только чтобы позвонить, да? Я видел твой устаревший гаджет. Музейный кнопочный экспонат. Молодец! Ты или прячешься от других, или убедил себя, что тебе этого аппарата достаточно для связи с миром. У тебя в нём наверняка нет даже Интернета.

– Нет! Ты прав. Вообще-то, он есть у меня... в компьютере, дома. Мне хватает. Я в шахматы играю удалённо.

– И какой же ты князь, Лёха, после этого?! А, помню, ты же среди нас был интеллектуалом.

– Ну, так я до сих пор люблю книги читать.

– Бумажные, небось?

– Ну а какие ещё?

– Ясно! Про электронные ты не слышал?

– Слышал. И что? Я люблю полистать, в руках подержать настоящую книжку.

– Я понял тебя. Ты всегда был немного другой у нас на курсе. А вот скажи, у тебя друг был закадычный, Вовка Льнянов, ты как с ним общаешься?

– Никак! А он где?

– Ну ты даёшь! Ты что, все эти годы с ним ни разу не виделся?

– Нет! Как в армии с ним расстались, так и всё!

– Хочешь, я сейчас ему позвоню?

– А он где?

– В Италии, однако!

– Отдыхает?

– Живёт! Лет десять или больше.

– Ого! Нет, звонить ему сейчас не нужно. Ты мне его телефон дай. Я сам позвоню. Потом.

– Ладно, договорились. А какие у тебя планы на завтра?

– Мне надо съездить в Явленку, я там после института работал, справка об этом нужна.

– Отлично! У меня там сват живёт. Он мне барана должен. Позвоню ему, пусть бешбармак приготовит. Так что завтра с утра я тебя сам в Явленку повезу.

– Здорово! Спасибо!

– Не стоит благодарности! На то мы и друзья!

На мерседесе Ахметова домчались до Явленки быстро. Село мало изменилось. Только большинство крыш на зданиях покраснело и посинело, сменив старый серый шифер на цветную жесть.

Алексей попросил высадить его у Дома культуры. Договорились к вечеру созвониться.

Что-то встрепенулось в душе у Алексея, когда он отворил дверь ДК. Всё по-прежнему, родное и знакомое. На стендах нашёл фото из спектакля «А зори здесь тихие». Непроизвольно улыбнулся: «Помнят, значит!».

– Извините, занятия в танцевальном кружке уже закончились, все разошлись, если вы за внучкой.

Это, видимо, дежурная появилась и увидела незнакомого человека.

– Здравствуйте! Извините, я работал в Доме культуры в 1980-м году. С кем-нибудь можно пообщаться, кто помнит о том времени?

Женщина округлила глаза в удивлении.

– Директора нет на месте, а судя по молодым руководителям кружков, вряд ли они что-то вспомнят. Знаете, давайте я отведу вас в библиотеку, к заведующей.

– Алексей Егорович!

В библиотеке навстречу гостю встала из-за стола пожилая седовласая женщина.

– Вас невозможно не узнать, здравствуйте.

– Очень приятно, что вы помните меня. А я вот, простите, затрудняюсь...

– Это и понятно! Я училась в Челябинске и в начале восьмидесятого года взяла академический отпуск из-за мамы. Она сильно болела. Меня на полставки взял на работу Горин Яков Моисеевич. Я видела, как вы репетировали сначала со школьниками, потом со взрослыми девчатами. На все ваши спектакли ходила по нескольку раз. Здорово было! Мы дружили тогда с Олей Кузнецовой, она у вас главные роли играла.

– Вот как?

– Она, как и я, тоже потом на отделении библиотековедения училась. Ой, как давно это было!

– А вы с ней общаетесь?

– Да почти и нет. Очень редко переписываемся. Она в Челябинске живёт. У неё ж своих деток – четверо! Самостоятельные уже. И внуки подрастают.

Алексей от неожиданной новости растерялся. С одной стороны, здорово, что Оля нашлась. С другой – у неё своя

семья. И к чему ворошить былое? Пожарский решил переключиться:

– А где сейчас Яков Моисеевич?

– Горин давно уже, ещё в начале девяностых, переехал в Израиль. Ничего больше о нём не знаю. А вы как, Алексей Егорович?

– Да спасибо, всё хорошо. На пенсии уже. Живу в России. Вот, потянуло в родные места. Хочу ещё заглянуть в школу.

– Понятно! Ну, всего вам доброго!

– И вам всего хорошего и здоровья! До свидания.

Привычным маршрутом Алексей дошёл до школы. Сколько он намотал тут километров, вышагивая из школы в клуб, из клуба в школу. Вот и знакомое крыльцо, козырёк над ним так же опирается на две синие крашеные трубы. А вот двери, когда-то большие, тяжёлые, деревянные двери заменили на лёгкие, пластиковые. В фойе тишина. Понятное дело, каникулы.

Отворил дверь приёмной.

– Здравствуйте!

Секретарша ойкнула и, непонятно почему, закрыла руками глаза. Пожарский растерялся. «А вдруг ей плохо?».

– Извините, вам помочь? Может быть, воды?

– Нет! Это вы меня извините! Присаживайтесь, Алексей Егорович. Как я рада, что вы к нам зашли! Как я рада!

Пожилая женщина, суетливо перебирая предметы на столе, перекладывала их с места на место.

И вдруг Алексея осенило: «Да это же Настя! Пионервожатая! Всё такая же худенькая, только вот всё лицо затянуто сетью морщинок».

Секретарша, догадавшись, что посетитель узнал её, зарделась, отчего ещё больше засуетилась: встала, оправила платье, вышла из-за стола, открыла дверцу скрипучего железного шкафа, постояла, бесцельно глядя на полки, захлопнула дверцу, села на своё место.

– Если вы к директору, то его нет.

– Я к вам, дорогая Настя!

– Ой! Меня сто лет никто так не называл.

– Вот видите! А я приехал сюда, преодолев тысячи километров, чтобы поприветствовать вас. Засвидетельствовать, так сказать, своё присутствие.

Алексей удивился сам себе: давно он не ловеласничал, и как-то глуповато это у него получилось.

– Врёте, Алексей Егорович, но всё равно приятно!

– Это я комплимент вам выражаю. Как дама вы прекрасно выглядите, не то, что я. А вы мне сразу «врёте»?

– Да, вы – большой! То есть лгун большой! У вас вон кольцо на безымянном пальце.

Алексей, смутившись, убрал со стола руку. После девятого дня, по совету сына, он снял кольцо с правой руки и надел на палец левой. Настя, пожалуй, не знала, что так делают вдовцы. «Ну и хорошо, что не знает!» – решил Пожарский и перешёл к главному.

– Да, вы правы! Соскучился по местам своей юности, где начинался мой трудовой стаж. А в России не верят, что это было в моей жизни. Не могли бы вы, уважаемая...

– Анастасия Николаевна.

– ... уважаемая Анастасия Николаевна, сделать справку о том, что я трудился в Явленской школе номер один после института до ухода в армию.

– Сделаю это и по долгу службы, и с удовольствием. Вам, наверное, это нужно для подтверждения стажа при оформлении пенсии?

– Да!

Настя мило улыбнулась.

– Только придётся подождать, пока я найду в архиве нужную книгу приказов, распечатаю справку, заверю её печатью в бухгалтерии и отдам директору на подпись. Это будет не быстро.

– О, я подожду. А скажите, Настя, где сейчас трудовик Тищенко и военрук Ржавин?

– Знаю только, что капитан где-то в России, а мастер «золотые руки» в Израиле, у него жена, тётя Ира, оказывается потомственная еврейка.

– Да, раскидала жизнь мушкетёров! А директор школы Гроздов?

– Степан Нестерович? Он умер. Но про него вам лучше, чем я, расскажет Димка Орешин.

– А как его найти?

– Так он живёт в доме баб Маши, где вы тогда квартировались.

– Во как! Интересно!

– Орешин много вам интересного поведает.

Настя отправилась в школьный архив, а Пожарского ноги повели к дому баб Маши.

Новый, свежевыкрашенный, из невысокого штакетника забор. Изящная калитка. Во дворе крупный мужчина с метлой.

– Здравствуйте, уважаемый! А не подскажете, как мне найти Орешина Дмитрия?

– Это я и есть.

К забору со стороны двора подошёл лысый, краснощёкий, шарообразный человек. Лишь торчащие в стороны уши и надломленный, с хрипотцой, голос напоминали Орешина.

– Димка, ты?

– Ого! Алексей Егорович! А я вот знал! Знал я, что нам суждено с вами свидеться. Да проходите, пожалуйста!

Два дородных мужика крепко обнялись.

– Да, – Алексей похлопал по пузу бывшего своего ученика, – богатство мы с тобой, однако, своеобразное накопили.

– Не знаю, как у вас, а у меня этот авторитет как-то сам собой вырос. Какими судьбами к нам, Алексей Егорович?

– Дети выгнали из дома!

У Дмитрия брови по свободному полю лба поднялись к затылку.

– Да шучу я, шучу, Дима. Хотя в шутке этой правда в том, что сын заставил восстановить казахстанский трудовой стаж для повышения пенсии. Пенсионер я уже!

– А что? Правильно! Работали мы по-честному, пусть государство всё и восполнит. А вы где нынче на постоянном месте жительства?

– В Московской области. После армии, где мы с тобой встретились...

– Да! Как сейчас помню!

– ... перебрался я с Дальнего Востока на запад, в Литву, трудился там, пока Союз не развалился. Потом в арбузный край переехал с семьёй, под Астрахань. У меня трое детей.

– Ух ты! Здорово! А я бобыль!

– Ну а лет десять назад переселился в Подмосковье.

– Путешественник, значит.

– Ладно, хватит про меня. Я был в школе, там секретарша сказала, что ты всё знаешь про Степана Нестеровича. Она как-то таинственно это произнесла.

– А-а, Настька! Понятно! Да что мы во дворе стоим? Пойдёмте в дом. Посидим! За встречу примем! И рассказать есть про что, в этом Анастасия права.

В доме Митя ловко стал накрывать на стол. Алексей осмотрелся. Мебель вся новая. Пожарскому показалось, что стало вроде тесновато. Хотя на удивление всё было прибрано и безупречно чисто.

– А ты молодец! – похвалил гость хозяина. – У тебя прям идеальный порядок.

– Так это всё Настя. Вот вам раскрываю одну тайну. Я, как вернулся из армии, стал к ней подкатывать. Она и не против, вроде, но держала на расстоянии. Ну, думаю, надо понапористее, как майор Зурин. Ага! Получил по мордасам.

А Настюха без обид. Продолжаем общаться, как ни в чём не бывало. Она одно время даже переехала ко мне, когда я тут жить стал, – об этом отдельный рассказ, – но спали в отдельных комнатах. Сейчас она к матери вернулась, та совсем уже не встаёт. Но меня Настя не забывает. Порядок этот – её рук дело. Я уж к ней и так, и эдак! Нет, говорит, я другого люблю. Темнит! Я ж вижу, ни к кому у нас, в Явленке, она не похаживает. Так и живём, как баба Маша с дедом Миркой. Они в один год ушли, друг за другом. Это было... в девяноста пятом году.

– А Степан Нестерович?

Дмитрий за время рассказа выставил закуски на стол, разлил водку по старинным гранёным рюмкам на точёных ножках.

– Дорогой Алексей Егорович! Всё я вам в подробностях расскажу. А сейчас давайте поднимем за нашу встречу! Спасибо, заглянули ко мне. Не забыли! Ну, со свиданьицем!

Чокнувшись, опрокинули гранёные лафитники, закусили.

– Вы для меня, Алексей Егорович, счастливый подарок судьбы. После встречи с вами, после репетиций и спектаклей я стал другим человеком. Всю последующую жизнь я ориентировался на вас: «А что бы сказал Алексей Егорович, а что бы посоветовал, одобрил бы или нет моё решение?». Вот как на духу говорю! Жил честно, за это мне и привалило от жизни! Как-то после демобилизации заглянул я в родную школу, директор сразу к себе пригласил. А когда узнал, что мы с вами в учебке встретились, только про вас и расспрашивал. Видно было, полюбил он вас, крепко полюбил. Всё ждал, что вы вернётесь после армии ему на замену. Степан Нестерович жил уже к тому времени не при школе – у баб Маши, и не один. Супруга у него появилась, Светлана Викторовна. Приятная такая женщина. А уж как её наш директор обожал! Светочка, Светланка, Светлячок – иначе и не называл. Да всё за руч-

ку держал. К нему как будто вторая молодость вернулась. Он на своём костыле алюминиевом летал словно. И баб Маша счастлива была. С молодой хозяйкой сдружилась, та ей и помощницей, и подружкой стала, вроде дочери. А когда приватизация началась, так баб Маша отписала дарственную на этот дом Светлане и Степану.

Димка вновь наполнил рюмки.

– Давайте, Алексей Егорович, за добрую память! За добрых людей!

Чокнулись, выпили.

– А почему ты вдруг здесь оказался?

– О! Это следующая тайна! В 2009-м году отметили мы восемьдесят пять лет Степану Нестеровичу. Администрация района пришла поздравить ветерана Гроздова. Степан Нестерович уже слаб был. Из дома почти не выходил, но меня он привечал. Мы с ним, бывало, по праздникам и рюмочку пропускали. Так вот, отметил он свой юбилей, поблагодарил всех, как будто попрощался, и всё. Утром позвонила мне Светлана Викторовна, что Степана Нестеровича не стало. Умер. Хоронили всем селом, без преувеличения. Тут каждый второй школу закончил, где он сорок лет директором был.

Тут не выдержал Алексей и, взяв инициативу в свои руки, налил в рюмки, предложив:

– А давай за нашего директора! Он путёвку в жизнь, как говорится, не только ученикам выдавал, но и молодым учителям, типа меня. Крылья не обреза́л, начинания поддерживал, был не только наставником, но и старшим товарищем, помогал и доверял мне не только в работе, но и в личной жизни. Ты же помнишь эту глупую историю с учительницей физкультуры?

– Да! Мы тоже очень переживали тогда. Не поверите, хотели тёмную устроить Марине Юрьевне. Дети, конечно,

но искренние. Она в то же лето уехала с мужем и больше не вернулась в Явленку.

– Да и Бог с ней! Давай за дорогого нашему сердцу Степана Нестеровича!

– Давайте!

Закусывать Алексей не стал, лишь смахнул слезинку с щеки и отвернулся к окну.

– А знаете, что? – предложил Орешин. – Давайте прогуляемся к могилке директора. Он лежит рядом с баб Машей и дедом Миркой. Это недалеко. А по дороге я продолжу рассказ, как оказался в доме Дайкаловых.

Шли не торопясь. Два немолодых, довольно-таки упитанных человека колобками катились по сельской улице, мирно беседуя. Вернее, говорил один, хриплый, а другой его внимательно слушал.

– После похорон вместе со Светланой Викторовной мы почти каждый день ходили на кладбище. Она всё рассказывала мне, как счастливо прожили они со Степаном Нестеровичем почти тридцать лет, как он нежно и трепетно относился к ней, ни разу ни единым словом не упрекнул, что когда-то она предала его, выйдя замуж за другого, хотя всю жизнь любила только своего Стёпушку. Я слушал её и восхищался: мне казалось, что в их возрасте, а они всегда мне казались стариками, никакой любви нет, так... привычка. А она мне, мол, в старости человек борется со своим дряхлеющим телом, оставаясь в душе молодым. Мол, в годы в юности люди совершают ненужные ошибки, когда чувства борются с разумом, и зачастую сердце подчиняется голове, а вот в мудром возрасте нет необходимости совершать глупости и можно просто наслаждаться каждым днём жизни с любимым человеком. Она так вот просто мне об этом рассказывала, а я чувствовал, что искренне завидую ей и Степану Нестеровичу. Она постоянно плакала и говорила, что ей очень плохо без любимого Стёпушки. Через

неделю после поминок за ней приехала дочь и забрала в город, пусть присматривает за внуками, чтобы некогда было печалиться. Я стал навещать могилку директора один. И вот однажды подходит к надгробию эдакий импозантный старик с аккуратной бородкой, с изящной тросточкой, явно не сельчанин, и говорит, обращаясь к портрету Гроздова: «Прости, брат, не успел я. Опоздал вот совсем ненамного». Сказал и заплакал. Я в растерянности. Ничего не пойму. И спросить не решаюсь, и уйти не смею. А он платочком слёзы утёр и ко мне обращается: «Вы кем приходитесь Степану Гроздову?». Я, как дурак, руками развожу, губами шлёпаю, не знаю, что ответить, как объяснить. В общем, ничего не придумал и ответил как есть: «Я его ученик». А он мне: «Спасибо вам! Вы хороший человек!». Я ещё больше растерялся, но всё же поинтересовался: «А вы, простите, кто?» – «Я его брат родной, Антон Гроздов. Мы расстались со Степаном в сорок втором году, когда он ушёл на фронт, и с тех пор, так случилось, мы с ним не виделись. А кто-нибудь из родных в деревне у Степана есть?» – «Жена. Но она сейчас в городе, а детей своих у них не было. Сестра ещё есть, но она живёт в Караганде». – «Вы, должно быть, хорошо были знакомы? Поэтому вы подробно знаете о его близких?». И тут я понял, что этот Антон – иностранец, говорил он как-то странно, будто подбирая слова, и произносил их с непонятным акцентом. В этом я убедился после его следующего вопроса: «А где у вас есть отель?». В общем, пригласил его к себе в гости, я с мамой тогда жил. Как положено, помянули Степана Нестеровича, и поведал мне Антон Гроздов свою историю, очень уж ему хотелось выговориться.

Орешин откашлялся. От долгого монолога он стал хрипеть ещё больше. Остановились. Асфальт закончился. Конец села. Впереди виднелись оградки кладбища. Решили немного отдышаться от долгой ходьбы.

– А вы не курите, Алексей Егорович?

– Нет.

– Я курил, много курил раньше. Врачи запугали раком. А как бросил, меня и разнесло вширь. Теперь худеть пытаюсь. А! Бесполезно!

Двинулись дальше по полевой дороге. Дмитрий продолжил раскрывать семейную тайну Гроздовых.

Оказывается, в сорок третьем году, дождавшись своего восемнадцатилетия, Антон вслед за старшим братом отправился на фронт. Но воевать ему практически не довелось. В первом же бою от разрыва снаряда потерял сознание, очнулся в плену. А дальше в его жизнь постоянно вмешивалось невероятное стечение обстоятельств. В концлагерь Гроздов не попал. Пригодилось его знание немецкого языка. Одному из чиновников на оккупированной территории потребовался переводчик. Так Антон познакомился с весьма предприимчивым бароном Тизенгофом. Он вагонами вывозил в Германию всё, что представляло хоть какую-нибудь ценность, ничем не брезговал. В Фатерланде у него были огромные склады, где работали пленные, разбирая награбленное барахло. Вместе с бароном Антон прибыл в Мюнхен. И там опять волею случая сдружился он с сыном барона Густавом, тот был инвалидом, его на коляске и выгуливал Гроздов. В сорок пятом Мюнхен захватили союзники. И после этого Антон вместе со всем семейством Тизенгофов перебрался в Канаду, продолжая ухаживать за Густавом. Как-то быстро пролетели годы. О возвращении на родину Гроздов и не думал. Боялся, если честно. После развала Союза стал разыскивать родных. Ему ответили, что в Петропавловске такие не проживают. А недавно в Интернете открыли российскую базу данных о советских солдатах времён войны. Там Антон нашёл сведения и о себе, оказывается, он числится среди пропавших без вести, отыскал информацию

и о брате. Степан был награждён орденом Красной Звезды, демобилизован по ранению. Сделал запрос в областной военкомат и неожиданно получил ответ: Степан Нестерович Гроздов проживает в селе Явленка. Быстро засобирался, но сборы затянулись на год. Умер Густав, последний из Тизенгофов, он никогда не был женат и всё своё богатство передал Гроздову. Год ушёл на оформление наследства. Теперь Антон богат. «И случай – Бог-изобретатель», как говаривал Пушкин. Беда лишь в том, что живым своего брата Антон уже не застал. Опоздал.

Под этот удивительный рассказ Алексей и Дмитрий добрались до места.

На фоне многих других могил место упокоения Гроздова сильно выделялось: чёрным мрамором было отделано не только надгробие, но и вся площадка, на постаменте выгравирован большой портрет Степана Нестеровича и орден Красной Звезды. А ещё из такого же мрамора стол, скамейка и кубы по углам площадки.

Алексей в удивлении посмотрел на Диму.

– Это всё за деньги Антона Нестеровича. Он сам выбирал и материал, утвердил эскиз, и выполнил пожелание, завещанное перед смертью братом, чтобы не крест был изображён, а звезда. На цену не смотрел.

– Уважительно, хотя и не очень скромно. Степан Нестерович бы не одобрил такую роскошь.

– Что сказать? «Это нужно не мёртвым, это нужно живым!». Никто в селе не осудил. Решили, что директор достоин такого уважения.

– Ну и хорошо! А где могилка баб Маши?

– А вон!

Антон указал на два памятника из такого же мрамора, но вокруг надгробий была уложена бетонная брусчатка.

– Это уже я заменил их старые, крашеные-перекрашенные железные обелиски на сэкономленные

от гроздовского памятника деньги. Я думаю, Степан Нестерович одобрил бы это.

– Ты молодец, Дима!

Подошли поближе. Пожарский прочитал вслух:

– Терпимир Анкудьевич Истомин родился 17 июля 1890 года, умер 21 июля 1995 года. Ого! Это дед Мирка сто пять лет прожил?

– Да, мы ему столетие отмечали – всё село гуляло. Из области приезжали поздравлять. А он всё отшучивался: мол, это что? Вот дед его сто пятнадцать лет прожил! До Парижа пешком два года шёл за Наполеоном. Потом назад домой так же. Спешить некуда было. Служил ведь в армии двадцать пять лет. Все посмеивались. Кто знает: правда – нет?! Проверить нельзя. А умер дед Мирка через неделю после баб Маши. «Соскучился, – говорит, – по Марии своей, да и приглядывать за ней надо. Мало ли там как?». Представляете, и не болел вовсе. Сказал: завтра помру – и помер.

Алексей улыбнулся, вспоминая деда-Миркины интонации и его приговорку «ёк-макарёк».

– Мы как-то быстро собрались и выдвинулись из дома. Я ничего с собой не взял, – расстроился Пожарский.

– Э-э! Не переживайте! Зато я взял.

Из пакетика Орешин вынул бутылку, закуску. Разнёс конфетки по могилкам, там же плеснул в местные рюмочки, они хранились за памятниками.

– Старики были пьющие люди, этим делом не брезговали. Я поэтому всегда с собой приношу. Давайте помянем их.

Выпили молча.

Когда возвращались, Дима поведал, как он оказался в доме Дайкаловых.

– Сначала Антон Гроздов выкупил его у Светланы Викторовны. Якобы для себя, чтобы было где остановиться, когда будет приезжать проведывать брата. Это, я понимаю,

он сделал специально. Просто так тёть Света денег бы от него не приняла, а тут, вроде, купчая. А мне он тоже положил на счёт огромную сумму, но с правом пользоваться только процентами. Так этих процентов столько, что мне и на трёх работах такого капитала не поднять. «Это, – сказал он, – чтобы я не жадничал, ухаживая и за домом, и за могилой». Вот так я и переселился в дом баб Маши. Честно отрабатываю своё содержание. Да, по совести, я бы и так всё делал. Скромненько, потихоньку. Без такого размаха, конечно. Хорошо, что брат у Степана Нестеровича нашёлся. Жаль только, что не встретились они. Вот такие дела!

Распрощались Пожарский и Орешин как родные.

– Спасибо тебе за всё, однополчанин! – Алексей горячо обнял Дмитрия, похлопал по плечу.

– Да чего там! Вам спасибо, что помните!

Бывшая пионервожатая Настя, подготовив справку, уже ждала Алексея Егоровича с нетерпением.

– У меня всё готово! И даже более того!

– Неужели вы решили добавить мне стажа? – на полном серьёзе спросил Алексей. – И вместо одного года...

– Нет! Ну что вы! Так нельзя!

Алексей улыбнулся. С юмором у Насти всегда были проблемы.

– Я понимаю, Алексей Егорович, что вы шутите. Зря! Вот, смотрите...

Настя протянула Алексею конверт. На нём было написано: «Не востребована!». А внутри лежала трудовая книжка советского образца. Его трудовая книжка.

– Если бы вы её тогда получили, то сегодня бы и не появились здесь.

– Я не понял, вы это сейчас говорите с сожалением или с радостью?

Настя зарделась. По суете рук было видно, что она волнуется.

– Я рада! Я очень рада, что вы не забрали тогда эту трудовую книжку. Иначе бы вы так и не узнали, что это я присылала вам в армию открытки.

– Вот оно что?! Спасибо! Это было приятно. Я, конечно же, не догадался. Почему же без подписи? Я бы вам ответил.

– Правда?

– Обязательно!

– Значит, я дура!

– Ну что вы, право слово! А простите, Настя, моё письмо, предназначенное Ольге Кузнецовой, тоже вы назад отправили с подписью «Адресат выбыл»?

– Да! Я очень виновата перед вами. Оля тогда почти и не появлялась в школе, только на экзамены, и сразу исчезала. Когда её мать пришла за документами, письмо лежало вот здесь, в столе. Вручить ей – всё равно что выбросить. И тогда моя мама, она тогда секретарём работала, вы же помните...

– Конечно! Ульяна Станиславовна.

– ...отдала конверт мне с просьбой, чтобы я нашла возможность передать его Ольге. А я этого не сделала. Отнесла его на почту, приклеила новую марку и сдала на возврат.

– И не вскрывали?

– Нет, ну что вы! Как вы могли подумать? Я и без того столько лет виню себя. Испортила вам жизнь!

– Не надо так терзать себя, дорогая Настя! Чему было не суждено сбыться, то и не произошло. Поверьте, у меня была насыщенная жизнь. В ней были любовь и счастье. У меня трое детей и четверо внуков. Я всё ещё работаю в школе, ученики любят меня. Даже прозвище придумали – Горыч! Это потому что растолстел. Спасибо, что не Горыныч!

– За что же вас Горынычем звать? Вы добрый! А почему же вы о любви и счастье говорите в прошедшем времени?

– Пару недель назад я овдовел.

– Ой, простите! Я вам соболезную!

– Спасибо! Да, жизнь пронеслась, как самолет в небе. Но я ни о чём не сожалею. И вам желаю, чтобы забыли о том, чего не вернуть. У меня к вам ни обид нет, ни претензий. Спасибо ещё раз за помощь!

Алексей взял справку, трудовую книжку.

– Позвольте раскланяться. А это вам с признательностью.

Он поставил на стол пакет с набором конфет и бутылкой шампанского. Не зря же после кладбища заглянул в магазин.

– Да что вы! Это лишнее!

– Совсем и нет, Анастасия Николаевна! После работы вы уж, пожалуйста, загляните к Орешину, поднимите фужер за нашу встречу, за любовь, да и оставайтесь у Димки. Хороший он парень! Счастье, оно иногда рядом с нами. А мы и не замечаем его.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КУДРЯШОВ. 1918 ГОД

Уже полгода прошло, как новая власть заменила Юлианский календарь на Григорианский, но население всё никак не могло привыкнуть к новому летоисчислению. Да и сами большевики, будучи у власти, постоянно путались и упоминали прошлогодние даты с комментарием в скобках, как бы вспоминая, какое это было число по старому стилю. И от этого многие события приобрели анекдотический оттенок: Февральская революция произошла в марте, а Октябрьская – в ноябре. Святые отцы категорически отказались принимать западноевропейский календарь. Это был их ответ на отделение церкви от государства. Непослушание.

О, господи! В этой стране уже давно никто никого не слышит и не слушает. Новая власть установила свои праздничные выходные: день низвержения самодержавия или Февральской революции, день Парижской коммуны, день Интернационала или первомайский праздник рабочих всего мира, ну и, конечно, день Пролетарской революции. Но люди по-прежнему продолжали отмечать и все старые праздники, церковные, сожалея лишь о том, что дни рождения и тезоименитства порфироносной семьи были отменены как выходные ещё Временным правительством.

Прошло уже двадцать восемь лет, как Михаил оставил отдельное жильё после истории с Софьей Блюменау и перебрался на квартиру к братьям и к матери. Николай тогда сразу же после венчания переехал в Петергоф. Он был очень доволен своей женитьбой, пусть и по расчёту, но очень удачному. Жена его, Степанида, была просто счастлива. Овдовев, она не знала, что ей делать с оставшимися по завещанию от мужа петергофскими кабаками. А Николка уже остепенился и не витал больше в облаках с мечтой обогатиться по-быстрому. Поэтому он с головой окунулся в знакомое ему дело и быстро навёл порядок в питейных заведениях. Более всех была довольна женитьбой оболдуя Николки мать: Колька единственный среди её сыновей не имел законченного образования, однако купеческая жилка была всегда при нём.

Сашка, третий из братьев, после окончания Императорской военно-медицинской академии работал как каторжный: служил в клинике, практиковал в военных лазаретах и госпиталях, вёл частный приём пациентов, при этом успевал ещё и преподавать в академии, и писать научные работы, и редактировать журнал «Зубоврачебный вестник». Видели его дома только ближе к полуночи и то не каждый день.

Как-то неожиданно старший из братьев Михаил и младший Иван остались в съёмной квартире вдвоём: Сашка снял в том же Усачёвом переулке на углу с Садовой улицей просторные апартаменты, обустроил там зубной кабинет, а мама в один из дней вдруг заявила, что тоскливо ей на свете стало и желает она поскорее свидеться с покойным своим мужем, после чего отказалась от приёма пищи, замолкла, слегла, отвернулась к стене и через некоторое время тихо ночью «ушла безвозвратно» на свидание с любезным её сердцу Иваном Никитичем.

Михаил с головой ушёл в работу. До обеда он вычитывал газеты и журналы, прибывающие на Главпочтамт из-за границы. А затем перебирался на Васильевский остров в своё любимое пристанище – библиотеку университета. Здесь, в тишине книжных стеллажей, он был счастлив, забывая о проблемах за стенами библиотеки. Книги – верные и надёжные друзья – никогда не подводили и всегда ждали его прихода. Вместе с Карлом Германовичем Залеманом, директором библиотеки, Кудряшов готовил к публикации ежегодный каталог поступающих книг. В своё время Карл Германович, приглашая Михаила работать своим помощником, сумел открыть для молодого человека дополнительную штатную единицу. И был прав. Работоспособность и усердие молодого человека были вне всякой похвалы. Он безустанно разбирал и старинные рукописи, и древние фолианты, и новые поступления, систематизируя их и приводя в должный порядок. Кроме этого, успевал помочь и многим университетским учёным в издании словарей и научных монографий, сам писал статьи, делал переводы редких трудов западных исследователей и многих зарубежных поэтов.

Лишь иногда по выходным Михаил выезжал за город, к брату Николаю. У того теперь была своя конюшня, и можно было совершать конные прогулки по петергофской округе.

– Ты как, Михал Иваныч, забыл свою Соньку Бесстыжую? – спросил как-то Николай брата во время такой прогулки.

– Я очень тебе признателен, что ты тогда оказался рядом и очень помог мне, но попрошу не говорить о ней так, и, пожалуйста, давай не будем обсуждать эту тему.

– Хорошо, – быстро согласился Николай и перевёл разговор на другую тему. – А как там Иван поживает? Он к нам совсем не заглядывает.

– Служит по-прежнему переписчиком в конторе при почтовом ведомстве.

– Давно уж там сидит. Ты бы как-то посодействовал ему в продвижении. Походатайствовал перед начальством, что ли?

– Да я что? Не велика птица.

– Э-э, Михал Иваныч, не прибедняйся. Коллежский асессор как никак. Лауреат. Тебя уважают. Попросить за младшенького – дело богоугодное. Ты подумай!

– Я подумаю!

И случай представился очень быстро.

Карл Карлович Вейсман, руководитель цензуры иностранных газет и журналов на Главпочтамте, неожиданно пригласил Кудряшова к себе в кабинет. Обычно Михаил сам приходил к нему, когда вдруг обнаруживал статьи, в которых авторы совершенно непозволительно отзывались в адрес семьи Императорского дома, и надобно было принять решение: или не допускать весь тираж к распространению, или удалить только отдельные страницы. А тут вдруг секретарь объявляет:

– Их превосходительство требует вас к себе.

«Что за прокол мог случиться в моей работе? – думал Михаил, направляясь к начальству.

– А-а, Михаил Иванович, – приветливо встретил Вейсман вошедшего Кудряшова.

Он предупредительно взял своего подчинённого под локоток, и они медленно стали вышагивать по просторному кабинету.

– Вспоминаю вот, как настойчиво и вдохновенно рекомендовал вас в наше ведомство Яков Петрович Полонский. Как он, кстати? Вы ж наверняка дружите?

– Да, встречаемся у него в доме по пятницам. Он, как всегда, полон планов, энергичен и постоянно теряет свой костыль.

– Вот сколько помню его, он завсегда с этой палкой под мышкой. Однако же привет ему передавайте и скажите, что его протеже, то есть вы, вполне оправдываете его рекомендацию.

– Спасибо, ваше превосходительство!

– Да чего там, истинная правда, и давайте без чинов. Вы присаживайтесь.

И они разместились в креслах напротив друг друга.

– У меня к вам вот какой разговор. В отделе обработки писем у нас страшный завал. Ну никак не успевают служащие вовремя справиться со всем объёмом поступающей из городских почтовых ящиков корреспонденцией. Нерасторопные они какие-то, что ли? А нет ли у вас на примете молодых, этаких ловких и проворных людей.

Михаил чуть не подпрыгнул в кресле:

– Есть такой. Он переписчиком работает в нашей канцелярии. Сразу признаюсь, он мой младший брат. Но могу похвалить его не только поэтому.

– То, что брат, даже хорошо, – неожиданно признался Вейсман. – «Ну, как не порадеть родному человечку!». А вот какими же талантами он обладает?

– У него феноменальная память. Взглянет на текст и в момент запомнит всё до единой буквы.

– Да что вы говорите?! Вот такой-то нам и нужен. Ну, раз вы его рекомендуете, устроим ему экзаменацию.

Михаил Иванович почему-то и не удивился тому, что руководитель цензуры иностранных газет и журналов так обеспокоен проблемой отдела почтовых отправлений.

Ведь его подразделение, вроде, и располагалось на Главпочтамте, но имело отдельный, особо охраняемый вход и фактически было подконтрольно Министерству внутренних дел и, более того, только самому министру. Отчего же так? Понятное дело, Цензурный комитет давно уже передали из Министерства просвещения в полицию. Иностранные газеты и журналы подлежали цензированию, чтобы не допустить тлетворного влияния западной идеологии на российские умы. Вымарывали, вырезали, запрещали оскорбительные высказывания в адрес самодержавия и царствующей семьи, в адрес Правительства, православной религии и, вообще, всякое богохульство. А самое главное, почтовая переписка, личная и канцелярская, негласно подлежала досмотру. Негласно, потому что Россия официально, на законодательном уровне поддерживала в глазах международного сообщества тайну переписки. Более того, за вскрытие писем полагалось наказание в виде штрафа, а то и ареста. Но это официально, по закону. В действительности перлюстрации подвергалась вся переписка от дипломатической до частной, проверялись все письма и министров, и великих князей, и рядовых граждан. Но делалось это тайно. И отвечал за это именно Карл Вейсман, руководитель цензуры на почте. А директор Главпочтамта не вмешивался в его работу и за молчание дважды в год получал очень приличную премию.

Все письма, как входящие, так и исходящие, вначале поступали на обработку, условно их делили на две части: на те, что подлежат досмотру, и на те, которые можно сразу отправлять адресату. Писем множество, и как их отсортировать? Во-первых, в обязательном порядке вскрывалась как официальная, так и личная переписка всех чиновников;

во-вторых, государь император желал знать, что думают и о чём говорят его близкие, то есть все родственники разветвившейся семьи Романовых; и в-третьих, существовал особый список, который постоянно пополнялся именами революционеров, оппозиционно мыслящих граждан, различных духоборцев и неблагонадёжных людей. Вот на этом уровне разделения почтовой корреспонденции, по мнению Карла Карловича, и происходило торможение работы его отдела.

Обо всём этом Михаил Кудряшов догадывался, но не желал знать подробностей. Их, журнально-газетных цензоров, уверенно владеющих иностранными языками, было человек пять. Однако мимо них в кабинет начальника проходили и исчезали за дверью ещё человек десять-пятнадцать. Что они там делали? И ведь когда, бывало, Кудряшов заходил к Вейсману по делам службы, никогда никого другого, кроме него, ни разу не видел.

В общем, брата на проверку его способностей привёл сам Михаил. Иван до этого и не обращал внимания на то, что рядом с главным входом в почтамт, правее от крыльца, есть ещё один вход. За дверью их встретил здоровенный служащий в полицейской форме, улыбнулся Михаилу:

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

И вопросительно уставился на Ивана.

– Никита, это мой брат Иван Кудряшов, их превосходительство ждёт его у себя.

– А-а! Это ваш братец? Уведомлён. Проходьте.

По узкой лестнице поднялись на третий этаж. Встали перед дверью начальника.

– Сейчас зайдём в приёмную, а дальше ты сам. И не робей! Если покажешь себя с хорошей стороны, жизнь твоя изменится.

– А что делать-то надо?

– Тебе всё объяснят. Ну, с Богом!

И Михаил перекрестил брата.

Иван, войдя, встал навытяжку, никого из присутствующих он ни разу в глаза не видел. В кабинете, кроме руководителя, находились самые опытные цензоры: Александр Дмитриевич Фомин и Михаил Георгиевич Мардарьев.

– Да вы проходите поближе к столу, сударь, – пригласил его Вейсман. – Михаил Иванович очень вас рекомендовал. Говорил о каких-то необыкновенных талантах.

Иван молчал.

– Ну, братец, вот тебе задание, – продолжил Вейсман. – Перед тобой список имён на листке и вот эти письма.

Он указал на два внушительных по высоте столбца конвертов.

– Необходимо рассортировать все письма так, чтобы слева лежали те, на которых указаны имена из списка, а справа все остальные.

Иван мельком взглянул на листок с именами и приступил к делу. Присутствующих очень удивило, что экзаменуемый, ни разу больше не взглянув на список, начал энергично раскладывать письма в два столбца. Работал он довольно быстро, распределяя конверты как будто наугад. Присутствующие следили за ним, как заворожённые. За совершенно короткое время, за каких-то пару минут, дело было закончено.

– Однако! – удивился Вейсман. – Вы можете теперь подождать в приёмной, молодой человек.

Михаил удивлённо спросил брата, вышедшего из кабинета начальника:

– Ну как? Что-то ты очень быстро.

Иван в неопределённости пожал плечами.

Приблизительно через полчаса в приёмную выглянул Мардарьев:

– Михаил Иванович, зайдите, пожалуйста.

Вейсман кинулся навстречу Кудряшову:

– Дорогой Михаил Иванович, да что ж вы от нас прятали своего братца? Вы не представляете, как нам он нужен, этот волшебник. Он, кажется, и в список не смотрел, а разложил всё верно. Мы в десять раз дольше проверяли его работу. Это чудо какое-то. В общем, берём его, непременно берём.

Отныне дело по разбору корреспонденции упорядочилось. Старые работники подчинялись Ивану Ивановичу Кудряшову. Все теперь были у него на подхвате: сначала они аккуратно раскладывали груды писем в стопки, а уж потом «Иван-кудесник», как прозвали его сослуживцы, быстро распределял их по назначению. Когда накапливалась стопа, допустим, иностранных посланий, её тут же отправляли в особый ящик, который хитроумным механизмом поднимался с первого этажа на третий. Так поступали и с депешами из различных ведомств, та же участь ждала и переписку царской семьи. Что происходило со всеми этими почтовыми грамотами наверху? О том внизу было неведомо. А никто и не интересовался. Дело в том, что все были предупреждены: всё, что происходит в отделе цензуры, есть «государственная тайна», и тот, кто хоть как-то был причастен к этой тайне, давал подписку о её неразглашении.

Иван преобразился. Заказал себе новую шинель. Молчаливый и замкнутый до этого, он вдруг стал очень милым и общительным. Вместе с Михаилом стал чаще бывать у брата Николая. А по вечерам дома они подолгу беседовали о странностях судьбы.

– Вот в детстве ты мне, Михал Иваныч, казалось, был не родным братом, а каким-то чужим дядькой. Не знаю, может, из-за того, что старше почти на десять лет. Ты ведь и дома бывал, как будто случайно в гости заходил. О! Тогда все пытались тебе угодить и привлечь твоё внимание. Как я завидовал Машке, ты с ней шушукался, она с тобой была всегда такой весёлой. Родители тебя тоже очень уважали.

Помню, как ты однажды рассердился на тятеньку, когда он к тебе вдруг обратился, не шутя: «Ваше благородие». А меня ты и не замечал.

– Скажешь тоже! – попытался возразить Михаил, но аргументов, чтобы поспорить, не нашёл.

– А вот теперь роднее и ближе тебя у меня никого нет, – Иван произнёс это искренне, просто, без толики смущения.

– А Николка, а Сашка, а сёстры? – напомнил Михаил о родственниках.

– Сашка – гений медицины. Он в рот смотрит, чтобы определить, где там кариес образовался, а в глаза не смотрит никогда. Ему ничего и никого не нужно. Сашка хороший, добрый, но любит быть один. А Колька и сёстры живут в своих семьях, им там и без нас хорошо.

«А что? – подумал Михаил, – Ваня, пожалуй, прав. От одной мысли, что если бы он жил сейчас один в той злосчастной квартире, на душе становилось холодно».

За последнее время братья очень сблизились. Была жива мама, она каждому в отдельности была и другом, и советчиком. А теперь они поняли: надо держаться друг друга. Правда, без женского присмотра в их квартире не хватало уюта и порядка. Вот и сейчас Михаил обвёл глазами заставленный немытой посудой стол в поисках чистого бокала и, не найдя такового, перелил остатки холодного чая в глубокую тарелку, чтобы налить себе кипятку из самовара.

Высоко продвинуться по карьерной лестнице Иван бы не смог, образование у него было незаконченное гимназическое. Зато внутри отдела его очень даже поддерживали, доверяя не только распределять почту, но и более ответственную работу. Так Иван попал в самое горнило цензуры, так сказать, в тайну тайн под названием «чёрный кабинет». Почему он так назывался, никто толком

не знал. Но произносить вслух это сочетание слов было категорически запрещено.

– А ты слышал что-нибудь про «чёрный кабинет»? – с лукавым прищуром спросил Иван брата.

– Нет! – категорично ответил Михаил.

– А я там был, – полушёпотом с гордостью заявил Иван.

– Ты же подписывал бумагу о неразглашении тайны.

– И что? Ты тоже расписку давал. Разговор же между нами, а ты свой.

Иван с надеждой на понимание смотрел в упор на брата. Ему ох как хотелось поделиться своими впечатлениями.

– Вызывает меня их превосходительство и говорит: «Иван Иванович, вы с достоинством справляетесь со своими обязанностями, и у вас, я вижу, появляется свободное время». Я на этом месте, если честно, трухнул. Думаю, хотят понизить мне жалование. Ан нет!

Иван интригующе замолк, ожидая реакции брата на его рассказ. Михаил упорно молчал, прихлёбывая чай. И брат продолжил делиться секретом:

– «Надо, – говорит Карл Карлович, – ваше свободное время использовать продуктивнее. У вас же каллиграфический почерк?» – спрашивает меня. – «Так точно», – отвечаю, не понимая в чём подвох. – «А требуется ваша помощь, – продолжает начальник. – Я проведу вас в секретную комнату, там вам всё объяснят. Имейте в виду, это за дополнительное вознаграждение».

И тут глаза Ивана наполнились восторгом.

– Дальше всё произошло, как в романах Дюма или Эжена Сю. Наш начальник подошёл к книжному шкафу, что-то там нажал, и полки, как двери, отворились, за ними образовался проход. И дальше много затенённых комнат, все окна в них были зашторены. Я увидел тот самый ящик, который мы поднимали снизу наверх с отобранными письмами. Меня подвели уже к знакомому мне цензору

Мардарьеву. Он предложил мне скопировать текст письма, вынутого из конверта. В общем, я теперь периодически поднимаюсь в «чёрный кабинет» и делаю копии писем.

– И зачем ты мне всё это рассказываешь? – прервал брата Михаил.

– Там, знаешь, сколько текстов на иностранных языках? Ты же многими владеешь как родными. Давай я переговорю с Карлом Карловичем, и ты бросишь свою библиотеку. Хватит разрываться на две части: с утра на почте, после обеда в университете. Кстати, жалование у тебя будет больше, ещё и плюс премии. Там есть один цензор, Григорий Николаевич Люби, так у него, кроме основного дохода за службу, ещё и пожизненные наградные в неменьшем размере. А за что? Всего лишь за то, что он заметил в одном письмишке, как студент Андреюшкин рассказывал о готовившемся покушении на царя. Помнишь, в восемьдесят седьмом этого Андреюшкина, Ульянова и других потом казнили.

– Стоп. Откуда ты знаешь про жалование и наградные? Что, Вейсман тебе поручил поговорить со мной, зная, что ему я откажу?

– Да нет! – Иван старался не смотреть брату в глаза.

– Так «да» или «нет»? – настаивал Михаил. – Не юли, брат.

– Понимаешь, Михал Иваныч... Я и сам был бы очень рад... Ты помог мне... Рекомендовал, так сказать... Вот и я...

– Значит, выполняешь поручение его превосходительства?

– И что в этом плохого? – непонимающе удивился Иван.

– Послушай меня, дорогой мой братец, послушай очень внимательно. С этим предложением Карл Карлович обращался ко мне уже не раз. Я всё время отказывал ему, прикрываясь научной работой в университете. И, в общем-то, нисколько не лукавил. Быть может, тебе в это трудно поверить, но в библиотеке я живу, там я наслаждаюсь удовольствием общения с книгами. И никогда не проме-

няю эту жизнь на другую. Правильнее было бы спросить меня, почему я до сих пор не оставил цензирование иностранной прессы на почтамте? А знаешь, для меня это тоже важно. Заставить себя читать столько иноязычных газет и журналов в библиотеке или вне её я бы не смог. И времени было бы жаль, и где их все вместе увидеть-то можно? А представляешь, какая в этом практика для меня? Незаменимая. Так мне за это удовольствие, так сказать, ещё и доплачивают. Вот почему я работаю на почте с усердием и приятством.

– Это и заметно, – улыбнулся Иван. – Ты и на службу идёшь, улыбаясь, и со службы вприпрыжку скачешь.

– Ты меня не сбивай. Я не всё ещё сказал. Почему мне не хочется побывать за книжными шкафами Вейсмана? Там происходит непотребное. Там копаются в личной переписке, вскрывая письма. А это, извини меня, скотство.

Иван вздрогнул, он никогда не слышал от брата ни одного грубого слова.

– За это по закону можно и в тюрьму угодить, – попытался усугубить проблему Михаил.

– Ты, наверное, не знаешь, – возразил Иван, – что копии некоторых писем отправляют к министру, а он к государю, значит, это разрешено, – и он указал пальцем в потолок, – сверху!

Михаил разочарованно вздохнул:

– Брат Сашка мог бы огласить по этому поводу такой диагноз: социофобия. Власть наша неизлечимо больна от постоянного страха перед народом, поэтому поступает безнравственно. И если этого нельзя изменить, то нужно хотя бы не замарать себя причастностью к этому циничному бесстыдству.

Михаил замолчал, ожидая реакции брата. Тот был растерян и потрясён. И вдруг удивил вопросом:

– Ты революционер?

Теперь настала очередь округлить глаза Михаилу.

– Нет!

Опять помолчали.

– Я, Ваня, простой обыватель. Но думающий. Читаю иностранную прессу и осознаю, что нас на Западе не любят. Ругают и нашу религию, и самодержавие. Но я патриот. Я люблю наше отечество, наш язык, наш народ. Я ведь часть этого народа. Это сейчас я «ваше высокоблагородие». Может быть, поэтому у меня обострённое чувство справедливости. И как природный крестьянин я чту добронравие, а как «благородие» – стараюсь не поступать гнусно, чтобы совесть не болела.

– И что ты предлагаешь мне? Уволиться и опять сидеть где-нибудь в конторе, переписывать ненужные бумажки и получать за это гроши, но зато с чистой совестью? – выплеснул обиду Иван.

– Нет, Ваня, нет! Работай как работал, но не испачкайся грязью. Остановись на том, что сегодня у тебя есть, и не испытывай восторга от «чёрных дел».

На том и порешили братья, и договорились больше не возвращаться к этой теме. Душу братья по заведённой сызмальства привычке очищали в церкви, тело – в Усачёвских банях, благо они располагались напротив их дома, а вот за порядком в их жилье следить они не умели, как-то не были приучены. Вот и договорились, чтобы кухарка Агафья перебралась к ним на постоянное проживание и не только бы готовила им еду, но и следила бы за их запущенным холостяцким бытом. Для этого выделили ей в квартире отдельную комнату.

Так и жили они много лет бобылями, Михаилу уж перевалило за сорок пять, Ивану, соответственно, за тридцать пять лет. И вдруг Иван решил жениться. Не то чтобы вдруг. Полгода он ухаживал за Валентиной, дочерью провизора Григорьева. Обвенчались они в припочтовой церкви

Двунадесяти апостолов. От ведомства Ивану Ивановичу Кудряшову выделили служебную квартиру прямо напротив Главпочтамта. Оставшись один, Михаил уступил кухарку Агафью семье младшего брата и стал чаще заглядывать в гости на Почтамтскую, где ему всегда были рады. Очень удобно: пообедав у родственников, Михаил Иванович отправлялся на Васильевский остров, в библиотеку университета.

Двадцатый век беспощадной лавиной обрушился на уже раздавленную Ходынкой Россию. Разбуженные «бесы Достоевского» просто осатанели, они жаждали крови. И первой их жертвой пал министр народного просвещения Благолепов. Затем был застрелен министр внутренних дел Сипягин, а заступившего на его место Плеве взорвали бомбой. И у власти стали сдавать нервы. «Маленькая победоносная война с Японией» не получилась и не отвлекла народ от накопившихся в стране проблем. Казна пустела, промышленность шла вразнос, а тут ещё большевики, затевая смуту, поднимали рабочих на забастовки. Никто никому не верил: ни власть народу, ни народ власти. Многотысячное шествие девятого января пятого года с церковными хоругвями, иконами и портретом императора испугало Правительство. Люди, не доверяя ни почте, ни канцелярии, сами пожелали вручить царю-батюшке петицию о своём угнетённом положении. Власти не поверили в мирные намерения толпы, и тогда солдаты на улицах Петербурга открыли огонь по безоружным людям.

И началось! Коса нашла на камень. Каждый день звучали слова «забастовка», «стачка», «баррикада», «революция», «восстание». Всякое вооружённое сопротивление жестоко каралось. Но и революционеры усиливали террор. По всей стране велась охота на высших чиновников: были убиты губернаторы в Уфе, Тамбове, Симбирске, Пензе и Акмолинске. Добрались террористы и до премьер-министра

Столыпина, застрелив его в киевском театре в присутствии самого царя. Социалисты-революционеры действовали не только дерзко, но и бесстрашно, зачастую жертвуя собой. Убийца петербургского градоначальника покончил с собой сразу же после акции. Выяснить, кто он такой, не удалось. И тогда голову террориста заспиртовали и выставили на опознание. Омерзительно, однако вполне соответствовало варварским нравам.

Михаил Иванович Кудряшов не принимал участия ни в забастовках, ни в демонстрациях. Он был среди многих тех, кто наблюдал за происходящим со стороны и не становился ни на чью сторону. Он не мог не посочувствовать семье застреленного московского градоначальника Шувалова, в которой осиротели восемь детей, мал-мала меньше. И рабочих, конечно, ему было жаль, они жили в постоянной и безысходной нужде.

У Ивана дела шли в гору. Всё больше требовалось сотрудников в их отдел, а люди должны быть надёжные, проверенные. Именно Ивану было доверено это ответственное дело – подбор кадров. Поощрялось приглашение родственников, нужна была круговая порука. Как нельзя кстати оказалось, что брат супруги Валентины был неимоверно увлечён новым делом: стенографированием на печатной машинке. Скорость снятия копий с писем значительно увеличилась с его приходом, а Иван перестал появляться в «чёрном кабинете».

У Михаила тоже произошли значительные служебные изменения. Неожиданно скончался директор университетской библиотеки, и Кудряшову предложили его заменить. А после вступления в должность ему повысили служебный ранг. Теперь Михаил Иванович стал действительным статским советником и обращаться к нему надо было: «Ваше превосходительство». А вот вычитывать иностранную прессу он не перестал. Должность цензора за ним со-

хранилась. И служил он на почте до весны семнадцатого года: новое Временное правительство отменило всякую цензуру как совершенно недемократический контроль над прессой и литературой. Всех сотрудников отдела цензуры иностранных газет и журналов на Главпочтамте уволили. Способности и опыт Ивана Кудряшова помогли ему сохранить место в отделе обработки писем, бандеролей и посылок. И слава Богу! А то как бы ему было содержать семью? К Февральской революции у него с Валентиной было уже трое детей.

Жизнь, как набравший скорость экспресс, неслась вперёд. И Кудряшовы, пассажиры этого поезда, за происходящими в Питере событиями наблюдали из окна. Иногда в прямом смысле этого слова. Двадцать восьмого февраля семнадцатого года на Почтамтской улице раздались ружейные хлопки. Фронт находился далеко, а стреляли где-то рядом. Пришедший на обед Иван Кудряшов негромко объявил жене Валентине:

– Пьяная толпа грабит дом Фредерикса.

Вера и Валя, их дочери, переглянулись. Они знали, что дом графа Фредерикса находится рядом, на углу Почтамтской и Конногвардейского переулка. Они иногда гуляли с мамой у этого дома. Там на высоких гранитных пьедесталах возвышались два мраморных атлета, которые усмиряли вздыбленных коней. Мама рассказывала, мол, это изображены братья Диоскуры из древнегреческих мифов. А дядя Михал Иваныч, который про питерские памятники знал всё в подробностях, как-то пояснил, что раньше эти скульптуры стояли перед колонным входом в Манеж, но однажды мифологических братьев отправили в ссылку, очень уж они, обнажённые, не понравились господам из Синода и священникам Исаакиевского собора. Правда, сослали их недалеко: с крыльца конногвардейского ма-

нежа на плац лейб-гвардии конного полка. Их даже было видно из окна квартиры Кудряшовых.

Девочки, облокотившись на подоконник, высматривали, что происходит на улице.

– Медведи! Смотрите, там медведи! – обрадованно крикнула Вера.

Все прильнули к стеклу, а Мишанька, младший братик, так и вовсе взобрался с ногами и встал у рамы во весь рост.

Под окнами тряслась по мостовой пролётка. На сиденье некий барин в шикарной шубе красовался в окружении двух медведей: с одним он сидел в обнимку, другой полулежал напротив. Медведи были не живые, а чучела из Фредериксова дома.

– Да-а! – вдруг расстроенно протянул Иван Иванович. – Уж если дозволяют грабить дом министра императорского двора и если уж Мамонт Дальский присоединился к грабежу, то это настоящая революция.

Кудряшов узнал актёра Дальского, который когда-то блистал на подмостках Александринки.

– Вот как распоряжается судьба: Чацкий, Гамлет, Хлестаков на сцене, а в жизни тривиальный разбойник и не шиллеровский, а настоящий, – так Иван Иванович подвёл итог своих раздумий.

И, расстроенный, он пошёл допивать чай, а ребятишки продолжили с азартом и комментариями рассматривать других бегущих воришек, несущих кто в мешках на плече, кто просто под мышкой похищенное добро семьи графа Фредерикса. Что удивительно, вокруг не было видно ни полицейских, ни жандармов. Когда на проезжую часть вынесли кресло с женщиной, завёрнутой в одеяла, девочки решили, что это сама графиня. Рядом с ней сидела большая собака, облаивая всех, кто приближался к хозяйке. Один из вооружённых грабителей снял с плеча винтовку

и хладнокровно застрелил пса. После этого Валентина запретила детям наблюдать за происходящим.

Потом из окон графского дома повалил дым и стали вырываться языки пламени. Двухэтажное строение полыхало всю ночь. Отблески огня отражались на стенах спальни даже сквозь задёрнутые шторы. В памяти девочек так и сохранилось: революция – это разбой, грабёж и пожар. А позже к этим понятиям присоединился ещё и голод.

Восемнадцатый год в семье Кудряшовых стал разрушительным. Да что в семье! Всё рушилось в бывшей империи.

Большевистское правительство покинуло Петроград, переехав в новую, или, вернее, в старую столицу, в Москву. Питерское руководство не справлялось с обеспечением жителей города продовольствием. Деньги обесценились, на них нельзя было просто так купить хоть что-нибудь из продуктов. Ввели карточки на съестные товары. Это не спасло ситуацию. Деньги имелись, карточки выдавали, а еды не было, прилавки в магазинах совершенно опустели. Хлеб отоваривали по норме, а она постоянно менялась. Сначала было полфунта в день, потом – четверть, и самой драгоценной стала осьмушка.

Вера с Валей утром натощак уходили в школу в Почтамтский переулок. Там давали суп из ржавых селёдок, правда, с картошкой, но без хлеба. После школы на Английской набережной кормили в специальной столовой всё той же ухой. Вечером в детском клубе на Конногвардейском бульваре суп был другой, не рыбный, повкуснее, но опять же без хлеба. И лишь дома съедали они, как конфетку, свою пайковую горбушку. Чем весь день питались родители и Мишенька, девочки и не знали. Когда в гости приходил Михаил Иванович, приносил понемногу то муку, то овёс, то крахмал, то сахар. И тогда мама варила или кашу, или кисель, чем очень радовала детей.

Дядя Миша устраивал игры для своего тёзки, Михал Иваныча Второго, тем самым отвлекая его от болезни. Малыш страдал от диабета. В чём была причина заболевания и как лечить мальчика, никто не знал.

– Где же, где же запропастился наш Сашка? С его-то медицинскими талантами он бы точно помог нашему Мишеньке, – вздыхал Иван, когда они оставались наедине с братом Михаилом.

– Ко мне перестали поступать от него письма с конца шестнадцатого года, – вздыхал Кудряшов-старший, – он тогда заведовал прифронтовым госпиталем. А что с ним теперь, одному Богу известно.

– Да! – соглашался Иван. – Был бы жив, наверное, подал бы о себе весточку.

Братья были разительно непохожи друг на друга. Михаил невысокий, сухонький, со впалыми щеками под реденькой, клиновидной бородёнкой. Иван же – рослый, круглолицый, с широкой пушистой бородой. Как-то по-разному на них воздействовал голод. Один худел, другой толстел. Правда, полнота Ивана была нездоровой. Это от водянки. Но о себе они не думали. Больше переживали за Мишеньку. А он каждодневно слабел. Постоянно испытывал жажду и непрестанно хотел «по-маленькому». Активные игры в семье заменили на застольные или даже диванные.

Мишаня очень радовался, когда выходил победителем в игре «Города́». Он унаследовал от отца талант мгновенного запоминания: взглянув на карту, в миг сохранял в голове названия всех географических пунктов. А ещё девочки удивлялись, как Мишутке удавалось узнать, что изменилось в комнате, когда они, пока братик на минуту выходил, меняли местами предметы. Ему не надо было говорить «теплее», «холодно». Он сразу указывал, что где стояло и висело. А было талантливому ребёнку всего-то шесть лет.

Это он сам как-то решил, что будет Михал Иванычем Вторым: «Всё же лучше, чем быть Михаилом Младшим. А что? Были Екатерина Вторая, Александр Второй! А я вот буду Михал Иваныч Второй!».

Умер мальчик неожиданно и тихо. В очередной раз пошёл в туалет и что-то долго не выходил. Приоткрыли дверь – а он, откинувшись назад, сидит на унитазе и не дышит. Дядя Миша вынес его в коридор, уложил на половичок, приложив ухо к груди, заключил: «Сердце не бьётся!».

Валентина в крик. Девочки в слёзы. Иван всех их обнял, успокаивая.

Михаил отправился в Почтамтскую церковь. В своё время Кудряшов был хорошо знаком с настоятелем храма и полным своим тёзкой Михаилом Ивановичем Горчаковым[92], помимо всего прочего, тот преподавал ещё и в университете, был заслуженным профессором кафедры церковного права. Горчаков завещал свою большую домашнюю библиотеку университету, её и принимал Кудряшов после смерти протоиерея. Это было в десятом году. Теперь церковь во имя святых Двенадцати апостолов возглавлял преемник Горчакова отец Аркадий Виноградов[93]. Он тоже приятельски общался с Кудряшовым. Узнав о несчастье, священник сочувственно пожелал родителям усопшего стойкости.

– Ваше преподобие, много лет у нас в семье не случалось смертельной беды, поэтому в растерянности мы. Что делать нужно нам? Как поступить?

---

[92] Михаил Иванович Горчаков (1838–1910) – протоиерей, член-корреспондент Академии наук, настоятель Почтамтской церкви во имя святых Двенадцати апостолов.

[93] Аркадий Андреевич Виноградов – протоиерей, настоятель церкви Двунадесяти апостолов при министерстве почт и телеграфов.

– Я понял. Не беспокойтесь, ваше превосходительство. Пришлю к вам опытного человека, он всё совершит, как положено. А отпевание проведу сам.

И правда, по поручению отца Аркадия всё было организовано и совершено в соответствии с православными традициями. Нашлась и телега, приспособленная под катафалк. До Смоленского кладбища шли пешком.

Иван периодически что-нибудь вспоминал:

– Как-то летом четырнадцатого года мы с детьми отдыхали в Ялте. Возвращались домой уже, когда Германия объявила войну. На вокзале мы взяли извозчика. Уже подъезжали к дому, как остановились на Исаакиевской площади. Она была переполнена бушующей массой людей. Возмущённые горожане собрались перед германским посольством. На крыше трёхэтажного здания самые отчаянные, орудуя ломами и молотками, пытались сбросить с пьедестала фигуры обнажённых тевтонов. Ну, помнишь, там над порталом возвышались огромные статуи Диоскуров, ведущих под уздцы мощных коней[94]?

Михаил кивнул головой. А Иван продолжил:

– И действительно, прямо на наших глазах медные атлеты под восторженные возгласы толпы полетели вниз. Расстроенный Мишутка ухватился за мою шинель: «Папа, папа, а лошадок тоже уронят с крыши?». Что я мог сказать в ответ на это? Только: «Не знаю, сынок». – «А если мы не будем смотреть, может, они останутся живы?». Я тогда приказал извозчику побыстрее объехать собор по Вознесенскому и Адмиралтейскому проспектам. А вот нынче

---

[94] В 1913 году на здании германского посольства, что расположено на Исаакиевской площади, была установлена монументальная композиция: два мощных атлета со щитами ведут под уздцы двух тяжеловесных коней. Скульптор – немецкий профессор Э.Энке.

подумал, как Миша, что лучше не буду смотреть на него мёртвого, пусть он в памяти будет живой.

Голос Ивана дрогнул, и по щекам его потекли горькие слёзы, теряясь в седой бороде.

Михаил Иванович судорожно всхлипнул, не в силах тоже удержать собственные слёзы.

Шестого ноября поминали почившего мальчика, был уже девятый день. Валентина попросила Михал Иваныча заночевать у них, чтобы на следующий день сопроводить девочек в Зимний дворец, там должен был пройти праздник для детей, а сами они с Иваном хотели посетить площадь перед Смольным, где после торжеств обещали бесплатно накормить в ближайших столовых.

В полночь с шестого на седьмое всех разбудили пушечные выстрелы. Это так салютовали большевики, отмечая годовщину перехода власти от Временного правительства к Совету рабочих и солдатских депутатов. Иван насчитал двадцать пять залпов.

С утра разошлись по намеченным маршрутам. В Зимнем дворце праздник завершился тем, что выдали каждому ребёнку по сайке и яблоку. Вера с Валей были просто счастливы. Родители тоже принесли по полфунта хлеба на каждого. Вечером устроили скромный семейный ужин. Михаил, чтобы не злоупотреблять гостеприимством, решил отправиться к себе в Усачёв переулок. Сколько ни уговаривали его родственники, он был непреклонен. Обнял милых девочек:

– До свиданья, дядя Миша! – улыбнулась Верочка.

– Прощай, Михал Иванович Первый! – грустно прижалась к дядюшке Валечка.

Поцеловав в щёку Валентину и похлопав по плечу брата, Михаил удалился.

Выйдя на улицу, с наслаждением наполнил грудь морозным воздухом. Направо перед ним – крыльцо Главпочтамта.

С марта прошлого года он ни разу так и не заходил в это учреждение, где прослужил двадцать семь лет. «О, Боже! Это же четверть века! Для кого-то – вся жизнь!» – удивился собственной мысли Кудряшов, осознавая, что прошлое никогда не повторится. Повернул налево в направлении к двум возвышающимся в конце улицы белым скульптурам. «Интересно, – подумалось вдруг, – кто из них Полидевк, а кто Кастор? Их считают близнецами, хотя отцы у них разные. И если Кастор был бессмертным как сын Зевса, то Полидевк, сын земного царя, погиб от копья в драке».

Михаил поднял глаза вверх в надежде увидеть созвездие близнецов, но питерское небо, как обычно, было затянуто облачной пеленой.

Пока думы вертелись в голове, ноги вывели Кудряшова к набережной Мойки как раз напротив дворца Юсуповых.

«А ведь именно здесь два года назад компания заговорщиков расправилась с одиозным Григорием Распутиным[95]», – почему-то вспомнилось Михаилу.

Он добрёл по Большой Морской до Поцелуева моста и, взойдя на него, посмотрел вдоль реки. Над доходными домами грозно чернела колоннада Исаакия. Креста над луковичным куполом не было видно.

Мимо прогромыхал тарантас. Звонкий цокот копыт, как дробь по барабану, отозвался в ночной тишине, отражаясь от чугунных арок.

«А говорят, что если влюблённые поцелуются на этом мосту, то никогда не расстанутся, – неожиданно пришло в голову Михаилу. – А мы с Софьей почему же не додумались сделать это?».

---

[95] Григорий Ефимович Распутин (1869–1916) – одиозная личность. Сибирский крестьянин, имевший особо приближённые отношения с семьёй последнего российского царя Николая II.

Улица Глинки за Поцелуевым мостом была безлюдной и тёмной, зато Театральная площадь, заполненная разномастными повозками, освещалась кострами, вокруг которых грелись извозчики.

«Сегодня же премьера в Мариинском театре», – осенило Михаила.

К годовщине Октября мариинцы восстановили оперу «Фенелла», запрещённую царским режимом в январе семнадцатого года. Кудряшов был на том представлении. Главную партию исполняла Матильда Кшесинская[96]. В той опере это было возможно, потому что заглавная героиня по сюжету была немой. Зато как блистала балерина, танцуя тарантеллу и болеро. Наверное, было за что закрывать это представление. Всё потрясало публику в тот вечер: и пылающий на подмостках дворец вице-короля, и залитая заревом пожарища сцена, и баррикады, как настоящие. Зал в прямом смысле рыдал, когда погибал брат героини, мятежник Мазаньелло и когда кончала с жизнью Фенелла, бросившись в жерло вулкана. После просмотра такой феерии можно было и бунта ожидать. А он и случился через шесть недель, в феврале семнадцатого.

Судя по афише, обновлённую постановку спектакля осуществил Мейерхольд[97].

Зал наверняка был полон. Потому и дежурили извозчики у театра – в надежде подзаработать на зрителях.

Михаил обогнул театр, выйдя на Торговый мост через Крюков канал. Прошёл вдоль Никольского собора, пересёк Пикалов мост и остановился на углу Садовой. Сто восемнадцать лет назад вот там, второй дом от угла, по

---

[96] Матильда Феликсовна Кшесинская (1872–1971) – прима-балерина Мариинского театра. Заслуженная артистка Императорских театров.

[97] Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940) – знаменитый театральный режиссёр.

набережной Крюкова канала, передали из окна на руки гвардейцев гроб генералиссимуса Суворова[98] и понесли его в последний путь по Садовой до Невского, а потом в лавру, в Благовещенскую церковь, где и покоится он до сих пор под каменной плитой с краткой надписью: «Здесь лежит Суворов».

«И что это у меня сегодня все мысли про печальное?».

С Садовой Михаил повернул в Усачёв переулок. «Удивительно! – подумал он, увидев по левой стороне упряжку. – Неужели бани заработали? Они закрыты были уже с год». Но света в окнах бань не было. Кудряшов уже подошёл к арке своего дома, когда с облучка спрыгнул подросток весь в кожаном: брюки, куртка, форменная фуражка.

– Стоять! – женским голосом выкрикнул кожаный человек. – Кто такой? Документы имеются?

Кудряшов попытался вынуть руки из карманов шинели.

– Стоп! Лицом к стене! – приказала женщина, выхватив из-за пазухи револьвер.

Теперь было понятно, что это совсем не подросток. Михаил, поворачиваясь спиной к кожаной даме, успел увидеть молодое румяное личико и прядку пшеничных волос, выбившуюся из-под фуражки.

– Руки из карманов вынимаем медленно. Поднимаем вверх. Опираемся о стену. Оружие есть?

В тембре женского голоса было что-то удивительно знакомое.

– Нет! Оружия у меня нет. Я здесь живу. В этом доме. Вход в квартиру со двора.

---

[98] Александр Васильевич Суворов (1729–1800) – великий полководец, основоположник русской военной теории. Умер в Санкт-Петербурге, в квартире своей племянницы, мужем которой был обер-прокурор Святейшего синода Д. И. Хвостов.

– Разберёмся! – похлопывая по карманам Михаила, предупредила дамочка с револьвером.

И в это время из ближней парадной выскочили двое вооруженных мужчин, тоже в кожанках. У одного в руках был саквояж.

– Всё! Сматываемся. Старушки быстро всё выложили, – сообщил тот, что был с саквояжем.

Они уже садились в коляску, когда один из мужчин, схватив вожжи, окликнул дамочку:

– Блюменау, ну что ты там валандаешься со стариком? Шлёпни его и поехали.

«Старик - это я», – догадался Кудряшов и вжал голову в плечи, услышав, как за его спиной щёлкнул взведённый курок.

– Хотя... – передумал возница, – не будем поднимать шум. Дело сделано! Чёрт с ним! Садись, Блюменау, быстрее.

– «Что наша жизнь? Дар случайный», – процитировала Пушкина кожаная дамочка, приставив ствол револьвера к спине Михаила. – Пока живи, старик!

И под цокот копыт коляска покатила к набережной Фонтанки.

Михаил продолжал стоять, опираясь о стену: «Что это было? Меня только что могли убить! И кто? Блюменау!».

Стук подков и грохот колёс затихли за поворотом.

У Кудряшова подкосились ноги, и он медленно присел, прислонившись к каменному цоколю.

«Софья? Анненская? Нет. Она же мне ровесница. А эта была совсем юной».

С трудом передвигая обессиленные ноги, опираясь рукой о стену, Михаил потащился домой.

Впервые он лёг на кровать, не раздеваясь, прямо в шинели и забылся в тяжёлом сне. Странные картины сменяли одна другую. То он, продрогший, несёт венок на похоронах Достоевского, то стоит у гроба Полонского, то

бредёт за катафалком с телом племянника, и уж совсем непонятное: будто он сам лежит в гробу, а мимо проходят молча знакомые и незнакомые люди. И вдруг склоняется над ним дама, во всём кожаном, с лицом молодой Софьи Анненской, она поправляет свисающую прядку пшеничных волос и объявляет: «Жизнь на смерть осуждена! Разве ты забыл?». За плечами у Софьи появляются крылья, как у ангела, и она медленно воспаряет ввысь, призывая и его последовать за ней.

Вздрогнув, Михаил проснулся. Было уже утро, раннее. Встал, пошатываясь, и привычным маршрутом побрёл на службу, в библиотеку.

Неделю спустя Валентина, очень встревоженная тем, что Михаил Иванович так долго не заходит к ним, просила мужа узнать, в чём дело. Иван отправился на Васильевский остров к университету. Библиотека располагалась в самом последнем корпусе старинного здания Двенадцати коллегий. Узнав о цели посещения, помощник библиотекаря спросил:

– А вы кем приходитесь Михаилу Ивановичу?

– Я его родной брат.

– Ой! Вы должны войти в наше положение. В библиотеке почти все сотрудники новые. Никто не знал, что у его превосходительства, ой, извините, у директора есть брат. Понимаете, господин, ой, извините, товарищ Кудряшов в субботу пришёл, как всегда, рано и весь день провёл в своём кабинете. А на воскресенье остался ночевать там же. Дело обычное, он, бывало, засиживался допоздна и не уходил домой. Сторож сказал, что он весь день не выходил. В понедельник я зашёл к нему с докладом. Ой! А он лежит на диване уже холодный. Фельдшер сказал, у него случился апоплексический удар. Мы не знали, кому сообщить. Ну и вот... Похоронили его на Смоленском.

Ивана Ивановича качнуло. Он присел на предложенный стул. Ему принесли воды.

– Ой! А вы знаете, – продолжил помощник библиотекаря, – мы в его кабинете ничего не трогали. Может, хотите взглянуть?

Они прошли в кабинет директора.

Небольшая комната, вся уставленная книжными стеллажами, диван с высокой спинкой, широкий стол, почти пустой, в центре, видимо, дневник, раскрытый на последней странице. Иван прочёл крупно написанных два слова: «Дар случайный!».

СЧАСТЬЕ

Пенсию Пожарскому и вправду пересчитали с учётом новых справок и документов, привезённых из Казахстана. Спасибо сыну, надоумил.

В очередной сентябрь 2019 года Алексей Егорович вновь вышел к школьной доске. Учебную нагрузку ему сделали минимальную, а он и не претендовал на большее. Молодым учителям надо зарабатывать, а для него школа – это удовольствие общения с детьми. Дома оставаться одному тоскливо. Утром чашка крепкого кофе. Обед в школьной столовой. Ужин, как придётся. Чтобы крепче уснуть, стакан коньяка или два. И так каждый день. Однообразно и тоскливо. Взялся за домашний архив. Куча сохранившихся буклетов и театральных программок. Раскладывал их по годам, вспоминая семейные походы с женой и детьми. Нашёл интересные документы, связанные с прадедом Лизы. Она молодец, добилась, чтобы ей разрешили посмотреть протоколы допросов. Служба госбезопасности рассекретила

часть документов в связи с истечением срока давности. Даже разрешили снять копии. Оказалось, что пострадал Иван Иванович Кудряшов в советское время из-за того, что служил в цензурном комитете ещё до революции. А всё, видимо, из-за «чёрного кабинета», где вскрывались письма. Будто сотрудники «кабинета» делали это из любопытства, как гоголевский почтмейстер Шпекин из «Ревизора». А у них служба была такая. За неё государство жалование платило. На допросе с пристрастием бедный Иван Иванович во многом признался: и каким способом вскрывалась корреспонденция, и как снимались копии, и куда потом они направлялись. Не ясно вот только: под диктовку не очень осведомлённого следователя оставил он письменные показания или это зашифрованное послание потомкам. Иначе как понять, что он, оказывается, вскрывал письма видного революционера Бакунина[99], который умер, когда Кудряшову было всего шесть лет. Это, однако, не смутило чекистов. В тридцатом году Иван Иванович был уже пенсионером, и не понятно, какой же вред мог принести этот старик советской власти? Его осудили по так называемому «Делу чернокабинетчиков». Дали ему пять лет, отправили на Соловки. Умер он там от гангрены, отморозив и руки, и ноги ещё по пути следования.

Лиза, когда про всё это узнала, вспомнила, что её бабушка, дочь Ивана Ивановича, или не знала ничего этого, или берегла родственников, не рассказывая о репрессированном отце. Сколько же тайн хранится в жизни наших предков?

«Надо всё это передать сыну Петру, пусть как-то систематизирует документы», – решил Алексей.

---

[99] Михаил Александрович Бакунин (1814–1876) – русский мыслитель и революционер, теоретик анархизма и народничества.

Урочная жизнь текла размеренно, по своим законам просвещения: объяснил тему, закрепил на практике новые знания, проверил, как усвоили их дети, и дальше пошёл, к следующему параграфу из учебника. Обычное дело. И с чего это вдруг Алексей Егорович свалился однажды на пол со стула. Бедные ученики, испугавшись, стали звать взрослых:

– Горыч упал! Горыч упал! И не шевелится.

Очнулся Пожарский уже в реанимационной скорой.

– Что случилось? – удивился Пожарский.

– Если вы про нас, то у нас всё порядке, – отшутился врач, поправляя трубки капельницы. – А у вас вот не всё в порядке. За сердцем надо следить, а то остановится, а запустить его будет некому. Вы давно обследовались?

– Не помню даже.

– Это плохо! Ну, ничего, у нас хорошие врачи, быстро поставят на ноги.

Быстро не получилось. Оказалось, что сердце само уже не может работать на полную мощность, и лишь через три недели доктора вернули Алексея Егоровича к полноценной жизни, только уже со вшитым кардиостимулятором. Закрыв больничный, Пожарский вернулся в школу: сидеть дома он был не в силах. С алкоголем ему посоветовали поосторожничать и лучше на первое время совсем отказаться.

Как-то тоскливо и одиноко стало. Надо было придумать, как коротать вечера. В шахматы надоедает играть. Выпить нельзя. Тогда-то и вспомнил он про Нурасыла Ахметова, который усмехался, что Алексей не пользуется социальными сетями.

Открыл «Одноклассники». Зарегистрировался. «Ого! Сколько же людей активно пользуется этой платформой». Пожарский сам себе удивился, что вдруг у него выскочило это сленговое словечко – «платформа». Раньше бы он употребил его только в связи с железной дорогой. «А что? Может

быть, в этом и есть сермяжная правда. Люди отправляются в путешествие по Интернету, как будто садятся в купе со всеми удобствами, а сами сидят на платформе-диване. Итак...». Пальцы сами набрали имя – Ольга Кузнецова. Щёлк! И экран предложил на выбор десяток Кузнецовых, но курсор уверенно выбрал одну, других Алексей и рассмотреть не успел. Это была его Оля! Аж сердце защемило. Он открыл её страничку. Фотографий сотни, разглядывая их, ругал себя: «Зачем я это делаю?». Но остановиться не мог. Вот она! Всё такая же! Нет, немножко другая и всё равно прекрасная!

Алексей оторвался от экрана. Встал, не зная, зачем. Пошёл на кухню. Открыл холодильник. «Есть не хочется. Понятно! Надо выпить!». Коньяк стоял в серванте. «А что сказал бы врач?» – «Нельзя!» – «Но у меня даже руки трясутся от волнения!» – «Тем более не стоит!» – «А что делать?» – «Иди на свежий воздух».

«Так! Действительно, нужно взять себя в руки! Дожился, уже с отсутствующим врачом разговариваю. Надо прогуляться!». Алексей вышел во двор. Был поздний вечер. Один из последних тёплых вечеров осени. Бабье лето. Где-то высоко в тёмном небе послышалось журавлиное курлыканье. «Вот те на! Не знал, что они летают ночью. Хотя... Мало ли что! Вдруг стаю кто-то потревожил, вот она и встала на крыло». И вдруг вспомнилось Алексею одно народное поверье, что после смерти души усопших переселяются именно в журавлей, потому они и кричат так печально, улетая. Он прислушался, но ему ответил лишь шум колёс проезжающей мимо машины. «Пройдусь-ка по улице, давно я не гулял по ночному городу». Навстречу молча двигались, держась под ручку, очень пожилые люди. «Выгуливают друг друга перед сном», – усмехнулся, а скорее позавидовал Алексей и свернул в сквер. Фонари жёлтыми пятнами высвечивали посыпанные отсевом дорожки. В од-

ном из таких пятен появилась прогуливающаяся парочка, эти двое оживлённо о чём-то болтали, но примолкли, когда поравнялись с одиноким Пожарским. «Подумаешь! Секреты боятся выдать! Или одинокий человек вызывает у них подозрение! Или я такой старый, и поэтому они уважительно затихли». Когда разминулись на дорожке, те двое, весело рассмеявшись, пустились в бег, не разрывая рук. «Да уж! Я и забыл, когда мог вот так пробежаться!». За поворотом на скамеечке двое влюблённых целовались, ни на кого не обращая внимания. «Молодцы!» – порадовался за них Алексей.

Гулял долго. К полуночи вернулся домой. Опять сел за компьютер. Экран засветился – и снова открылся портрет Оли. Это Алексей, уходя, не закрыл «Одноклассники». И вдруг рядом с фото мелкий шрифт: «Последний визит: сегодня в 23.45». Пожарского озноб прошиб. Мурашки по спине пошли. «Она была на моей страничке десять минут назад?». Бедная мышка вспотела под его рукой. Курсор сам нашёл иконку видеосвязи, и палец щёлкнул по «вызову». «Идиот, что ты делаешь? В Челябинске сейчас два часа ночи!». Экран на мгновение потух и вновь засветился. На нём появилась вполне себе бодрствующая Ольга Кузнецова.

– Здравствуйте, Алексей Егорович!

– Здравствуй, Оля! Почему не спишь?

– Бессонница! Одиночество не располагает к быстрому засыпанию, вот и мучаю себя у компьютера, пока не устану.

– А я наслышан, что у тебя четверо детей.

– Да. Петя, Маша, Александр и Наталья.

Алексея словно электрическим ударом встряхнуло. «Не отключился бы кардиостимулятор!».

– Почему же тогда одинока? – продолжил он выведывать информацию.

– Дети взрослые, живут самостоятельно. Мужа похоронила два года назад. Живу одна. Со старушками на ска-

мейке у подъезда неинтересно, особо близких друзей нет, потому и одиночество. Вот увидела, что вы заглядывали ко мне на страничку и ждала вашего звонка. Дождалась!

– Олечка, как же много у нас с тобой общего!

Незаметно проболтали до утра. Всё узнали друг про друга. Успели всплакнуть и посмеяться.

– Оля, если ты свободна, я вот не могу сорваться из-за уроков в школе, приезжай ко мне. В гости. А там видно будет, как нам дальше жить. Приезжай, пожалуйста. Давай свои данные, я куплю тебе билет.

– Хотела сказать: подумаю. А чего думать? Приеду! Называй свой адрес, Алёша!

И приехала, и осталась. И всё у них было: и любовь, и счастье, и поцелуи в метро, когда она вставала на эскалаторную ступеньку выше, чтобы удобнее было целоваться. Спасибо детям, они отнеслись с пониманием к неожиданному браку родителей. Алексей и Ольга обвенчались и отправились в свадебное путешествие в Муром поклониться мощам святых Петра и Февронии[100]. А ещё побывали в гостях у друга Володьки Льнянова. Спасибо Нурашке. Он ведь тогда, в Явленке, когда ели бешбармак у его свата, всё-таки устроил прямую связь с Италией. Володька молодец: сына воспитал, дом построил, выращивает гранатовые деревья. Пожарские отдыхали у него. Бродили по песчаному берегу, держась за руки. Отдыхали в тени магнолий, попивая белое вино. Овеваемые вечерним бризом, наслаждались бесконечным морским простором. Другая жизнь! Но дома лучше! С любимым, как говорится, и в шалаше рай, шалаш этот двухкомнатный на третьем этаже провинциального российского городка. И Алексей уверен, что, если бы Оля не приехала, если бы не осталась у него, он точно бы не

---

[100] Пётр и Феврония – русские православные святые. 8 июля в честь этих святых отмечается День семьи, любви и верности.

пережил пандемию. Ольга тоже заразилась, но стойко переносила болезнь, не позволяя себе расслабиться. Маленькая, хрупкая, пожалуй, раза в два легче Горыча, но сильная духом и стойкая в испытаниях, она подняла его на ноги. А как иначе? Через столько лет вновь обретя свою отнятую любовь, она не могла теперь уступить своего любимого какой-то «старухе с косой». Ни за что!

На рабочем столе Алексея около компьютера стоит стеклянная прозрачная рамка, а в неё вставлена открытка, когда-то подаренная режиссером Пожарским школьной артистке Кузнецовой. И там написаны удивительно пророческие слова: «Оля, поздравляю тебя с премьерой! Тебе удалось очень правдиво сыграть главную героиню Машу Миронову. Молодец! Надеюсь, что у тебя будет много хороших ролей не только на сцене, но и в жизни! Я верю, какой бы ни была твоя планида, ты непременно будешь счастлива! Спасибо тебе за всё!». Эту открытку с премьерного спектакля Оля бережно хранила все годы. Теперь это их общая семейная реликвия.

– Слушай, любимая, а не написать ли мне книгу про нас? Ну, и не только про нас. Про жизнь. Пусть думают, что автор всё придумал и что так не бывает. А мы-то знаем, что бывает!

Ольга устроилась у Алексея на коленях, прижалась к нему, и стало ей хорошо и уютно в объятиях любимого.

– А что, возьми и напиши!

При всех невзгодах жизнь и судьба были благосклонны к Пожарскому. Сколько осталось? Неважно! Рядом с ним, вот прямо на коленях у него, приютилось счастье.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСЕЙ. 1979 ГОД 6
СТЕПАН 13
КОЛЛЕГИ 27
МУШКЕТЁРЫ 31
НАЧАЛО 40
СОСЕД 44
БУДНИ 46
ПРИЯТНЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ 53
ПОЧЕМУ? 56
НИЧЕГО СЕБЕ! 60
ПО-ДОМАШНЕМУ 67
ОЛЬГА 71
REPETER 73
ВЫЙТИ В ЛЮДИ! 76
КОНКУРЕНЦИЯ 81
СПРАВЕДЛИВОСТЬ? 84
ПРЕМЬЕРА 88
ТРЕВОГА 90
ГАСТРОЛИ 95

С НАДЕЖДОЙ НА ДОБРОЕ 97
НОВАЯ ПЬЕСА 100
ПО-НАСТОЯЩЕМУ 102
ЭТО ЛЮБОВЬ 107
НОВАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ 110
ОТКРОВЕНИЯ 113
БЕРЁЗОВЫЙ СОК 116
КАЛЕЙДОСКОП МАЙСКИХ СОБЫТИЙ 121
СЛУЖБА В АРМИИ 151
С НУЛЯ! 179
КУДРЯШОВ. 1879 ГОД 193
ЕНОТАЕВКА. 1990 ГОД 219
МИХАИЛ КУДРЯШОВ. 1890 ГОД 255
ГОРЫЧ. 2018 ГОД 281
МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КУДРЯШОВ. 1918 ГОД 306
СЧАСТЬЕ 334

Василий
КОНОПЛЕВ

ТАК НЕ БЫВАЕТ

РОМАН

Корректор А. Жакупова
Компьютерная верстка В. Резунов

Книга отпечатана в типографии
ТОО «Издательство «Северный Казахстан».
Адрес: 150001, Республика Казахстан, Северо-Казахстанская область,
г. Петропавловск, ул. Кошукова, 5.
Тел. +7 (7152) 31-07-72, e-mail: iim@izdatelstvo-sk.kz

Василий Коноплёв – автор четырёх сборников поэзии, книг публицистики, лингвистического словаря, сборника малой прозы, состоящего из рассказов и повестей, и вот его новая книга – роман «Так не бывает».

Сотня действующих лиц, ещё больше упоминаемых исторических личностей, обилие дат и географических перемещений – всё это необходимо писателю для создания исторического фона и реалистичной обстановки, в которой живут герои произведения, а повествование охватывает более чем столетний период. Через испытание любовью и предательством, в повседневном труде и в общении с окружающими людьми, в потоке событий, происходящих в стране, проверяется умение главных героев быть счастливыми.

Василий Коноплёв и в качестве прозаика остаётся верен своей причастности к учительской профессии, к исследовательской работе пушкиниста и к театральному искусству. Это находит место и в судьбах персонажей его романа.

ISBN 978-601-7958-47-3